

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

ЮниКредит Банк: более 20 лет в России

ЮниКредит Банк — это универсальный коммерческий банк, входящий в число 10 крупнейших банков России и в 1000 крупнейших банков мира. 100% голосующих акций принадлежит UniCredit Bank Austria AG, Вена, Австрия, входящему в состав европейской Группы UniCredit.

ЮниКредит Банк имеет Генеральную лицензию №1 Банка России.

Среди банков, зарегистрированных в России, ЮниКредит Банк имеет одни из самых высоких кредитных рейтингов от международных рейтинговых агентств Standard&Poor's и Fitch Ratings.

Опираясь на мощный потенциал своих акционеров и богатый опыт работы в России, ЮниКредит Банк занимает одно из ведущих мест в российской банковской системе.

Банк специализируется на обслуживании корпоративных и частных клиентов, корпоративном финансировании и казначейских операциях. ЮниКредит Банк — один из основных банковских партнеров для более чем трети из 200 крупнейших российских предприятий. Структура акционеров банка делает его выгодным партнером для иностранных финансовых институтов. Это позволяет эффективно решать любые проблемы при осуществлении клиентами ЮниКредит Банка внешнеторговых операций, а также привлечении иностранных кредитов.

В своей деятельности Банк руководствуется ценностями, зафиксированными в Кодексе деловой этики Группы UniCredit: справедливость, прозрачность, уважение, сотрудничество, свобода, доверие.

UniCredit Bank: da più di 20 anni in Russia

UniCredit Bank è una banca commerciale che offre una gamma completa di servizi. La Banca si colloca fra le 10 più grandi banche della Russia e fra le 1000 maggiori banche del mondo. Il 100% delle azioni appartengono a UniCredit Bank Austria AG (Vienna, Austria) che fa parte del Gruppo UniCredit.

UniCredit Bank ha una licenza generale N. 1 della Banca di Russia.

Tra le banche, registrate in Russia, UniCredit Bank ha uno dei più alti rating del credito secondo i dati delle agenzie di rating Standard&Poor's e Fitch Ratings.

Basandosi sul forte potenziale del suo azionista e una grande esperienza di lavoro in Russia, UniCredit Bank gode di una posizione tra le prime nel sistema bancario russo.

La Banca fornisce assistenza a clienti corporate e privati, finanziamenti corporate e servizi di tesoreria. UniCredit Bank è uno dei partner principali per oltre un terzo delle 200 più grandi aziende russe. Grazie alla sua struttura azionaria la Banca è considerata un partner interessante per le istituzioni finanziarie straniere. Questo garantisce una particolare efficienza della Banca nel servire l'attività commerciale internazionale dei suoi clienti e l'ottenimenti da parte di loro di crediti internazionali.

L'attività la Banca è guidata dai valori inclusi nel Codice etico del Gruppo UniCredit come correttezza, trasparenza, rispetto, collaborazione, libertà e fiducia.

Банк Интеза

Банк Интеза – российский дочерний банк международной банковской группы «Интеза Санпаоло», которая является одной из крупнейших банковских групп в Еврозоне и абсолютным лидером рынка банковских услуг Италии. Зарубежные филиалы и дочерние банки группы работают в 40 странах мира. В России группа представлена более сорока лет: в конце шестидесятых годов в Москве было открыто Представительство банка «Банка Коммерциале Италияна», которое стало первым Представительством иностранного банка в СССР.

ЗАО «Банк Интеза» является универсальным банком, который предлагает розничные банковские услуги и банковские услуги для предприятий малого, среднего и крупного бизнеса. При этом банк сохраняет лидирующие позиции на рынке кредитов для малого бизнеса и является одним из крупнейших региональных банков в России: 79 филиалов и отделений обслуживают клиентов в 25 регионах России от Калининграда до Владивостока.

Принципы социальной ответственности бизнеса лежат в основе деятельности Банка Интеза и группы «Интеза Санпаоло», которая поддерживает проекты в области культуры и искусства в Италии, в России и в других странах своего присутствия.

Banca Intesa

Banca Intesa è la sussidiaria russa del Gruppo Intesa Sanpaolo, leader in Italia e uno dei maggiori gruppi bancari in Area euro. Le filiali e le banche estere del Gruppo operano in 40 paesi del mondo. In Russia il Gruppo vanta una presenza di oltre 40 anni: alla fine degli anni Sessanta a Mosca venne aperto l'Ufficio di Rappresentanza della Banca Commerciale Italiana, la prima rappresentanza di una banca straniera in URSS.

Banca Intesa è una banca universale che offre una gamma completa di prodotti e servizi bancari ai clienti privati e corporate. La Banca conserva al tempo stesso la sua posizione di leader nel mercato del credito alle piccole e medie imprese ed è anche una delle banche russe con più forte presenza nazionale, disponendo di una propria rete territoriale di 79 sportelli che si estendono in 25 regioni da Kaliningrad a Vladivostok.

Lo spirito di responsabilità sociale è fondamentale per l'attività di Banca Intesa e del Gruppo Intesa Sanpaolo che promuove iniziative culturali in Italia, in Russia e negli altri paesi dove il Gruppo è presente.

Conoscere Eurasia Edizioni

I

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

Conoscere Eurasia è un'Associazione senza fine di lucro costituita per sviluppare relazioni culturali e rapporti sociali ed economici prevalentemente tra l'Italia e la Federazione Russa, e inoltre con l'area geopolitica euroasiatica nella quale la Russia ha un ruolo storico attivo, dalla Bielorussia al Kazakhstan sino alla Cina e all'India, stabilendo, quindi, una proficua collaborazione con la Comunità economica euroasiatica a cui aderiscono Russia, Bielorussia, Kazakhstan, Kirghizstan, Tadjikistan e Uzbekistan. Fra i soci onorari dell'Associazione si annoverano il Ministero degli Affari Esteri della Federazione Russa e il Segretario Generale della Comunità economica euroasiatica. L'Associazione è aperta a tutti, privati, enti e società interessati ad apportare idee, progetti, iniziative che consentano un concreto sviluppo di tali rapporti.

Ассоциация «Познаём Евразию»

«Познаём Евразию» является общественной некоммерческой Ассоциацией, учрежденной для развития и углубления культурных связей, общественных и экономических отношений, главным образом, между Италией и Россией, а также другими странами Евразийского региона, от Белоруссии и Казахстана до Китая и Индии, в жизни которых исторически Россия играет активную роль и с которыми плодотворно сотрудничает в рамках Евразийского экономического сообщества. В числе почетных членов Ассоциации – Министерство иностранных дел Российской Федерации и Генеральный секретарь Евразийского экономического сообщества. Ассоциация открыта для сотрудничества со всеми: частными лицами, предприятиями и организациями, которым интересно предложить идеи и проекты, непосредственно способствующие развитию этих отношений.

Литературный институт имени А.М. Горького

Литературный институт имени А.М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А.М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 г. институт награжден Орденом Дружбы народов. С 1992 года находится в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»), бакалавра и магистра.

Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы.

Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами.

Istituto Letterario A.M. Gorky

L'Istituto Letterario A.M. Gorky è un istituto statale d'istruzione superiore fondato da Aleksej Maksimovič Gorky nel 1933. Nel 1936 fu intitolato al suo fondatore. Dal 1942 i corsi sono diventati accessibili anche ai non frequentanti. Dal 1953 presso l'Istituto si tengono corsi post laurea di letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato premiato con l'Ordine dell'Amicizia dei Popoli. Dal 1992 l'Istituto dipende dal Ministero dell'Istruzione e della Scienza della Federazione Russa.

Attualmente ha due facoltà, con programmi di scuola superiore specialistica negli studi di letteratura e traduzione letteraria, master e dottorato.

La didattica include materie umanistiche e sociali, la formazione nei laboratori creativi dedicati ai diversi tipi e generi della letteratura: prosa, poesia, teatro, letteratura per ragazzi, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, composizione letteraria.

L'Istituto svolge un'attività internazionale molto attiva, avendo numerosi contatti con altre università straniere.

Direttore editoriale e letterario
Flavio Ermini

Progettazione e cura grafica
Cierre Grafica

Per i singoli racconti © degli Autori
Per le traduzioni © dei Traduttori
Per l'edizione © Associazione Conoscere Eurasia

Via Achille Forti 10, 37121 Verona, Italia
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

Главный редактор
Флавио Эрмини

Разработка проекта и графическое оформление
Чиэрре Графика

© на рассказы принадлежат авторам произведений
© на переводы принадлежат переводчикам
© данного издания принадлежат Ассоциации «Познаём Евразию»

Италия 37121 г. Верона ул. Акиллэ Форти, 10
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico

Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

Il Premio Raduga è nato dall'esigenza di avere nuovi ideali e valori. Oggi non assistiamo solo a una crisi profonda del sistema di produzione capitalistico attuale, ma siamo invasi da un radicale degrado anche nel campo etico. Si moltiplicano le disuguaglianze tra Paesi ricchi e Paesi poveri e anche all'interno dello stesso Paese.

L'uomo spesso vale poco più di un computer e il metro di giudizio è la ricchezza. Pertanto, ci piace sognare un mondo in cui la libertà sia accompagnata dall'eguaglianza, dove la responsabilità sociale sia la base dello sviluppo economico e delle relazioni tra gli uomini.

Speriamo vivamente che a questo fine contribuiscano i giovani scrittori e traduttori ai quali è dedicato il Premio Raduga, che vuole prefigurare un mondo migliore, al centro del quale va posto l'uomo.

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

Идея создания премии «Радуга» появилась в связи с тем, что общество испытывает необходимость в новых идеалах и ценностях.

Сегодня мы не только ощущаем на себе последствия глубокого кризиса действующей капиталистической системы производства, но также мы сталкиваемся с проблемами, возникающими в результате глубочайшей деградации в системе моральных ценностей. Прослеживается тенденция увеличения неравенства не только между развитыми странами и странами с развивающейся экономикой, но также подобное неравенство наблюдается и внутри одной страны.

Зачастую человек рассматривается как машина, а критерием его оценки является материальное состояние.

Поэтому нам хочется мечтать о мире, в котором свобода сопровождается равенством, где социальная ответственность является основой экономического развития и межличностных отношений.

Мы искренне надеемся, что такой цели будут преследовать молодые писатели и переводчики, которым посвящена премия «Радуга». Мы хотим, чтобы эта инициатива являлась предпосылкой к созданию мира, центральное место в котором будет занимать человек как личность.

Борис Тарасов

Ректор Литературного института им. А.М. Горького

Уважаемые читатели!

Мне доставляет особое удовольствие приветствовать вас и выразить вам искреннее почтение за интерес к вступающим на творческую стезю литераторам.

Присуждение ежегодной российско-итальянской премии для молодых прозаиков и переводчиков «Радуга» – особое и перспективное событие в литературной жизни России и Италии, в укреплении культурных связей между нашими народами. Литературный институт им. А.М. Горького с радостью поддержал столь благородное начинание итальянской стороны, поскольку оно целиком совпадает с идеями и задачами его деятельности. Хочу выразить нашу сердечную благодарность инициатору молодёжной премии профессору Антонио Фаллико, Президенту Ассоциации «Познаём Евразию» и Председателю Совета директоров ЗАО «Банк Интеза», её организаторам и спонсорам: госпоже Инге Фельтринелли, Президенту Издательства «Джанджакомо Фельтринелли», Михаилу Алексееву, Председателю Правления «ЮниКредит Банка», Российскому авторскому обществу в лице советника Генерального директора Хазби Джатиева.

Несколько слов о жюри конкурса. Два национальных жюри, в составе которого известные писатели, переводчики и литературоведы России и Италии, проделали огромную, порой дискуссионную, работу по отбору лауреатов.

Boris Tarasov

Rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gorky

Cari lettori!

È con grande piacere che vi saluto e vi esprimo i miei sinceri complimenti per il vostro interesse per gli scrittori che hanno solo da poco iniziato il loro percorso creativo.

Il Premio annuale italo-russo Raduga per giovani autori e traduttori è un evento speciale e promettente nella vita letteraria della Russia e dell'Italia, un evento che rafforza i legami culturali tra i nostri popoli. L'Istituto Letterario A.M. Gorky ha supportato con grande piacere tale nobile iniziativa della parte italiana, perché coincide completamente con le idee e gli obiettivi della sua attività.

Vorrei esprimere il nostro più sincero ringraziamento al promotore del Premio, il professore Antonio Fallico, Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia e Presidente del Consiglio di Amministrazione di Banca Intesa, nonché agli organizzatori e agli sponsor: Inge Feltrinelli, Presidente della Giangiacomo Feltrinelli Editore, Mikhail Alekseev, Direttore Generale di UniCredit Bank, Khazbi Dzhatiev, Consigliere del Direttore Generale della Società Russa degli Autori.

Qualche parola sulla giuria. Due giurie nazionali, che comprendono noti scrittori, traduttori e critici letterari russi e italiani, hanno fatto un grande, a volte difficile, lavoro nella scelta dei vincitori. In particolare vorremmo ringraziare i presidenti delle giurie nazionali, Inge Feltrinelli e Vladimir Makanin.

Il Premio è particolarmente importante ora durante il dominio aggressivo della cultura di massa, che non sempre tiene conto dei valori etici ed estetici. Il Premio ha la capacità

За это мы все должны поблагодарить их в лице председателей национальных жюри – Инге Фельтринелли и Владимира Маканина.

Учреждённая премия особенно важна сейчас, в условиях агрессивного господства массовой культуры, в которой смещены этико-эстетические критерии. Она может стимулировать творчество тех молодых авторов, которые не соблазняются быстрым успехом в лишь временно популярных литературных направлениях, течениях и тенденциях и сознательно стремятся совершенствовать своё письмо на далеко не лёгких путях.

В заключение хотелось бы напомнить русскую пословицу: «Лиха беда начало». Сегодня премия только стартует. Впереди много работы и интересных открытий. Но я уверен, что этот проект чрезвычайно важен для развития культур обеих стран. И мы все сегодня – только сеятели, рассчитывающие на прекрасный литературный урожай в самом недалеком будущем.

Всего доброго, уважаемые читатели.

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters that appear to be 'ВМ'.

di stimolare la creatività di quei giovani autori che non sono alla ricerca di un successo rapido, aderendo a movimenti letterari temporaneamente di moda, ma che hanno un grande desiderio di migliorare il loro modo di scrivere, scegliendo anche i percorsi più difficili.

In conclusione, vorrei ricordarvi un proverbio russo: “Un problema genera altri problemi”. Oggi il Premio sta per iniziare il suo percorso. C'è molto lavoro e ancora ci sono tante cose da scoprire. Però sono sicuro che tale progetto risulterà importantissimo nello sviluppo delle culture dei nostri due Paesi. E tutti noi oggi siamo solo dei seminatori che contano su un grande raccolto letterario in un futuro prossimo.

I miei migliori auguri, cari lettori.

A handwritten signature in black ink, consisting of a large, stylized initial 'B' followed by a cursive name.

Raduga

Premio letterario italo-russo per giovani narratori

Il Premio Raduga è alla sua prima edizione. Nasce con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi e di valorizzare le opere di giovani narratori e traduttori, sia russi che italiani, dando loro la possibilità di trovare un editore e di confrontarsi, in tal modo, con un più ampio numero di lettori.

Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

L'Almanacco letterario dà spazio alle migliori tra le opere pervenute al Premio. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una nota critica.

Il volume viene distribuito in entrambi i Paesi al fine di far meglio conoscere il lavoro dei giovani narratori e traduttori.

Премия «Радуга»

Российско-итальянская литературная премия для молодых авторов «Радуга»

Перед вами первое издание литературного альманаха Премии «Радуга», которая была создана с целью укрепления российско-итальянских культурных связей и содействия молодым писателям и переводчикам из России и Италии, а также для того, чтобы дать возможность молодым талантам найти издателя и получить известность среди многочисленной читательской аудитории.

В первую очередь, Премия «Радуга» создавалась для тех молодых талантов, которые с помощью повествования с характерным отточенным стилем, передают все сложности и тревоги нашего времени.

В альманах включены произведения, которые, по решению жюри, были названы лучшими. Все работы опубликованы с параллельным переводом молодых российских и итальянских переводчиков и с последующими критическими заметками.

Литературный альманах выпущен в обеих странах. Главной его задачей является познакомить читателей с творчеством молодых писателей и работами переводчиков.

Giuria italiana

Guido Baldassarri, docente di Lettere e Filosofia presso l'Università di Padova.

Alberto Di Mauro, esperto dell'area della promozione culturale presso il Ministero degli Affari Esteri. È stato il direttore presso gli Istituti Italiani di Cultura all'estero in numerose sedi: Tel Aviv, Edimburgo, Dakar, Berlino, Jakarta e Tokyo e dell'IIC di Mosca. È membro del Comitato per le celebrazioni di 2011, *Anno della Cultura e Lingua italiana in Russia e della Cultura e Lingua russa in Italia*.

Flavio Ermini (Verona, 1947), poeta e saggista. Dirige la rivista letteraria "Anterem". Fa parte del comitato scientifico di "Osiris" (Università di Deerfield, Massachusetts) e degli "Amici della Scala" di Milano. Dirige la collana di filosofia "Narrazioni della conoscenza" (Moretti&Vitali).

Inge Feltrinelli (*presidente della giuria*). Presidente della Giangiacomo Feltrinelli Editore, ricopre la carica del Presidente Onorario delle oltre 100 Librerie Feltrinelli. Vicepresidente della holding finanziaria EFFE. È stata nominata Cavaliere dell'Ordine al merito della Repubblica Italiana e della Repubblica Federale di Germania. Commandeur dans l'Ordre des Arts et des Lettres nella Cultura francese. È membro dell'Accademia Europea di Yuste (seggio "Clara Zetkin").

Fabio Marcotto, docente di Lingua e Letteratura Italiana presso l'Università di Bolzano, scrittore. Ha studiato e lavorato in Germania e in Russia, dove è stato lettore all'Università Filologica Statale di San Pietroburgo. Ha pubblicato alcune raccolte di racconti e il romanzo breve *Vino dentro*, dal quale è stato tratto un monologo rappresentato in Italia, Austria e Russia.

Sergio Pescatori, professore di Lingua e Letteratura russa dell'Università di Verona. Ha lavorato in varie Università italiane. Si è occupato di linguistica, di traduzione, di letteratura. Ha curato un volume su Brodskij (atti del Convegno di Venezia, 2000) e uno sullo studio del russo in Europa (Convegno di Verona, 2005).

Итальянское жюри

Гвидо Бальдассарри, профессор Философско-филологического факультета Университета г. Падуя.

Альберто Ди Мауро, эксперт в области культурного развития Министерства Иностранных Дел. Работал в качестве директора Итальянского Института Культуры в разных зарубежных городах: Тель-Авив, Эдинбург, Дакар, Берлин, Джакарта, Токио и Москва. Член Государственного комитета по празднованию года итальянского языка и культуры в России и русского языка и культуры в Италии, 2011 г.

Флавио Эрмини (Верона, 1947), поэт и критик. Редактор литературного журнала «Anterem». Является членом научного комитета «Osiris» (Университет г. Дирфилда, штат Массачусетс) и членом миланской ассоциации «Amici della Scala». Руководитель философской серии «Narrazioni della conoscenza» (издательство Моретти & Витали).

Инге Фельтринелли (*президент итальянского жюри*). Президент издательства Джанджакомо Фельтринелли, почетный президент более 100 «Librerie Feltrinelli». Награждена орденами «Cavaliere dell'Ordine al Merito della Repubblica» в Италии, «Commandeur dans l'Ordre des Arts et des Lettres» во Франции. Член Европейской академии Yuste.

Фабио Маркотто, профессор итальянского языка и литературы в Университете г. Больцано, писатель. Учился и работал в Германии и России, преподавал на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Опубликовал несколько сборников рассказов и повесть «Vino dentro».

Серджо Пескатори. Профессор Факультета иностранных языков и литератур Университета г. Вероны. Преподавал русский язык и литературу в разных итальянских университетах. В круг его интересов входят языкознание, литература, занимается также теорией перевода. Под его редакцией вышли материалы конференций о Иосифе Бродском (Венеция, 2000 год) и о русском языке в Европе (Верона, 2005 год).

Российское жюри

Алексей Николаевич Варламов, доктор филологических наук, профессор. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других.

Владимир Семёнович Маканин – председатель российского национального жюри, писатель. Лауреат Госпремии России в области литературы и искусства, Букеровской премии, Пушкинской премии Фонда Тепфера (ФРГ), Премии Москва–Пенне (Италия), Премии «Русский Букер», Премии «Большая книга» (Россия).

Евгений Юрьевич Сидоров, доктор культурологии, профессор, Заслуженный деятель искусств РФ, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ, член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, член Академии художеств РФ.

Евгений Михайлович Солонович, профессор, переводчик, Командор ордена «Звезда итальянской солидарности». Лауреат Государственной премии Италии за достижения в области художественного перевода, Премии Министерства просвещения Италии, Премии Квазимодо, Премии Диего Валери («Монселиче»), Премии Эудже-нио Монтале, Премии Сабудия (Италия).

Борис Николаевич Тарасов, ректор Литературного института им. А.М. Горького, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии им. Ф. М. Достоевского и ряда других.

Giuria russa

Aleksej Nikolaevič Varlamov, dottore in Lettere, professore. Vincitore del Premio Alexandr Solzhenitsyn, del Premio Bolshaia Kniga e altri premi letterari.

Vladimir Semënovič Makanin, presidente della Giuria Nazionale Russa, scrittore. Vincitore del Premio Nazionale della Federazione Russa nel settore della letteratura e dell'arte, del Premio Booker, del Premio Pushkin della Fondazione di Tepfer (Germania), del Premio Mosca-Penne (Italia), del Premio Russian Booker, del Premio Bolshaia Kniga (Russia).

Evgenij Jur'evič Sidorov, dottore in Culturologia, professore, artista emerito della Federazione Russa, ambasciatore straordinario e plenipotenziario della Federazione Russa, membro della Commissione della Federazione Russa all'UNESCO, membro dell'Accademia delle Arti della Russia.

Evgenij Mihajlovič Solonovič, professore, traduttore, Commendatore dell'Ordine della Stella della Solidarietà Italiana. Vincitore del Premio Nazionale dell'Italia per i successi nel campo della traduzione artistica, del Premio Quasimodo, del Premio Diego Valeri (Monselice), del Premio Eugenio Montale, del Premio Sabaudia (Italia).

Boris Nikolaevič Tarasov, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gorky, dottore in Lettere, professore, scienziato emerito della Federazione Russa, accademico dell'Accademia internazionale delle Scienze (Innsbruck). Vincitore del Premio di Bunin, del premio Fedor Dostoevskij e altri premi letterari.

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Silvia Banterle	Сильвия Бантерле
Gabriele Belletti	Габриэле Беллетти
Massimiliano Maestrello	Массимилиано Маэстрелло
Andrea Paolo Massara	Андреа Паоло Массара
Paolo Valentino	Паоло Валентино

Silvia Banterle

Traduzione in russo di Marina Kozlova

Сильвия Бантерле

Перевод Марины Козловой

SUPERFICIALITÀ

Non ricordo di preciso quando si incontrarono la prima volta, ma dev'essere stato il periodo della scuola media. Sivali era una ragazzina timida, che preferiva rifugiarsi nei libri piuttosto che vivere nel mondo reale e drammaticamente influenzata da questi aspirava al Grande Amore. Quel giorno, diciamo un sabato pomeriggio di primavera, Sivali posò la penna sul quaderno di italiano, interrompendo l'analisi logica sulla frase "Non so se Dio è" (la difficoltà stava nel riconoscere che il verbo essere in questo caso era usato con il significato di "esistere"). Le era passato per la mente, decisamente non richiesto, il ricordo della ricreazione di qualche ora prima, quando le compagne di classe confabulando allegramente avevano programmato un pomeriggio in gruppo al centro commerciale. Sivali non era stata invitata, Sivali d'altronde non era quasi mai invitata. Non era solo perché questo era il modo che avevano le altre di farle pagare i bei voti e la stima della professoressa, ma anche perché ai rari inviti Sivali aveva sempre dovuto opporre il categorico rifiuto dei genitori, e così ormai difficilmente a qualcuno veniva in mente di coinvolgerla ancora. Con lo stesso gesto che avrebbe usato per scacciare una mosca, Sivali cercò di recuperare la concentrazione, ma lo sguardo le cadde sul davanzale, dove si distinguevano nitidamente le estremità di cinque dita che si sforzavano di mantenere la presa. La cosa non la turbò tanto quanto potremmo pensare, in fondo aveva ancora l'età in cui si può credere che il ragazzo dei sogni, novello Sandokan, faccia un'improvvisata entrando dalla finestra del primo piano e dichiarare il proprio amore appassionato. Dunque aspettò, fino a quando

БЕСПЕЧНОСТЬ

Я не помню точно, когда они встретились в первый раз, – наверное, когда Сиволи училась в средней школе. Она была девочкой застенчивой, ей больше нравилось читать, чем жить в реальном мире, и если она мечтала о Великой любви, виноваты в этом были книги. В тот день, скажем, в субботу, весенним вечером, Сивали положила ручку на тетрадь по итальянскому, оторвавшись от домашнего задания (нужно было проанализировать разницу между глаголами «быть» и «существовать»). Она вспомнила, сама того не желая, сегодняшнюю большую перемену, на которой одноклассницы, весело болтая, договаривались сходить после обеда в торговый центр. Сивали они не позвали, – впрочем, ее почти никто никуда не звал. И не только потому, что таким образом остальные могли наказать ее за хорошие оценки и уважение учительницы, но и потому, что редкие просьбы Сиволи отпустить ее куда-нибудь с подругами всегда встречали решительный отказ со стороны родителей, так что теперь мало кому приходило в голову предлагать ей компанию. Отмахнувшись от неприятных мыслей, как отмахиваются от назойливой мухи, Сивали попыталась снова сосредоточиться, но тут ее взгляд упал на кончики чьих-то пальцев, вцепившихся в подоконник. Это поразило ее не настолько, насколько мы могли бы подумать; в конце концов, она еще не вышла из того возраста, когда веришь, что юноша, о котором ты мечтаешь, новый Сандокан, влезет однажды в окно второго этажа и признается тебе в безумной любви. Оставалось дать ему время вскарабкаться на подоконник,

comparve la figura di una ragazzina press'a poco della sua stessa età, che scavalcò il davanzale e senza una parola si accomodò a gambe incrociate su un angolo della scrivania. Nonostante la delusione iniziale, Sivali si riprese subito per notare con una punta d'invidia le scarpe scure di vernice con la zeppa, i jeans aderenti e la maglietta corta in vita: tutti pezzi che rendevano un abbigliamento degno di essere guardato, quello, per capirci, che sua madre non le avrebbe comprato nemmeno sotto tortura. La nuova arrivata nel frattempo si stava guardando con occhio critico in uno specchietto. Finalmente con tono pratico:

– Bene, eccomi qui. Io sono Superficialità e tu devi essere Sivali – disse.

La ragazzina annuì meccanicamente e l'altra specificò:

– In effetti, sono *la* Superficialità – come se con quella dichiarazione avesse detto tutto. Ma di fronte all'espressione perplessa fece un breve sospiro:

– Immagino che nessuno ti abbia mai parlato di me.

– Oh no, so molte cose di te – si affrettò a rassicurarla Sivali – ma – aggiunse con tono vergognoso – chi lo ha fatto non mi ha parlato bene di te.

– Ci risiamo – sbottò l'altra. – E sentiamo, cosa sai di me?

– Ecco, in genere i genitori, i professori, al catechismo, insomma tutti dicono di non fare le cose con superficialità, ma di pensare alle conseguenze di ciò che facciamo.

Con un gesto infastidito Superficialità la interruppe.

– Sì, certo certo. E ti avranno anche detto che chi mi segue si può divertire, ma sbaglia perché è un divertimento passeggero, che non porta nulla di positivo in realtà. È così?

– In effetti sì.

но вместо него в окне появилась девочка примерно ее возраста. Гостья перелезла через подоконник и молча уселась на угол письменного стола, закинув ногу на ногу. Справившись с разочарованием, Сивали не без зависти оглядела черные лаковые туфли на платформе, узкие джинсы и короткую маечку: ничего из этих чудесных вещей мама Сивали, ясное дело, не купила бы дочке даже под страхом смерти. Тем временем незнакомка придирчиво посмотрелась в зеркальце и, наконец, деловым тоном произнесла:

– Привет. Я – Беспечность, а ты, похоже, Сивали.

Девочка машинально кивнула.

– Я и правда Беспечность, – продолжила гостья, как будто бы этим подтверждением все было сказано. Но увидев растерянность на лице девочки, вздохнула:

– Думаю, тебе никто никогда обо мне не говорил.

– Что ты! Я много о тебе знаю, – поспешила заверить ее Сивали и тут же смущенно добавила: – Правда, я не слышала о тебе ничего хорошего.

– Интересно, – усмехнулась гостья. – Послушаем, что же ты обо мне знаешь?

– Ну, обычно родители, учителя, священники, в общем, все говорят, что нельзя быть беспечными, всегда нужно думать о последствиях своих поступков.

Беспечность прервала ее досадливым жестом:

– Да-да, конечно. А еще тебе, наверное, говорили, что мои сторонники, может, и живут в свое удовольствие, но при этом совершают серьезную ошибку, поскольку удовольствие это мимолетное, и ни к чему хорошему оно не ведет. Правильно?

– В общем, да.

– E che essere superficiali non rende davvero felici, perché non è l'esteriorità a contare. Non i vestiti, né i trucchi, né quanti ragazzi hai avuto, vero Sivali?

– Sì, mi hanno insegnato questo – rispose lei cautamente.

– Lo so. – La sua voce perse d'un tratto la nota indispettita di poco prima e si fece più comprensiva, come striata di compassione in qualche modo. – Lo so, e per questo sono qui. Ti ho osservata, be' è da molto che ti tengo d'occhio in realtà per capire perché ostinatamente ti rifiuti di seguirmi. In genere mi è molto facile accompagnarmi a gente della tua età, ma nel tuo caso – la voce iniziò a farsi più acuta e tornò a macchiarsi di fastidio – no.

Sivali continuò a fissarla.

Sinceramente le pareva di dover andar fiero della sua mancata superficialità, ma la ragazza alla moda la intimidiva e d'altro canto non sapeva bene cosa ribattere visto che tutto ciò che aveva sempre ritenuto giusto era stato liquidato frettolosamente. Perciò aspettò in silenzio che l'altra tornasse a parlare.

– Sapevo già che con te avrei avuto dei problemi, guardandoti crescere mi ero accorta che eri diversa dagli altri. Sei troppo sensibile, troppo incapace di ignorare allegramente con una scrollata di spalle le conseguenze dei tuoi gesti, troppo maledettamente preoccupata delle emozioni degli altri e dei loro giudizi nei tuoi confronti. Ti ho vista piangere di fronte ai litigi dei tuoi genitori, ti ho vista tremare di rimorso guardando i jeans che sognavi da mesi e finalmente arrivati, perché erano più costosi di tutti gli altri, ed essere felice la prima volta che i tuoi hanno lasciato te e tuo fratello a casa una domenica pomeriggio perché non volevate andare a camminare con loro, ma contemporaneamente soffocare di colpa per aver dato loro un dispiacere.

– И что беспечность не приносит настоящего счастья, потому что на самом деле внешняя сторона жизни не имеет значения. Как ты одеваешься, как красишься, сколько парней у тебя было – это все неважно, верно?

– Да, так меня учили, – осторожно ответила Сивали.

– Я знаю, – в ее голосе уже не было раздражения, в нем появилось понимание, даже некоторое сочувствие. – Знаю, иначе бы не пришла. Я наблюдала за тобой, да-да, я уже давно не спускаю с тебя глаз, все пытаюсь понять, почему ты так упорно отказываешься присоединиться к моим последователям. Обычно я легко схожусь с твоими ровесниками, но в твоем случае, – голос зазвучал резче, в нем снова послышалось раздражение, – все не так.

Сивали продолжала внимательно смотреть на нее.

По правде говоря, она считала, что отсутствием беспечности нужно гордиться, но робела перед модной гостьей и, с другой стороны, не знала, что ответить, когда от того, что казалось ей, Сивали, правильным, гостья не оставила камня на камне. Поэтому она молча ждала, когда гостья снова заговорит.

– Я знала, что с тобой у меня будут проблемы. Наблюдая, как ты растешь, я заметила, что ты не такая, как все. Ты слишком чувствительная, ты не можешь не думать о последствиях своих поступков – дескать, будь что будет, – для тебя важны чужие чувства, важно, что думают о тебе другие. Я видела, как ты плачешь, когда твои родители ссорятся, как ты мучаешься угрызениями совести, глядя на новые джинсы (ты мечтала о таких не один месяц и вот наконец получила), потому что можно было купить другие, дешевле, я помню, как ты радовалась, когда родители впервые оставили тебя и брата дома в

– Perché mi ricordi questo? – la interruppe Sivali quasi gridando, mentre a tradimento una lacrima solitaria impigliatasi per un attimo nelle ciglia prese a scendere lentamente.

(Di solito quando piangeva sgusciava davanti a uno specchio per guardarsi mentre le lacrime si facevano strada tra le lentiggini e si osservava, sentendosi un po' anche lei come un'eroina di Jane Austen.)

Superficialità le si avvicinò e con tocco leggero prese la lacrima tra pollice e indice, facendola scoppiare con un lieve *pop*. Continuando a guardarsi le dita proseguì, e la sua voce si fece solenne, creando uno strano conflitto con il corpo:

– So che hai sofferto e non solo in queste, ma in mille altre occasioni. E volevo far tornare a galla il dolore per farti ricordare. Sivali, ascoltami, io posso far finire tutto questo, evitare che la tristezza si affacci troppo spesso al tuo balcone e fare in modo che la tua felicità sia finalmente separata dal rimorso. Seguimi, e se lo farai ti prometto che ti scrollerai di dosso quella sensibilità che non ti ha portato altro che ferite. Non ci saranno più sensi di colpa. Né appiccicose ragnatele di paura a trattenerti.

Concluse le sue promesse Superficialità tacque. Sivali sedeva alla scrivania, ancora con la penna in mano e gli occhi rossi, fissando i fogli del quaderno. Le era stato prospettato di diventare non-sensibile, praticamente intoccabile da tutto quello che ora la precipitava nella tristezza. Solo per un attimo si vide fare una scenata (una vera scenata, di quelle da film con la porta sbattuta e la fuga fuori di casa, immune da noiosi rimorsi) ai genitori per poter uscire il sabato sera e andare alla festa in piazza dove avrebbe baciato il primo ragazzo che l'avesse un po' ammirata, senza più paranoie sul Grande Amore. Subito dopo però il pensiero sviò sugli

воскресенье после обеда, потому что вы не хотели идти гулять с ними, и в то же время мучилась и корила себя за то, что их расстроила.

– Зачем ты напоминаешь мне об этом? – оборвала ее Сивали, едва не сорвавшись на крик, в то время как предательская слеза, на мгновение запутавшись в реснице, медленно поползла по щеке.

(Плача, она обычно смотрела на себя в зеркало: слезы прокладывали себе дорогу между веснушками, и она чувствовала себя героиней Джейн Остин.) Беспечность протянула руку и сняла слезу со щеки Сивали двумя пальцами, в которых она тут же лопнула: хлоп. Продолжая смотреть на свои пальцы, гостья снова заговорила, и на этот раз в ее голосе послышалась торжественность, не вязавшаяся с ее обликом..

– Я знаю, что ты страдала, и не только в этих случаях, но и в тысяче других. И я хотела оживить твою память, чтобы ты вспомнила об этой боли. Сивали, послушай, я могу положить всему этому конец, могу сделать так, чтобы грусть забыла к тебе дорогу и чтобы твою счастью не омрачали угрызения совести. Если ты встанешь в ряды моих последователей, обещаю, ты освободишься от чувствительности, которая не принесла тебе ничего, кроме страданий. Ты забудешь про чувство вины, вырвешься навсегда из липкой паутины страха. Закончив свои обещания, Беспечность замолчала. Сивали, с красными глазами, сидела за столом, все еще держа ручку и уставившись в тетрадь. Ей предложили стать нечувствительной, перестать реагировать на то, что до этого вызывало у нее грусть. Она представила, как закатывает сцену (настоящую сцену, как в кино, когда хлопают дверью и выбегают на улицу, не мучаясь скучными угрызениями), чтобы родители в праздник отпустили ее

insegnamenti di sempre, sul *Profeta* di Gibran e su tutti i libri che aveva letto, in cui gli eroi sono sempre coloro che pensano e soffrono, e non accettano compromessi né percorsi facilitati.

– Io non ti voglio – mormorò Sivali, senza alzare lo sguardo.

L'altra la fissò, ed emise un lievissimo sospiro.

– Molto bene, in fondo me l'aspettavo. Ma ricordati, non è detto che tornerò a farti visita. Nemmeno se mi desidererai con tutta te stessa.

– Non succederà, fidati.

– Comunque questo è ciò che hai scelto e non ha senso che mi fermi ancora – disse stirando le gambe e scendendo dalla scrivania, facendo attenzione a evitare libri e quaderni ammassati. Non sembrava arrabbiata o delusa, semmai un pochino dispiaciuta, almeno da quello che a Sivali sembrò di leggere nell'ultima occhiata che le rivolse la ragazza prima di calarsi dalla finestra.

Ora Sivali ha ventun anni e va all'università. Dopo quel pomeriggio Superficialità non le ha più parlato, né ha tentato di incontrarla. È capitato però qualche volta, nel periodo del liceo soprattutto, che, alzando la testa dal vocabolario di latino o dal manuale di storia dell'arte, Sivali abbia scorto due mani aggrappate al davanzale, ma nessuno ha più scavalcato quella finestra. Ora Sivali ogni tanto ripensa all'incontro di dieci anni prima, e sospira. Avrebbe voluto Superficialità al suo fianco la notte che passò sola accanto al nonno, quando ogni respiro espulso a fatica dal vecchio petto grigiastro le provocava lo stesso dolore insopportabile che a lui. Avrebbe pagato per immergersi completamente con Superficialità nella nuova vita universitaria e annegare il pensiero che

на площадь, где она, выкинув из головы бредовые мысли о Великой Любви, будет целоваться с первым же парнем, которому хоть немного понравится. Но в следующую секунду она вспомнила то, чему ее учили, вспомнила «Пророка» Джебрана и другие прочитанные книги, герои которых думали и страдали и не искали компромиссов и легких путей.

– Ты мне не нужна, – пробормотала Сивали, не поднимая глаз.

Гостья вздохнула.

– Очень хорошо. Другого я от тебя и не ожидала. Но не жди, что когда-нибудь я приду к тебе снова. Даже если ты этого очень захочешь.

– Не захочу, поверь мне.

– Как знаешь. Если ты так решила, мне здесь больше нечего делать, – сказала она и спрыгнула со стола, стараясь не свалить при этом лежащие на нем книги и тетради. Она не выглядела сердитой или разочарованной, разве что несколько расстроенной, по крайней мере именно это Сивали, как ей показалось, прочитала в последнем взгляде, который бросила на нее гостья, прежде чем спрыгнуть с подоконника на улицу.

Сейчас Сивали двадцать один год, и она учится в университете. С того дня Беспечность больше не пыталась встретиться и поговорить с ней. Правда, несколько раз, особенно в годы учебы в лицее, оторвавшись от латинского словаря или учебника по истории искусств, Сивали иной раз замечала руки, уцепившиеся за подоконник, но в ее окно никто больше не влезал. Сивали иногда вспоминает о встрече, произошедшей десять лет назад, и вздыхает. Ей хотелось бы, чтобы Беспечность была рядом с ней в ту ночь, которую она

la mamma ora pranzava sola. Avrebbe voluto la voce di Superficialità per dire senza tremare “ti lascio”, e i suoi occhi, per non vedere lui piangere. Avrebbe desiderato con ogni sua fibra scappare con Superficialità dal pensiero che un giorno il suo corpo si sarebbe dissolto, invece che fissare il soffitto della camera con occhi sbarrati la sera.

Sivali sospira, e si chiede se gli eroi in fondo facciano sempre le scelte migliori.

провела одна у постели дедушки, когда каждый вздох, с трудом вырвавшийся из старческой груди, доставлял ей то же невыносимое страдание, что и ему. Она бы многое отдала за то, чтобы Беспечность помогла ей с головой окунуться в новую университетскую жизнь и не мучиться при мысли о матери, которая обедает одна. Ей нужен был голос Беспечности, чтобы решительно сказать «я больше тебя не люблю», и глаза Беспечности – чтобы не видеть, как он плачет. Она хотела бы всей душой, чтобы вечерами, когда она лежит в своей комнате, глядя невидящими глазами в потолок, Беспечность помогла ей не думать о том, что когда-нибудь и она, Сивали, состарится и умрет. Сивали вздыхает, и спрашивает себя, всегда ли герои делают правильный выбор.

Biografia

Silvia Banterle nasce a Verona nel 1987. Eredita dai genitori, entrambi medici, l'amore per l'arte e per la letteratura. Trascorre infanzia e adolescenza a Corrubio di San Pietro in Cariano, nel cuore della Valpolicella, e consegue nel 2006 il diploma di Liceo classico presso il Liceo Ginnasio di Stato "Scipione Maffei". Prosegue gli studi in Lettere Classiche presso l'Università di Padova, dove entra anche a far parte della Scuola Galileiana di Studi Superiori. Nel 2009 consegue a pieni voti la laurea triennale in Lettere Classiche. Al momento è impegnata negli studi per la laurea magistrale in Storia Antica e nella scrittura.

Биография

Сильвия Бантерле родилась в Вероне в 1987 году. От своих родителей-медиков она унаследовала любовь к искусству и литературе. Она провела детство и юность в Коррубио, около Сан-Пьетро-ин-Кариано, в самом сердце Валполичеллы, и получила в 2006 году диплом Классического Лицея в Государственном Лицее имени Сципиона Маффеи. Она продолжила изучение классической литературы в Падуанском Университете, где стала посещать Галилееву Школу Высших Наук. В 2009 году, после трех лет обучения, она с отличными оценками защитила Диплом по специальности «классическая литература». Сейчас она занята работой над дипломом магистра по древней истории и литературным творчеством.

Nota critica

Superficialità di Silvia Banterle impone di ricordare una riflessione di Eraclito: “Per gli umani, che accada loro quel che vogliono non è la cosa migliore”. Irretiti nella trama dell’illusione (l’illusione del potere e del successo; della felicità a ogni costo), gli esseri umani vogliono cose contrarie alla loro vera natura. La consapevolezza del dolore e la necessità della riflessione si rivelano invece quali salutari occasioni evolutive. La protagonista di questo racconto, Sivali, si trova a dover resistere agli allettanti inviti di una delle figure più negative della società odierna: la superficialità. Sfuggire a questa figura richiede di allontanarsi dalle illusioni e di abbracciare la consapevolezza che solo lo studio e la conoscenza, la *filo-sophia*, può dare un senso alla nostra vita. Questa lotta, ci indica Silvia Banterle, ci apre al riconoscimento dell’essere liberi. Tutti noi entriamo in contatto quotidianamente con la figura della superficialità, una figura che favorisce soltanto il progressivo impoverimento della vita. La natura umana viene sacrificata nei ceppi di un ordine indirizzato quasi esclusivamente verso l’apparenza. Chi si dà pensiero dell’usura a cui ciascuno di noi viene sottoposto? Dietro l’abbacinante facciata della superficialità, la vita si consuma ciecamente. Viviamo in un orizzonte dove trovano chiara collocazione le facce multiformi dell’illusione. La protagonista del racconto ci insegna “come” sfuggire a questi gravosi condizionamenti, che solo apparentemente rendono più agevole il nostro cammino.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Рассказ «Беспечность» Сильвии Бантерле заставляет вспомнить фразу Гераклита: «Когда с людьми случается то, чего они хотят, это далеко не самое лучшее». Попав в сети иллюзии (иллюзии власти и успеха; счастья любой ценой), люди хотят того, что противоречит их настоящей природе. Осознание боли и необходимость рассуждать оказываются, в свою очередь, частными случаями здоровой эволюции. Героиня этого рассказа, Сивали, обнаруживает, что должна противостоять соблазнительным предложениям одного из самых отрицательных персонажей современного мира: беспечности. Избегать ее – значит, отдалиться от иллюзий и прикоснуться к пониманию того, что только учение и познание, *filo-sofia* – любовь к мудрости, может принести смысл в нашу жизнь. Эта борьба, как показывает нам Сильвия Бантерле, приводит нас к осознанию собственной свободы. Все мы в повседневной жизни сталкиваемся с беспечностью, чертой, которая вызывает только лишь скорое опустошение этой жизни. Человеческая природа принесена в жертву на алтарь требований, направленных исключительно на внешний вид. Кто беспокоится об износе которому каждый из нас подвергается? За ослепительным фасадом беспечности, поверхностности, жизнь слепо подходит к концу. Мы живем в мире, где есть место для множества разнообразных ликов иллюзии. Героиня рассказа учит нас, «как» избежать этих ужасных соблазнов, которые только внешне упрощают наш путь.

Флавио Эрмини

Gabriele Belletti

Traduzione in russo di Olga Pozdneeva

Габриэле Беллетти

Перевод Ольги Позднеевой

RESTO

1.

Gli occhi sono fissi, bloccati, sembrano non curarsi dei movimenti veloci e scoordinati dei pesci dell'acquario, a pochi centimetri dal volto incastonato nel corpo. Un sottile strato di vetro divide il vecchio costretto sulla sedia a rotelle e il parallelepipedo costantemente mutevole, mai un istante di staticità esiste nel surrogato di mondo dei pesci rossi. Le code e le traiettorie seducono lo sguardo geloso, passano da quel cono visivo in eterna pausa e si lasciano vedere, accarezzano la monotona fisiologia umanoide.

L'orologio segna le nove e qualche minuto, la luce entra nel soggiorno filtrata dalle tende biancastre ricamate con fiori gialli. Si generano piccole ombre mobili nella stanza, deformi rappresentazioni dei vegetali di filo, alcune si posano su parti del perimetro del vecchio girato di spalle, altre sul viso della moglie morta, Lara, rinchiuso nella fotografia scolorita appesa sopra il camino.

2.

Un cuscino conserva la forma della testa, si rigonfia lentamente senza essere visto. La stanza del vecchio è vuota. Le mattonelle fredde non conoscono il calore dei piedi, sono curiose, costrette l'una vicina all'altra si scambiano informazioni, forse, con i

ВЫБОР

1.

Застывший, устремлённый в одну точку взгляд, кажется, нисколько не занимают рыбы в аквариуме, их быстрые беспорядочные движения в нескольких сантиметрах от лица, утопленного в плечи. Тонкий слой стекла разделяет старика, прикованного к инвалидному креслу, и параллелепипед с заключённой в нём постоянно меняющейся картиной суррогатного мира красных рыбок, чуждого статичности. Их траектории притягивают завистливый взгляд, проходя через поле зрения человекоподобного существа, вносят приятное разнообразие в его монотонную жизнь.

На часах начало десятого, сквозь белые шторы в жёлтых цветах в комнату проникает свет. Рождаемые при этом маленькие подвижные тени – искажённые копии вышитых цветов – частью падают на старика, сидящего спиной к окну, частью на выцветшую фотографию его покойной жены Лары, стоящую на камине.

2.

Подушка сохранила форму головы и сейчас, наверное, уже успела расправиться. Комната старика пуста. Холодные плитки пола не знают тепла ног,

linguaggi della poca polvere, sempre cancellata dal detersivo fiume chimico che torna a separare i letti dei loro confini.

Si sente qualche rumore sconnesso al piano superiore. Dei passi dichiarano la presenza della signora Ivanova. Fra poco la camera del vecchio sarà ancora vittima delle attenzioni di chi deve rimediare ogni giorno alle tracce di quello precedente. La donna ricostruisce meticolosamente l'immagine dei luoghi con una severa maniacalità sottopagata.

Non la voglio qui. Voglio Lara. Voglio Lara. Voglio che mi venga a stare accanto. Per un ultimo saluto e lasciarmi morire. Ancora [...] Voglio le sue mani sul mio viso. Odio chi mi ha messo in questa condizione. Odio la mia malattia. Le persone di fuori. Vorrei essere loro [...] Vorrei toccare con i piedi la terra. Odio la mattina e il ritorno del dolore. Voglio dormire. Dormire e fingere di morire.

Cosa resto a fare qui?, questo uomo sconosciuto e la sua pelle cadente, il suo corpo, silenzio, tutti i giorni, maledetti, lontana da voi, lontana, prendi la scopa, non lamentarti, devi restare, voglio tornare a casa, devi restare, sono sola, nessuno mi sente, capisce, nessuno mi guarda, nessuno mi sente, devi restare, per loro devi restare.

3.

Il corpo semimorto del signore è seduto, come quasi tutto il giorno, davanti a qualcosa che gli mostra la vita degli altri. Che sia la televisione, la finestra o l'acquario, non

любопытные, вынужденные соседствовать друг с другом, они переговариваются, быть может, на языке пыли, которую день за днём смывает химический поток чистящего средства, вновь прокладывая границы между ними. На верхнем этаже слышится неясный шум. Шаги возвещают появление синьоры Ивановой. Ещё немного, и комната старика станет жертвой заботы той, в чьи обязанности входит ежедневное уничтожение следов дня предыдущего. Женщина тщательно восстанавливает картину местности с хмурой одержимостью человека, работающего за гроши.

*Я не хочу, чтобы она была здесь. Я хочу Лару. Я хочу Лару. Хочу, чтобы она была рядом. Чтобы пришла попрощаться и дала мне спокойно умереть. И ещё [...] Хочу, чтобы она положила руки мне на лицо. Я ненавижу то, что привело меня в это состояние. Ненавижу свою болезнь. Люди на улице. Хочу быть ими [...] Хочу сделать хоть шаг, коснуться ногами земли. Ненавижу утро и возвращение боли. Лучше спать. Спать и при-
творяться мёртвым.*

*Зачем я здесь? Этот незнако-
мый мужчина с дряблой кожей,
его тело, тишина, каждый день,
каждый чёртов день, я так да-
леко от вас, так далеко, возьми
веник, не ной, ты не можешь уе-
хать, у тебя нет выбора, я хочу
вернуться домой, у тебя нет
выбора, я совсем одна, меня
никто не слышит, не понимает,
не смотрит на меня, меня никто
не слышит, ты не можешь уе-
хать, ты здесь ради них, у тебя
нет выбора.*

importa. Fermo è sempre preso da una inspiegabile bloccata espressione di apparente felicità, mentre osserva qualcosa che può fare quello che lui non può più. Muoversi. La signora Ivanova prova la normale compassione che si può avere per un essere in quelle condizioni, anche se di frequente di lui si dimentica, come fosse solo uno dei soprammobili che accarezza per salvarli dalla polvere.

4.

Il vecchio signore bambola rotta la sta trascinando in uno stato strano. Prendendosi cura più di quel corpo che del proprio, si sente partecipe, giorno dopo giorno, di quel corpo. Le parole dalla bocca escono di rado, pochissime hanno la meglio e riescono a radunare abbastanza fiato e volontà per fuggire.

Tutti sanno chi è nel quartiere e le sue fughe al supermercato sono sempre più difficili. Nei luoghi esterni è costretta a parlare di più. Per rispondere ai saluti e alle domande di sconosciuti. Sconosciuti sempre per lei. Sa benissimo che in quei casi è la proiezione del vecchio signore statua, si fa portatrice di una presenza che gli altri legano oramai alla sua figura di badante, di esistente lì solo per lui. La Ivanova sente muovere dentro di sé quell'uomo, come se da lui fosse penetrata, come se la sedia a rotelle si spostasse tra le sue interiora e tutti la potessero scorgere al di là della pelle chiarissima. Il viso così è spesso assente, ha deciso un'espressione per l'esterno e le resta fedele. Gli occhietti azzurri sottili e vivaci vengono costretti a mutare i lacci delle loro naturali conformità. Una donna anonima, questo vuole restare. Eppure il colore della ricrescita dei capelli e i tratti somatici urlano la sua estraneità, l'accento la smaschera ogni volta che la bocca decide di aprirsi.

3.

Полумёртвый человек, как обычно, сидит перед чем-то, что показывает ему жизнь других. Телевизор это, окно или аквариум – всё равно. С застывшим на лице выражением необъяснимого счастья он смотрит, как двигаются другие, делают то, чего сам он уже не может делать. Синьора Иванова испытывает к нему естественную жалость, какую чувствуют к существу в таком состоянии, хотя часто она просто забывает о нём, как будто он – всего лишь статуэтка, которую она аккуратно вытирает от пыли.

4.

Старик, эта сломанная кукла, ставит её в странное положение. Заботясь о его теле больше, чем о своём, она день за днём всё больше чувствует себя частью его тела. Она редко слышит собственный голос, лишь немногим словам удаётся собраться с силами, с духом, чтобы слететь с губ.

Все в квартале знают, кто она, и каждый выход из дома в супермаркет даётся ей всё труднее. В этих случаях приходится говорить больше. Отвечать на вопросы чужих людей. Для неё они всегда будут чужими. Она прекрасно понимает, что для них она – проекция парализованного старика, и все воспринимают её как свидетельницу того, что он ещё жив, как сиделку, которой здесь не было бы, если бы не он. Иванова чувствует, как этот человек движется в ней, будто он вошёл в неё, разъезжает у неё внутри на инвалидном кресле и все видят это

5.

L'atmosfera del tardo pomeriggio sta subendo un mutamento dovuto all'abbassamento della temperatura. Fuori dalla finestra il cielo diviene bianco come le tende ora aperte per far vedere al vecchio il mondo esterno. La luce che timidamente si era presentata nella mattina assume sfumature più fredde, avverte che a un'altezza maggiore si sta decidendo di far cadere la neve.

Il primo coriandolo bianco e subito gli altri mille insieme invadono il piccolo giardino lasciato a se stesso. I fili d'erba riconoscono le sembianze dell'inverno, il bruciore del gelo accarezza e cancella cartavetrata le superfici, suggerisce con invadenza che non avrà alcuna pietà. Il vecchio inizia a spargere la percezione bianca giunta fino agli occhi in tutta la stanza. Nella testa la casa appare come una scatola incastonata nel freddo che vorrebbe sentire, dentro la neve in cui vorrebbe scomparire e morire.

*I bambini giocano già con la neve.
Giocano [...] Voglio sentire [...] Vo-
glio sentire il freddo della neve [...] Vo-
glio far entrare la loro neve nella
mia bocca e soffocare [...] Nessuno
mi sente [...] Voglio far entrare la
neve nella mia bocca e nessuno mi
sente. Voglio che Lara mi porti fuori
nella neve. Abbracciarla un'ultima
volta. La finestra è spessa come un*

*Il freddo fuori mi colpisce, costringe,
mi costringe all'idea della mia casa,
lontana, il freddo è lo stesso, la neve
un pianto lento, il mio pianto lento,
così trattenuto da essersi indurito,
ora sfogo del cielo, si getta per ricor-
darmi, ricordarmi chi sono, che qui
aspetto di tornare a esistere, esco nel
giardino, lascio il mio respiro vapo-
re toccare il freddo, il mio freddo,*

через её прозрачную кожу. Для внешнего мира она выбрала отсутствующее выражение лица и остаётся ему верна. Мягкие голубые контактные линзы прячут живость и естественный цвет её глаз. Женщина без имени – вот кем она хотела бы остаться. Но цвет отросших корней волос и черты лица кричат о её чужеродности, акцент выдаёт её, стоит ей открыть рот.

5.

К вечеру погода начинает меняться, падает температура. Небо за окном становится белым, как шторы, которые сейчас открыты, чтобы старик мог видеть внешний мир. Свет, такой робкий с утра, становится холоднее, как бы предупреждая: на небесах решили, чтобы пошёл снег.

Вслед за первой, всё новые и новые снежинки опускаются на маленький сад, предоставленный самому себе. Трава узнаёт, как выглядит зима, наждачная бумага мороза безжалостно полирует поверхности. Старику кажется, что белизна постепенно заполняет комнату. Дом теперь представляется ему коробкой, вмурованной в холод, который он хотел бы почувствовать, в снег, в котором ему хотелось бы исчезнуть и умереть.

*Дети уже играют в снегу. Иг-
рают [...] Я хочу почувствовать
[...] Я хочу почувствовать холод
снега [...] Я хочу, чтобы снег за-*

*Холод за окном пронизывает
меня насквозь, возвращает к
мысли о доме, о далёком доме,
там точно такой же холод, снег*

*ghiaccio polare. Non mi fa arrivare
nulla [...] Nessuno mi sente e non
mi fa arrivare nulla [...] Ho la gola
gonfia di parole. Nessuna esce. Vorrei
sputarle. Vorrei dirle che non la
voglio [...] Io voglio Lara. Il dolore
che sento è forte. Costante. Non
voglio più sentirlo. Qualcuno mi
ascolti!*

*vorrei essere il mio respiro, fuggire
nel freddo, di nascosto, adesso.*

6.

Il seno penzola appeso al corpo della donna. Pochissime concessioni ai propri desideri, alla propria persona. La signora Ivanova è in piedi sotto l'acqua della doccia e lo specchio posto di fronte la riflette con poca voglia, il calore lo fa appannare, un'ombra informe rosata e nera si muove preoccupata di togliere la fatica della prima metà della giornata.

Poco di femminile, tranne le grosse mammelle, resiste. I capelli lunghi si appoggiano alla pelle, capelli castani risultato di una tinta casalinga, per mascherare il biondo da donna dell'est, dove chiazze di ricrescita svergognano il poco tempo per concedersi a gesti vezzosi. Poco servono per una donna che deve pulire e dare le sue ore alla casa, alla polvere, ai pavimenti, alle stoviglie, all'organismo immobile seppur vivente del coinquilino assente delle stanze. La signora Ivanova accenna un sorriso mentre l'acqua percorre i lineamenti esterni, un sorriso isterico, non si riesce a comprendere se sia l'inizio di

лепил мне рот и я задохнулся [...] Меня никто не слышит [...] Я хочу, чтобы снег залепил мне рот, но меня никто не слышит. Я хочу, чтобы Лара вывела меня на снег. Хочу обнять её в последний раз. Оконное стекло толстое, как полярный лёд. Оно ничего не пропускает. [...] Никто меня не слышит, стекло ничего не пропускает. [...] Моё горло распухло от слов. Они не выходят – ни одно. Я хотел бы выплюнуть их. Хотел бы сказать, что она мне не нужна. Я хочу Лару. Боль, которую я чувствую, такая сильная. Постоянная. Я больше не хочу её чувствовать. Хоть бы кто-нибудь услышал меня!

– это тихий плач, слёзы, которые я сдерживала, пока они не замёрзли. Теперь им дало выход небо, чтобы напомнить мне, кто я такая, напомнить, что я жду здесь возвращения к жизни, я спускаюсь в сад, паром своего дыхания касаюсь холода, моего холода, я хотела бы стать дыханием, бежать в холод, тайком, сейчас.

6.

Тело женщины с обвисшей грудью. Синьора Иванова нечасто может позволить себе маленькие радости. Она стоит под душем, зеркало напротив нехотя от-

un pianto o se una qualche idea stia riuscendo a estraniarla per un attimo dalla gabbia lavoro. L'asciugamano strofina le cosce e l'addome, la vagina e le ascelle. Odorosa e stanca sa che il vecchio è stato già infilato nelle sue coperte prigione, non lo muoverà prima dell'ora di cena.

7.

Continua il lento cadere della neve. Un'armonia muta ritma la caduta. Chi possiede occhi e arti sensibili può solo limitarsi a leggere dei segnali che favoriscono la ricerca di un riparo. E chi, invece, non può uscire per altre ragioni, ha una ragione simile a quella degli altri, finalmente, per non muovere un passo fuori di casa. Il vecchio è di nuovo davanti alla finestra che inizia ad appannarsi. Un alone opaco fa accorgere che l'uomo è vivo, il respiro visto da fuori diviene anch'esso un segnale, l'unico che l'anziano può rilasciare nell'esterno e che, però, molto probabilmente, nessuno avrebbe colto. Un respiro fiore come arto che può ancora allungarsi, un respiro calmo. Un gesto involontario che lui volontario fa divenire, una ragione, una rappresentazione, un tocco di ciò che è dentro di lui, muta centimetri del vetro disinteressato. Sembra un essere umano che potrebbe alzarsi da un momento all'altro per uscire di casa, insieme alle altre figure mobili, transitanti nello spazio percepito dagli occhi. L'uomo statua resta davanti al rettangolo finestra e fa scomparire il volto col respiro.

ражает её, от тепла оно запотеваает, бесформенная розово-чёрная тень движется, смывая с себя усталость первой половины дня.

От женщины в ней мало что осталось – разве что большие груди. Длинные каштановые волосы прилипают к телу. Женщина остаётся женщиной: она покрасилась сама, наспех, чтобы скрыть светлые волосы, признак славянской внешности, но местами естественный цвет предательски проступает. Может ли следить за собой женщина, вынужденная убираться и возиться с пылью, полами, посудой и неподвижным, пусть и живым организмом человека, с которым судьба поселила её под одной крышей? Синьора Иванова слегка улыбается, пока вода течёт по её телу, это истеричная улыбка, и трудно сказать, начало ли это плача или просто какая-то мысль отвлекла её на секунду, вырвала из трудовой неволи. Полотенце вытирает бёдра и живот, промежность, подмышки. Приятно пахнущая, усталая, она знает, что старик надёжно спелёнут в одеяла, и она не будет трогать его до ужина.

7.

Снег продолжает медленно падать. Это падение подчиняется какой-то немой гармонии. Тот, у кого есть глаза и кого слушаются ноги, распознаёт в этом сигнал: нужно искать убежище. А зачем оно тому, кто и так не выходит из дома? Старик снова сидит у окна, которое начинает запотевать. Матовый кружочек пара на стекле показывает, что человек жив, след дыхания, видный снаружи, – тоже сигнал, единственный, который может послать на улицу старик и который, возможно, никто не заметит. Дыхание распускается цвет-

8.

Toglie prima i pantaloni con fatica. Lui è immobile sulla sedia, la guarda fisso negli occhi, non si lamenta, ancora. Gli sfila la maglia di lana e sbottona la camicia rigata. Risente il suo odore. La costringe a prenderlo tra le braccia e immergerlo nella vasca da bagno. Lo adagia dentro l'acqua calda e il marrone dell'escremento si scioglie presto dentro il liquido schiumoso. Inizia a strofinargli il corpo. Le vene sporgenti, la pelle flaccida, il pene nascosto dai lunghi peli grigi lo riducono a una massa decadente, una poltiglia di determinazioni fisiologiche e poco altro. Il vecchio emana suoni indecifrabili dalla bocca paralizzata. È un tormento particolare, una lingua diversa, dai toni trabalanti. La donna gli parla con la sua, di lingua, gli dice di non lamentarsi, di stare calmo e che avrebbe fatto presto. Le orecchie non aiutano affatto la comunicazione, le parole dei due linguaggi annegano nella pozza d'acqua maleodorante. La spugna verde è diventata più scura, la strizza come per togliere un dolore, una malattia che invece non scompare.

Potrebbe uccidermi in qualsiasi momento e non lo fa. Sono in suo possesso. Il mio corpo è di lei. Può farne ciò che vuole. Anche ora. Anche ora che la fisso negli occhi e le urlo di andarsene. Vattene! Uccidimi e vattene! [...] Mi immerge nell'acqua. Mi toglie tutto ciò che dal corpo esce

Se ti gettassi nell'acqua smetteresti di farmi arrabbiare, se spingessi la tua testa sotto non soffriresti più, vorrei farlo, tanto, ma non posso, non farmi arrabbiare, ti prego, non ho più voglia, smetti di lamentarti, mi farai meno pena, farò meno fatica, vorrei tu morissi, credo anche tu me lo stia

ком, оно как рука, которую всё ещё можно протянуть, спокойное дыхание. Непроизвольное движение, которое становится произвольным. Что-то, что ещё осталось в нём, изменяет немые сантиметры безучастного стекла. Кажется, что он такой же человек, как все, что он вот-вот встанет и выйдет из дома, присоединится к фигурам движущимся в поле его зрения. Человек-статуя сидит перед прямоугольником окна, и запотевшее стекло постепенно скрывает его лицо.

8.

Сначала она с трудом снимает с него брюки. Он неподвижно сидит в кресле, пристально глядя ей в глаза, и пока не протестует. Она стягивает с него шерстяной свитер, расстёгивает полосатую рубашку. Чувствует его запах. Ей приходится взять его под мышки и погрузить в ванну. Она осторожно сажает его в горячую воду, и коричневый сгусток испражнений быстро растворяется в мыльной пене. Она начинает мыть его тело. Выступающие вены, дряблая кожа, пенис, спрятанный в седых волосах, – старая развалина, да и только, мешанина анатомических терминов. Из парализованного рта старика выходят нечленораздельные звуки. Это страшная пытка – чужой язык, к тому же, из беспорядочных звуков. Женщина говорит с ним на своём языке, просит его не ныть, успокоиться, говорит, что ещё немного, и она закончит. Они не слышат друг друга, слова обоих тонут в зловонной воде. Зелёная губка потемнела, женщина выжимает её, как будто губка вобрала в себя боль, болезнь, но они никуда не денутся.

senza il mio consenso. Gli odori insopportabili che produco. Sono in suo possesso. In ostaggio della sua volontà. Non la voglio. Ho paura di lei. La fisso negli occhi. Lei guarda solo ciò che deve togliere. Si cura dei miei resti. Invece vorrei che mi affogasse.

dicendo, ma non c'è il segnale chiaro che luccica in questa fetida vasca, solo un corpo, il tuo, le mani, le mie mani.

9.

L'acqua contaminata dagli scarti del vecchio scompare nello scarico della vasca da bagno, mentre la neve fuori continua a cadere. Il buio si impossessa delle stanze, permette solo ad uno spesso filo di fumo nero di allontanarsi dal camino.

Она могла бы убить меня в любой момент, но не делает этого. Я в её власти. Моё тело принадлежит ей. Она может сделать с ним, что хочет. Прямо сейчас. Прямо сейчас, когда я смотрю ей в глаза и кричу, чтобы она убиралась вон. Убирайся! Убей меня и убирайся! [...] Она погружает меня в воду. Смывает то, что выходит из меня помимо моей воли. Невыносимые запахи, которые исходят от меня. Я в её власти. Я её заложник. Я не хочу, чтобы она была здесь. Я её боюсь. Я смотрю ей прямо в глаза. Она видит только то, что должна смыть. Её заботят только мои отправления. А я хотел бы, чтобы она меня утопила.

Если бы я утопила тебя, ты бы больше не злил меня, если бы я окунула тебя с головой и не давала всплыть, ты бы больше не страдал, мне хотелось бы это сделать, но я не могу, не зли меня, прошу тебя, я больше не хочу, перестань ныть, я бы не мучилась так, мне было бы не так трудно, я хотела бы, чтобы ты умер, думаю, ты именно об этом сейчас меня просишь, но в этой вонючей жиже не разглядеть знака, даже если бы ты его и подал, – там только тело, твоё тело, и руки, мои руки.

9.

Вода, смешанная с испражнениями старика, уходит в сток ванны, а за окном продолжает идти снег. Темнота овладевает комнатами, не трогая лишь струю густого дыма, тянущуюся из камина.

Biografia

Gabriele Belletti è nato a Rimini nel 1980. Vive a Santarcangelo di Romagna. Si è laureato in Filosofia (Estetica) nel 2005 presso l'Università di Bologna (tesi sulla nuova fenomenologia critica di Luciano Anceschi dal titolo: "Estetica comprensiva e poetica degli oggetti"). Dopo l'abilitazione all'insegnamento di Storia e filosofia, insegna nei licei. Ha partecipato alla seconda edizione 2008 di RicercaBo presso la Mediateca di San Lazzaro (Bologna), organizzata dall'Università di Bologna (comitato scientifico: Nanni Balestrini, Renato Barilli, Niva Lorenzini). Nel 2009 ha pubblicato sulla rivista "Poetiche" il saggio *Cosa perde l'io: le istituzioni letterarie e la poesia di Fabio Pusterla*. Nel 2010 la raccolta di poesie *Condominio* viene pubblicata nella collana "Opera Prima" grazie a una coedizione Cierre Grafica e "Anterem".

Биография

Габриэле Беллетти. Родился в Римини в 1980 году. Проживает в Сантарканджело ди Романья. В 2005 году окончил философский факультет (по специальности эстетика) Болонского Университета (дипломная работа посвящена новой критической феноменологии Лучано Анчески). После получения квалификации преподавателя истории и философии, начал преподавать в лицеях. В 2008 году принимал участие в конкурсе RicercaVo при медиатеке Сан-Ладзаро, организованной Болонским университетом (члены ученого комитета: Нанни Балестрини, Ренато Барилли, Нива Лоренцини). В 2009 году в журнале «Poetiche» опубликовано эссе «Cosa perde l'io: le istituzioni letterarie e la poesia di Fabio Pusterla». В 2010 году – поэтический сборник «Condominio» вышел в серии «Opera Prima» совместного издания Cierre Grafica и Anterem.

Nota critica

Resto di Gabriele Belletti descrive il fragile velo che separa la vita dalla morte nelle solitudini metropolitane. Ci indica il sottile diaframma che impedisce a due voci di dialogare, così come nega la possibilità all'anziano senza nome e alla sua badante di scendere a patti con una realtà ogni giorno più livida. Non c'è speranza per l'essere umano, ci dicono i corpi dei due protagonisti. Solo il disfacimento della vecchiaia e il degrado della povertà. Un disfacimento e un degrado che allontanano le due figure dall'esistenza (l'anziano) e dalla vera vita rappresentata dalla casa lontana (la badante). Davanti al rettangolo della finestra l'uomo "fa scomparire il volto col respiro". Non altro gli è concesso. È notevole in questo racconto lo scandaglio conoscitivo fra persona e persona, fra persona e ambiente, fra idea e visione. È notevole perché la nostalgia per una vita precedente (la giovinezza, per il vecchio; la casa lontana, per la badante) conserva una sua precisa riconoscibilità attraverso il libero moto delle voci che pervade tutto lo spazio visibile. La scena diventa sempre più angusta, come in un impietoso zoom: da un quartiere a un appartamento; da una stanza a una vasca da bagno. Per attuare tale quadro Belletti si muove in diversi territori espressivi e si affida all'uso di materiali linguistici diversi. Sulla scacchiera di queste pagine avviene l'attraversamento delle sensazioni più riposte, più intime e segrete dell'animo umano. Questi luoghi oscuri, queste ripetute ferite – tutte profonde, tutte incurabili – sottendono un'amara riflessione sull'avventura umana.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

В рассказе «Выбор» («Resto») Габриэле Беллетти демонстрирует читателю хрупкую грань между жизнью и смертью в одиночестве большого города. Автор описывает тонкую диафрагму, мешающую двум людям вступить в диалог, не оставляющую старику без имени и его сиделке шанса примириться с действительностью, которая с каждым днём становится всё более невыносимой. Человеку не на что надеяться, – как бы говорят нам тела персонажей. Существуют только разложение старости и упадок бедности. Разложение и упадок, которые отдаляют героев от существования (для старика) и от настоящей жизни, представленной в образе далёкого дома (для сиделки). Когда старик сидит перед прямоугольником окна, «запотевшее стекло постепенно скрывает его лицо». Это единственное, что доступно герою. В основе рассказа лежит попытка понять суть отношений между человеком и человеком, между человеком и окружающим миром, между представлением о жизни и самой жизнью. Свободный поток голосов, наполненный тоской по прошлой жизни (по молодости для старика, по далёкому дому – для сиделки), пронизывает весь текст. Сцена постоянно сужается, как при безжалостном увеличении, от квартала к квартире, от комнаты к ванне. Для создания этого эффекта Беллетти движется по разным плоскостям изображения и использует различные языковые средства. На шахматной доске этого рассказа представлено столкновение самых интимных, сокровенных, потаённых человеческих чувств. Взгляд в эту темноту, прикосновение к этим глубоким, незаживающим ранам наводит на горькие размышления о человеческой участи.

Флавио Эрмини

Massimiliano Maestrello

Traduzione in russo di Maria Sudilovskaja

Массимилиано Маэстрелло

Перевод Марии Судиловской

L'EFFETTO DELL'ACQUA

Giorgia ha un brivido appena entra nella vasca.

Le succede sempre, nonostante venga in piscina almeno una volta la settimana da quando è bambina.

Se qualcuno in tutti questi anni si fosse fermato a osservarla avrebbe notato come non sia mai riuscita a tuffarsi direttamente in acqua, come la maggioranza delle persone che viene a nuotare qui, nella Piscina Comunale.

Quasi tutti preferiscono prodursi in un tuffo più o meno atletico, molto spesso scoordinato, e trovarsi in un attimo in piscina, superare in questo modo il piccolo trauma del contatto con l'acqua.

Quello di Giorgia, invece, è da sempre una sorta di avvicinamento cauto, fatto di piccoli gesti ripetuti in maniera identica di volta in volta: prima si toglie le ciabatte, le sistema una vicina all'altra sulla fila di piastrelle bianche che corrono lungo il perimetro della vasca, poi scende la scaletta di metallo scalino dopo scalino, aspettando che prima i piedi e poi le gambe si abituino alla temperatura dell'acqua. Possono passare anche alcuni minuti prima che si metta a nuotare.

Nel frattempo rimane in piedi sul lato dove la piscina è meno profonda, con l'acqua che le lambisce i fianchi, a sistemarsi la cuffia e gli occhialini.

Mentre lo fa, si ferma a guardare la metà inferiore del suo corpo sotto la superficie dell'acqua, il profilo tremolante delle cosce e dei piedi che non hanno più contorni netti e definiti, la pelle chiara che ora sembra quasi trasparente. Anche questa è una cosa che fa fin da quando era bambina. Le pare che l'acqua abbia la

МАГИЯ ВОДЫ

В первую секунду вода кажется Джорджии обжигающе холодной. Так бывает всегда, несмотря на то, что она ходит в бассейн с детства хотя бы раз в неделю.

Если бы кто-нибудь за все эти годы решил понаблюдать за ней, он бы заметил, что в отличие от остальных посетителей Городского бассейна, ей никогда не удаётся сразу нырнуть в воду.

Почти все предпочитают изображать из себя умелых ныряльщиков. У одних это получается лучше, у других хуже, но главное для всех их – сразу оказаться в воде: так легче преодолеть неизбежное ощущение холода при соприкосновении с водой.

Джорджия не из их числа. Она каждый раз повторяет один и тот же медленный ритуал: снимает шлепанцы, аккуратно ставит их на белую кафельную полосу, бегущую по периметру ванны, затем спускается, ступенька за ступенькой, по металлической лесенке, давая сначала пальцам ног, а потом ногам до колена и немного выше, привыкнуть к температуре воды. Может пройти несколько минут, прежде чем она начнет плавать.

Некоторое время она остается в мелкой части бассейна: стоя по пояс в воде, поправляет шапочку и очки.

Она привычно разглядывает часть своего тела, находящуюся под водой, дрожащий, расплывчатый контур ног, светлую кожу, которая теперь кажется почти прозрачной. Ей кажется, что в воде её тело совсем другое, что она

capacità di cambiare la percezione del suo corpo, e che la parte immersa sia come sistemata sotto una sorta di lente liquida, in grado di farle vedere cose che normalmente non vedrebbe. Dai fianchi in giù il suo corpo le appare diverso, quasi sconosciuto.

Ma ora tutto è cambiato. Questi gesti – qualcosa di simile a un'abitudine che si è consolidata nel tempo – le costano fatica e cerca di renderli il più veloci possibile.

Mentre raccoglie un po' di acqua nella mano a coppa e si strofina le braccia e le spalle guarda i nuotatori nelle altre corsie che alzano piccoli spruzzi dopo ogni bracciata. I suoni e le voci riverberano di una piccola eco, che si perde e si spegne da qualche parte, sotto il soffitto a cupola della Piscina Comunale.

Giorgia si passa una mano sulla pancia, delicatamente, sopra il tessuto ruvido del costume da bagno nero, e poi finalmente si tuffa, scomparendo sotto la superficie dell'acqua.

Quando riappare, qualche metro più avanti lungo la corsia, avanza con grazia, con colpi leggeri di braccia e di gambe. Sembra quasi non fare rumore.

*

Giorgia spera che nuotare la aiuti a non pensare. Per un po' ci riesce, concentrandosi sui movimenti sincronizzati del suo corpo, sul ritmo del respiro.

Quattro bracciate – le conta a mente: una, due, tre, quattro – poi piega la testa – prima a destra, poi a sinistra – per respirare.

Una, due, tre, quattro, respiro.

смотрит на него сквозь некую жидкую лупу, позволяющую видеть то, чего бы иначе она не увидела. Собственные бедра кажутся ей чужими, незнакомыми.

Но сегодня всё изменилось. Привычный ритуал, которому много лет, стоит ей немалых усилий, и она старается выполнить его как можно скорее.

Она набирает в пригоршню воды и, смачивая руки и плечи, наблюдает за пловцами на других дорожках, поднимающими при каждом гребке мелкую россыпь брызг. Плеск воды и голоса отзываются негромким эхом, которое вдруг затухает, приглушенное сводчатым потолком Городского бассейна.

Джорджия осторожно проводит рукой по животу, обтянутому черной шершавой тканью купальника, и, наконец, ныряет, скрываясь под водой.

Через несколько метров она выныривает и, легко, изящными и почти бесшумными гребками, которым помогают ноги, плывет дальше по дорожке.

*

Джорджия надеется, что плавание поможет ей не думать. Поначалу ей это удается, она сосредотачивается на синхронных движениях тела, на ритме дыхания. Она отсчитывает про себя четыре гребка: раз, два, три, четыре, потом поворачивает голову – сначала направо, а потом, еще через четыре гребка, налево – чтобы сделать вдох.

Раз, два, три, четыре, вдох.

И снова: раз, два, три, четыре, вдох.

Несколько минут Джорджия, не останавливаясь, повторяет эту мантру, на

E ancora: una, due, tre, quattro, respiro.

Per qualche minuto, Giorgia ripete di continuo questa specie di litania, anche se non ne ha davvero bisogno, perché i gesti le riescono fluidi e naturali senza nessuno sforzo.

In questo momento ha la consapevolezza di come il suo corpo risponda alla perfezione, di come le sembri di conoscerlo a memoria. Non sa se vuole cambiare le cose. Non sa se vuole vedersi trasformata.

Incinta, pensa Giorgia, abbandonando definitivamente la fragile cantilena mentale alla quale si è aggrappata fino a quel momento. Ho diciassette anni e sono incinta. Incinta: le fa paura solo pensarla, quella parola. Sa di proibito e di vergogna, di discorsi solo accennati con i genitori. È una parola in grado di portarsi dietro pianti e drammi familiari, lo sa bene.

Anche Andrea si è spaventato.

A casa sua, quando Giorgia glielo ha detto, ha spalancato gli occhi, incredulo, e si è messo a camminare nervoso per la stanza, passandosi una mano tra i capelli.

“Non è possibile” ripeteva a bassa voce, come se la cosa si fosse già trasformata in un segreto da non rivelare a nessuno. “Non è proprio possibile. Sei sicura?”

Erano usciti a comprare un altro test di gravidanza. Andrea non aveva parlato per tutto il tragitto dall'appartamento alla farmacia.

Una volta rientrati, Giorgia si era chiusa in bagno. Andrea l'aspettava in camera. Seduta sul coperchio del water, in attesa, Giorgia aveva sperato che fosse tutto un grande errore.

Ti prego, aveva sussurrato più volte come in una preghiera, fa che sia tutto uno sbaglio.

самом деле вовсе не нуждаясь в ней: каждое движение дается ей с естественной легкостью, без малейшего усилия.

В эту минуту к ней приходит осознание того, насколько совершенно её тело, насколько хорошо она его знает. Она не уверена, что хочет всё изменить. Не уверена, что хочет увидеть свою фигуру изменившейся.

Беременна, думает Джорджия, окончательно обрывая хрупкую мысленную кантилену, за которую только что цеплялась. Мне семнадцать лет и я беременна.

Беременна: одно это слово приводит её в ужас. Оно означает запрет и чувство стыда, разговоры с родителями – пока только намеками. За этим словом могут последовать слёзы и семейные драмы, она отлично это знает.

Андреа тоже испугался.

Когда Джорджия сказала ему об этом у него дома, он недоверчиво вытаращил глаза и принялся нервно ходить по комнате, ероша волосы.

– Не может быть, – повторял он шепотом, как будто это уже стало секретом, который никому нельзя открывать. – Этого не может быть. Ты уверена?

Они решили купить ещё один тест на беременность. Всю дорогу от дома до аптеки Андреа молчал.

Как только они вернулись, Джорджия закрылась в ванной. Андреа ждал в комнате. Сидя на крышке унитаза в ожидании результата, Джорджия надеялась, что всё это ошибка, большая ошибка.

Прошу тебя, – молитвенно шептала она, сделай так, чтобы всё это было ошибкой.

Медленно текли минуты.

I minuti erano trascorsi lenti.

I suoni del mondo esterno che arrivavano attraverso la finestra aperta – un insieme confuso di voci e rumori di traffico – sembravano venire da una grande distanza, come attutiti.

C'era qualcosa, ora, che separava lei, chiusa nel bagno della casa di Andrea, da tutto il resto. L'aveva percepito distintamente, in maniera quasi schiacciante, mentre fissava il riflesso che un raggio di sole disegnava sulle piastrelle sopra la vasca da bagno, la linea netta che in quel momento divideva in maniera precisa ombra e luce.

Poi aveva controllato l'orologio. Si era alzata e aveva raggiunto la mensola sopra il lavandino dove aveva poggiato il test.

Fa che sia tutto uno sbaglio, aveva pensato di nuovo, per un attimo, a occhi chiusi. Ma sulla piccola barretta di plastica erano comparse due linee: positivo.

“Te l'avevo detto”.

Andrea non riusciva a guardarla negli occhi. “Ci roviniamo la vita. Non posso diventare padre a diciannove anni. Tu non sei nemmeno maggiorenne”.

“Cosa facciamo?” aveva chiesto lei, allora.

Andrea aveva scrollato la testa, passandosi una mano fra i capelli: “Non lo so. Ma non possiamo tenerlo”.

*

Non pensare. Non pensare, si dice Giorgia.

Si tuffa sott'acqua, con gli occhi che pizzicano e la voglia di piangere.

Звуки внешнего мира, доносившиеся из открытого окна, – неясный гул голосов и шум машин, казалось, шли откуда-то издалека и потому приглушенные.

Что-то сейчас отделяло её, закрывшуюся дома у Андреа в ванной, от всего остального. Она отчетливо поняла это, понимание обрушилось на нее, когда она смотрела на полоску света, прочерченную солнечным лучом на кафельной плитке над ванной, – четкую границу между тенью и светом.

Она посмотрела на часы. Поднялась и потянулась к полке над умывальником, где оставила тест.

Сделай так, чтобы всё это было ошибкой, подумала она снова, на мгновение закрыв глаза. Но на маленькой пластмассовой палочке появились две линии: положительный.

– Я же тебе говорила.

Андреа не мог смотреть ей в глаза.

– Мы испортим себе жизнь. Я не могу стать отцом в девятнадцать лет. А ты вообще несовершеннолетняя.

– Что будем делать? – спросила она тогда.

Андреа пожал плечами. Почесал затылок.

– Не знаю. Но оставить его мы не можем.

*

Не думай. Не думай, уговаривает себя Джорджия.

Она ныряет под воду, глаза щиплет, хочется плакать.

È successo tutto da pochi giorni, prova a dirsi, non serve trovare una soluzione immediatamente.

Ma sa che non è così. Interrompe le bracciate e le spinte con le gambe e riemerge con la testa. Si passa di nuovo, quasi in automatico, una mano sulla pancia, sicura di trovarla cambiata, ma riconosce invece il profilo appuntito delle costole e la curva dolce dei fianchi. È una cosa che devo decidere io, pensa. Solo io.

Sa di non poter contare sull'appoggio di Andrea e dei suoi genitori per questa scelta. Dovrà metterli al corrente di quello che vorrà fare solo una volta presa la decisione definitiva. Poi – pensa – succeda quel che deve succedere. Raggiunge il bordo e, issandosi sulle braccia, si solleva e si mette a sedere. Pensava che nuotare l'avrebbe aiutata a rilassarsi almeno un po', ma non è abbastanza concentrata.

Da dove si trova, adesso, le basta muovere di poco la testa per avere la visuale di tutta la piscina.

Nelle corsie più vicine, gli altri nuotatori si incrociano più volte senza sfiorarsi. Giorgia pensa che questa è forse una delle cose che le sono sempre piaciute di più, del nuoto: il fatto di condividere uno spazio, ma di essere soli nel momento della fatica. Ora non sa più se è così. Non sa più se questo isolarsi serva davvero a qualcosa. Forse perché vorrebbe urlarlo, quello che le sta succedendo. Vedere se la sua voce sarebbe in grado di farsi spazio tra i rumori che si perdono sotto il soffitto a cupola della Piscina Comunale. Vedere quanti smetterebbero di nuotare per starla ad ascoltare. Per un attimo immagina la scena e le viene da sorridere.

Incinta e *pazza* a diciassette anni, ecco cosa sembrerei, pensa.

Poi sente il suono di un fischiello.

Прошло так мало времени, уговаривает она себя, никто не заставляет меня принимать решение прямо сейчас.

Но она знает, что это не так. Она перестает работать руками и ногами и поднимает голову над водой. Снова, почти машинально, трогает живот, уверенная, что он изменился. Ничего подобного: все те же прощупывающиеся ребра и мягкая округлость боков.

Решать должна я, думает она. Только я.

Она знает, что в выборе решения не может рассчитывать на поддержку Андреа и его родителей. Она сама должна окончательно всё решить и только после этого сообщить им, что она собирается делать. А там будь что будет.

Она доплывает до конца дорожки и, подтянувшись на руках, садится на бортик. Она надеялась, что бассейн поможет ей хоть немного забыться, но полностью сосредоточиться на плавании она не смогла.

С того места, где она сидит, Джорджия может обвести взглядом весь бассейн. На ближних дорожках пловцы встречаются по много раз, не задевая друг друга. Джорджия думает, что это, пожалуй, ей всегда больше всего нравилось в плавании: возможность делить пространство с другими и оставаться одним, когда главное для тебя – движение. Теперь она уже не уверена, что это так. Не уверена, что эта обособленность вообще для чего-то нужна. Может быть, потому, что ей хочется выть, выразить в крике то, что с ней происходит. Посмотреть, способен ли ее голос пробиться через шум, теряющийся под сводчатым потолком Городского бассейна. Посмотреть, сколько человек перестанут плавать, чтобы послушать её. На мгновение она представляет эту картину и улыбается.

Si volta e vede, nella piscina più piccola, alcuni istruttori impegnati con i bambini e i ragazzini dei corsi di nuoto.

Uno degli insegnanti, accucciato sulle gambe, sta parlando con un bimbo che Giorgia vede solo di schiena. Gli sta spiegando un esercizio e illustra i movimenti uno a uno, lentamente, come in una specie di moviola.

Simula un grosso respiro, poi un tuffo e infine una graduale e costante espirazione, mentre porta verso il basso prima il palmo e poi le dita della mano, muovendola infine parallelamente al terreno, indicando il fondo della piscina.

Giorgia ha capito di che esercizio si tratta, l'ha dovuto fare anche lei. Le sembra che siano passati un sacco di anni, da allora.

Era un esercizio, quello, che le faceva paura, perché bisognava buttare fuori a poco a poco quasi tutta l'aria che si aveva nei polmoni. Prima, i piedi e le gambe, come attratti da una forza invisibile, smettevano di galleggiare e andavano a toccare il fondo della piscina. Continuando a espirare anche il resto del corpo scendeva verso il basso, fino a quando non ci si ritrovava quasi sdraiati di pancia sul fondo della vasca.

Il bambino, intanto, annuisce e si tuffa in acqua. Non sembra avere niente di cui preoccuparsi, lui.

Forse è questo. Forse ho sempre avuto troppa paura di tutto, pensa Giorgia.

Ha freddo, ora. Le sembra che l'acqua le si stia gelando addosso, perciò si tuffa di nuovo in acqua e ricomincia a nuotare.

Qualunque sia la sua decisione sarà sua madre a prenderla peggio, questo lo sa. Sua madre pensa che sia ancora una bambina. E forse lo sono davvero, pensa per un attimo. Ma poi si corregge e si dice: Non devo avere paura.

Беременная и сумасшедшая в семнадцать лет, вот как бы я выглядела в их глазах, думает она.

И тут она слышит свисток.

Поворачивается и видит около лягушатника нескольких тренеров, занимающихся с малышами и детьми постарше.

Один из тренеров, сидя на корточках, разговаривает с ребенком, которого Джорджия видит только со спины. Он объясняет ему задание и показывает движения, одно за другим, как в замедленной съёмке. Изображает глубокий вдох, потом нырок и, наконец, постепенный выдох, при этом опуская вниз сначала ладонь, потом пальцы руки, затем проносит руку параллельно полу, другой рукой показывая на дно бассейна.

Джорджии знакомо это упражнение, она тоже когда-то его делала. Давным-давно, тысячу лет назад.

Это упражнение всегда пугало её, потому что надо было понемногу выпустить почти весь воздух из лёгких. Сначала ноги, от коленей и ниже, будто притягиваемые невидимой силой, переставали держаться на поверхности и касались дна бассейна. С продолжением выдоха всё тело тоже опускалось вниз, пока ты не оказывалась лежащей ничком на дне бассейна.

Ребёнок, между тем, кивает головой и прыгает в воду. Не похоже, чтобы ему было страшно.

Может, все дело в этом. Может, я всегда слишком всего боялась, думает Джорджия.

Она замерзла. Ей кажется, что капли воды на теле превращаются в лед, поэтому она снова ныряет и снова начинает плавать.

Ripensa a quell'esercizio di apnea, a come restasse in posizione solo per pochi secondi, giusto il tempo perché l'istruttore considerasse l'esercizio superato. Ricorda che la cosa che la spaventava di più era il pensiero di restare senza aria, di non averne abbastanza per riuscire a risalire. Come se ci fosse in qualche modo la possibilità di restare intrappolati nell'acqua per sempre, a galleggiare in una sorta di limbo, troppo lontani dal fondo per darsi una spinta verso l'alto e troppo deboli e senza forze per riemergere. Un pensiero stupido, lo sa bene. Ma era molto piccola, allora. Eppure una sensazione di oppressione le stringe per un attimo la gola.

Le viene voglia di riprovare a fare quell'esercizio, vedere l'effetto che le fa a distanza di anni.

Raggiunge l'estremità della piscina e si mette in posizione.

Con le braccia aperte, a formare quasi una croce, comincia a espirare, sentendo il suo corpo scendere sempre di più verso il fondo.

È così diverso da nuotare. Sono altre forze che la spingono, ora. Forze alle quali può decidere se affidarsi o meno.

Con un ultimo soffio, che crea delle piccole bolle che le corrono per un attimo lungo il viso, si stende parallela al fondo della vasca.

Le viene in mente che da piccola contava a mente fino a cinque, prima di mettere fine all'esercizio. Cinque secondi che potevano sembrare lunghissimi.

Si mette a contare anche questa volta. Lì sotto non arriva nessun rumore. C'è solo il riflesso della luce che crea un effetto simile a piccole onde sul pavimento della piscina. È un movimento lento e ipnotico, che le libera per un attimo la mente da tutti i pensieri.

Каким бы ни было её решение, матери оно не понравится, в этом она уверена. Мать до сих пор считает ее ребенком. А может, мама права? Глупости, я не маленькая. Я не должна бояться.

Она снова думает об упражнении на задержку дыхания, о том, какого труда стоило ей оставаться на дне всего несколько секунд, достаточных для того, чтобы тренер посчитал упражнение выполненным.

Она помнит, что больше всего её пугала мысль, что ей не хватит воздуха, чтобы вынырнуть обратно. Что можно остаться навсегда в водной ловушке, в этом лимбе, между поверхностью воды и дном, и дно будет слишком далеко, чтобы оттолкнуться от него, и у нее не хватит сил, чтобы всплыть. Дурацкая мысль, ничего не скажешь. Но тогда она была маленькая. И все-таки ощущение отчаяния на мгновение сжимает горло.

Ей хочется попробовать сделать это упражнение снова, посмотреть, как оно подействует на нее сейчас, сейчас, спустя годы. Она доплывает до края дорожки и, удерживаемая водой, разводит руки крестом. Выдыхая воздух, она чувствует, как её тело постепенно опускается вниз, идет ко дну.

Это так не похоже на плавание. Здесь телом управляют совсем другие силы. Ты можешь решить, довериться этим силам или же нет.

Последние пузырьки воздуха пробегают вдоль щек, и вот она уже лежит на дне.

Она вспоминает, что, когда была маленькая, считала про себя до пяти, прежде чем закончить упражнение. Пять секунд, которые могли показаться ужасно долгими.

В этот раз она тоже принимается считать. Оттуда сверху не проникает никакой

Sarebbe bello poter restare qui, pensa Giorgia. Finire l'aria e a un tratto accorgersi di poter respirare anche sott'acqua.

Conta fino a dieci.

Poi a venti.

Arriva a trenta.

Il cuore le batte forte. Si accorge di avere ancora paura – non tanta come una volta, certo –, ma non è solo quello.

Ancora un momento, pensa. Ancora un momento.

Per un attimo ragiona sul fatto di buttare fuori anche l'ultimo soffio d'aria, di affidarsi completamente all'acqua.

Poi qualcosa la distrae. È qualcosa di simile al suono di un'esplosione che arriva da qualche metro di distanza. Si volta in tempo per vedere una figura che si distende tra le bolle che le circondano il corpo. E poi ci sono altre piccole esplosioni, una di seguito all'altra.

Un attimo e capisce: sono i bambini del corso di nuoto. Li portano sempre qui a fare i tuffi al termine della lezione. Gli istruttori non danno indicazioni precise – la tecnica corretta la insegneranno più avanti, a chi vorrà continuare –, ma lasciano che si divertano per quegli ultimi cinque minuti. Quasi tutti i ragazzini scelgono di lanciarsi a bomba. Giorgia non saprebbe dire perché. Forse è il piacere di rompere per un attimo la superficie placida dell'acqua. O forse perché quella posizione è insieme un attacco e una difesa. O forse perché c'è qualcosa – una specie di forza primordiale – che li spinge a mettersi così.

Giorgia ne vede almeno quattro entrare nell'acqua con le braccia strette attorno

шум. Только переливающиеся волночками блики света. Это медленное усыпляющее движение на мгновение освобождает ее от всех мыслей.

Было бы здорово остаться здесь, думает Джорджия. Выдохнуть весь воздух и вдруг обнаружить, что можешь дышать и под водой.

Она считает до десяти.

Потом до двадцати.

Тридцать.

Колотится сердце. Она чувствует, что боится, конечно, не так, как раньше – но дело не только в этом.

Ещё секунду, думает она. Ещё чуть-чуть.

А что, если выдохнуть весь оставшийся воздух и полностью довериться воде?

Внезапно что-то отвлекает её. Это похоже на звук взрыва, в нескольких метрах от неё. Она быстро поворачивается и видит в воде фигуру, окружённую пузырьками воздуха. Следует ещё несколько маленьких взрывов, один за другим.

Через секунду она понимает: это дети из группы начинающих. В конце урока им всегда разрешают понырять здесь. Тренеры не дают специальных заданий – правильной технике их научат чуть позже – тех, кто захочет продолжать занятия, – теперь же им дают порезвиться последние пять минут. Всем этим детишкам нравится прыгать «бомбочкой». Джорджия не смогла бы сказать, почему. Может быть, это удовольствие – разрушить на мгновение идеально ровную поверхность воды. А может быть, в этом способе – атака и защита одновременно. Может, именно так ныряли их далекие предки. Джорджия

alle gambe, la testa tra le ginocchia. Li guarda scendere verso il fondo, come pivotti da un posto sconosciuto, per poi liberarsi da quella posizione e nuotare verso la superficie.

Ormai non ha più fiato. Deve riemergere anche lei.

Mentre risale, con i polmoni che urlano, si accorge che si è abituata al buio del fondo della vasca e la luce le ferisce per un attimo gli occhi.

Poi è fuori.

Con la bocca spalancata respira quanta più aria possibile. Ansimando, la sente scendere dentro il corpo, trovare la sua strada, come la cosa più naturale del mondo.

E in quel momento esatto si accorge di aver deciso cosa fare.

видит, как четыре мальчика дружно прыгают в воду, обхватив руками колени с зажатой между ними головой. Откуда они здесь? Она смотрит, как они опускаются на дно, чтобы потом, выпрямившись, вынырнуть на поверхность. У нее не осталось воздуха. Пора тоже всплывать. Поднимаясь на поверхность с кричащими лёгкими, она замечает, что привыкла к подводному полумраку и теперь, в первые секунды, свет режет ей глаза.

Она на поверхности.

Жадно глотает воздух. Тяжело дыша, чувствует, как он находит свой путь, заполняет её тело. Что в мире может быть естественнее этого?

И тут Джорджия понимает: она уже все решила.

Biografia

Massimiliano Maestrello è nato nel 1981 in provincia di Verona. Attualmente lavora in un ufficio stampa. Nel 2008 è risultato tra i vincitori del concorso nazionale Subway Letteratura ed è tra gli autori del libro collettivo *ABCdiario. Parole che vale la pena di usare (almeno una volta nella vita)*, uscito nello stesso anno per l'editore Zandegù. Nel 2010 un suo racconto è stato inserito nell'antologia *Cronache dagli Anni Zero* (Perrone Editore) e un altro è apparso sul numero 18 della rivista "Toilet" (80144 Edizioni).

Биография

Массимилиано Маэстрелло родился в 1981 году в провинции Вероны. В настоящее время работает в пресс-службе. В 2008 году оказался в числе победителей национального конкурса Сабвей-Литература и так же в числе авторов книги «ABCdiario. Слова, которые стоит использовать (хотя бы раз в жизни)», выпущенной в том же году издательством «Дзандегу». В 2010 году один из его рассказов был включён в антологию «Хроники нулевых годов» (издательство «Перроне»), и еще один появился в 18-ом номере журнала Toilet (издательство «80144»)

Nota critica

L'effetto dell'acqua di Massimiliano Maestrello ci porta al cospetto del principio, della nascita. La protagonista, Giorgia, rivive la propria nascita per trovare il coraggio di dare lei stessa al mondo una vita. L'acqua della Piscina Comunale dove Giorgia si immerge diventa l'acqua da cui nasce l'essere umano: quell'acqua di cui non si ha memoria e che solo in particolari momenti della nostra vita (quando è in gioco la vita) ci è data la possibilità di riconoscere. È propriamente una nuova nascita quella della protagonista. Una spinta a vivere. Una spinta a dare la vita. Una spinta che giunge dall'aria che Giorgia "sente scendere dentro il corpo, trovare la sua strada, come la cosa più naturale del mondo". La vita è futuro, e in quanto futuro diventa il luogo in cui ciascuno può decidere e scegliere; magari tracciando un percorso tra pensiero ed esistenza, tra pensiero ed esperienza. Non deve esserci esitazione nel prendere le distanze da quello che crediamo di sapere e nel mettere alla prova i nostri convincimenti. È un cammino lungo il quale costantemente vanno preparate le condizioni affinché ognuno possa dirigersi verso se stesso. Sono profonde le corrosioni che il tempo ha prodotto su di noi. Lo dimostra lo spavento del ragazzo Andrea. Va compiuto il sacrificio di ciò che eravamo stati, ci insegna Giorgia, e va trovato il coraggio di una nuova via, da prendere con lucidità; una lucidità cauta e coraggiosa insieme; cioè "esatta". Giorgia riesce a "trovare la sua strada" facendo tacere tutte le altre parole che l'avevano assordata; e, attraverso una dolorosa attesa, finisce con il conoscere la speranza.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

«Магия воды» Массимилиано Маэстрелли ставит нас перед лицом первоздания и перерождения. Главная героиня, Джорджия, вновь переживает собственное рождение, чтобы найти в себе силы в свою очередь дать начало новой жизни. Вода Городского Бассейна, в которую погружается Джорджия, превращается в воду, из которой рождается человек: о ней нет воспоминаний, и лишь в особые моменты нашей жизни (когда ставка – жизнь) нам даётся возможность познать её вновь. Это и есть второе рождение главной героини. Импульс, чтобы жить. Импульс, чтобы дать жизнь. Импульс, пришедший из воздуха, который Джорджия «чувствует, как он наполняет всё её тело, и что во всём мире нет ничего естественнее этого воздуха». Жизнь – это будущее, ведь будущее – это пространство, где всякий может решать и выбирать, чётко прокладывая путь между мыслью и жизнью, между мыслью и опытом. Не должно быть колебаний в разделении между тем, что мы якобы знаем, и тем, что мы делаем якобы по нашим убеждениям. Время оставило нам глубокие разрушения. Яркий пример – страх молодого человека Андреа. Была принесена в жертве старая жизнь, чтобы подняться выше, учит нас Джорджия, и с ясностью принять вызов новой жизни; с ясностью осторожной и смелой одновременно, то есть, с самой верной. Джорджии удаётся «найти свой путь», заставляя замолчать все остальные мысли, которые оглушали её; преодолевая болезненное ожидание, она в конечном итоге обретает надежду.

Флавио Эрмини

Andrea Paolo Massara

Traduzione in russo di Daria Belokrylova

Андреа Паоло Массара

Перевод Дарьи Белокрыловой

L'OSPEDALE DEGLI UOMINI

“Sentito che risucchio quando chiudi lo sportello? È tutto insonorizzato.”

Le canne fuori si piegavano a ondate, la bandiera rossa pareva strapparsi, la copertura della terrazza di un ristorante si era slacciata e si apriva ora in grandi movimenti.

Non so come si fa a comprare un'auto che non ti faccia sentire neanche il rumore del mare.

“Silvana voleva il fuoristrada perché le piace vedere la strada dall'alto, ma quando è salita sopra a questa ha detto che si sentiva la pace...”

Iniziò a piovere qualche goccia.

“Perfetto. Ora guarda.”

Mise in moto e andammo via.

Su per la strada da cui si vedeva tutta la spiaggia, Giovanni mi ripeteva di stare attento. Dei nuovi mostri grigi di cemento armato si affacciavano giù dal promontorio. I tergicristalli si attivarono di colpo.

La punta rocciosa di Capo Vaticano pare il naso di un uomo che dorme dentro al mare.

“Hai visto? Hai visto?!”

La testa poggia nell'acqua, guarderebbe in alto, dritto a mezzogiorno. Salendo con lo sguardo verso la terraferma la pietra disegna un'incavatura, poi

БОЛЬНИЦА ДЛЯ ЛЮДЕЙ

– Заметил, с каким трудом удалось закрыть дверцу? Ветер не давал. А внутри ничего не слышно – звукоизоляция.

Снаружи камыши ходили волнами, красный флажок, запрещающий купаться, вот-вот, казалось, превратится в клочья, тент над террасой ресторанчика бился на ветру, оборвав часть креплений.

Не знаю, зачем покупать машину, в которой даже не слышно, как шумит море!

– Сильвана хотела внедорожник, потому что любит смотреть на дорогу сверху. А села в эту машину и сразу почувствовала себя в ней уютно.

Застучали первые капли. Начинаясь дождь.

– Отлично. Теперь смотри!

Он запустил двигатель, и мы поехали.

По дороге, с которой был виден весь берег, Джованни повторял мне, чтобы я смотрел внимательнее. Внизу, начиная от мыса, взгляду представляли серые монстры новых построек из железобетона. Джованни включил дворники.

Скалистый мыс Капо Ватикано издали похож на нос человека, уснувшего в море.

– Ты видел? Ты видел?!

Голова лежит в воде, как бы глядя вверх, прямо в зенит. Если перевести взгляд

le labbra, proprio sotto si vedevano piccolissime delle persone in piedi, era l'affaccio del belvedere.

Passammo davanti a ville ricoperte interamente da pietre di mare, grandi alberghi in costruzione, ovunque enormi mostri di cemento. Una piccola abitazione dipinta di rosa. Imboccò la strada che porta al suo terreno. Scese, aprì il cofano e cominciò a dare da mangiare agli animali. C'erano un pavone, galline di tanti colori, dei cinghiali. Uno struzzo mi fissava. Si avvicinò alla rete senza distogliere lo sguardo, spinse fuori il becco. Sembrò farmi l'occholino.

Ras Mohammad è vicino a Sharm, lo chiamano 'il giardino di Allah'. Tutti pensano che il mare lì sia pieno di vita, ma quando si supera la barriera puoi nuotare per ore e non incontrare nulla. Le acque sono limpide, si riesce a vedere anche fino a trenta metri lontano, ma non c'è assolutamente niente intorno.

La prima volta credevo fossero passati dei giorni e pensavo di tornare indietro. Guardavo i disegni delle onde nella sabbia, sentivo il mio respiro. Controllai il manometro, avevo ancora molta aria.

Vidi lontano qualcosa di molto grande. Nel giro di poco lo avevo vicino. Un pesce lungo due metri, enorme, poteva inghiottirmi. Me ne avevano parlato altri sub: lo chiamano Napoleone, perché ha un bozzo sulla testa che somiglia a un cappello. Aveva due occhi grandi che mi scrutavano, la bocca grande, cadente, l'espressione di uno che ha tanto vissuto, che ha visto

немного дальше от моря, можно разглядеть впадину и сразу за ней каменные губы, а под ними – человеческие фигурки: это смотровая площадка.

Мы проехали мимо вилл, облицованных обточенными морем камнями, мимо недостроенных отелей, всюду огромные чудовища из цемента. Маленький домик, выкрашенный в розовый цвет. Джованни свернул на дорогу, ведущую к его владениям. Вышел из машины, открыл багажник и начал кормить животных. У него были павлин, куры всех расцветок, дикие свиньи. На меня уставился страус. Подошел к заградительной сетке и просунул в нее клюв, не отводя от меня взгляда. Казалось, он мне подмигивает.

Рас Мохаммед, расположенный рядом с Шарм-эль-Шейхом, называют садом Аллаха. Все думают, что море там наполнено жизнью, но, заплыв за риф, можно кружить под водой часами и никого не встретить. Вода настолько прозрачная, что видно на тридцать метров вперед, но вокруг нет ничего живого.

В первый раз мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем я собрался вынырнуть на поверхность. Рассматривая причудливый рисунок, образованный волнами песка на дне, я слышал собственное дыхание. Проверил манометр – у меня было ещё много воздуха.

Вдалеке появилось что-то очень большое. Через секунду оно уже было рядом. Двухметровая рыбина – такая огромная, что запросто могла бы проглотить меня! Мне рассказывали о ней другие дайверы – она называется «наполеон» из-за нароста на голове, похожего на треуголку. Ее большущие

troppo, delle labbra che mi volevano dire qualcosa. Avevo paura e cercai di rimanere fermo.

Mi fissò a lungo proprio negli occhi avvicinandosi. Mi girò a lato, andò via lento, senza guardarsi indietro. E tornai a rimanere solo, in un deserto di mare.

“Scendi, cammina, dai”.

Lo struzzo mi seguì finché poteva lungo la rete della gabbia. Era alto quanto me.

“Dobbiamo fare ancora la strada, ma i lavori vanno avanti.”

Lo scheletro di una grande casa, tutto intorno montagne di terra scura scavata via. Facemmo le scale.

“Il grande vuole all’americana: sotto zona giorno e qui le stanze da letto. E quindi viene grande perché è un solo appartamento. Per la casa del piccolo per fortuna ancora ci vuole, è alle superiori.”

Andammo ancora su, dove avrebbe fatto una mansarda. Il tetto mi schiacciava la testa, camminammo con la schiena china fino a vedere il sole che cadeva nel mare.

Mi manca progettare, immaginare il futuro. Mio padre diceva che se vuoi sapere che tempo farà devi guardare lontano l’orizzonte oltre il mare perché il tempo che c’è lì poi viene da noi e da ragazzo mi sembrava che così avrei visto il futuro.

Guardai lontano e l’ultimo pezzo di luce andò via. L’uomo che riposa dentro il mare forse non aspetta altro ogni giorno.

глаза испытующе смотрели на меня, уголки рта были скорбно опущены вниз, как у человека, много повидавшего на своем веку, а губы словно хотели мне что-то сказать. Я замер от страха. Наполеон смотрел мне в глаза, подплывая все ближе. Он обогнул меня сбоку и медленно удалился, не оглядываясь, и я снова остался один в этой морской пустыне.

- Выходи, дальше пойдем пешком.

Страус следовал за мной, пока мог – до конца клетки. Он был выше меня.

-Отсюда не проехать, впереди строительные работы.

Каркас большого дома, окруженного горами чёрной земли. Мы поднялись по ступенькам.

- Старший хочет всё устроить на американский манер – внизу гостиная, а здесь спальни: дом из одной большой квартиры. С домом для младшего, к счастью, спешки нет, он еще в школе учится.

Мы поднялись ещё выше – туда, где должна быть мансарда. Крыша давила мне на голову, мы шли согнувшись, пока не увидели солнце, которое падало в море.

Я не умею строить планы на завтра, не умею заглядывать в будущее. Отец говорил: хочешь узнать, какая будет погода, – смотри за горизонт, за море, потому что погода, которая сейчас там, потом придёт к нам. И в детстве мне казалось, что именно так я смогу увидеть, что там впереди.

Я посмотрел вдаль. Последний луч света погас. Человек-скала, отдыхающий посреди моря, возможно, как и во все другие дни, только этого и ждал.

Франческо было семь лет, когда я поехал на Красное море, чтобы совершить

Francesco aveva sette anni quando andai a fare immersioni nel Mar Rosso. Ai suoi compagni aveva raccontato che avevo vinto un premio perché ero il migliore. Quando tornai li portò a casa e volevano sapere se avevo incontrato gli squali, quanto tempo so stare sott'acqua, se il mare lì è rosso davvero.

Glielo indicai sulla cartina e spiegai loro che di rosso c'è solo la cernia dei coralli, che è come i funghi velenosi, rossa con i punti bianchi. E Francesco guardava me e subito le facce sorprese dei compagni, dicendo *hai visto, hai visto, che t'ho detto?*

Poi c'è la barriera. La barriera è qualcosa che non si può raccontare né vedere, è una sensazione. Quando sei lì ti concentri su una piccola parte, trovi qualche strano essere e lo segui per vedere cosa fa, come vive. Se ora la penso vedo tutto sfocato, mi sembra di perdermi.

* * *

Le luci erano spente. Feci le scale e sapevo dove trovarla. Le presi la mano cercandola fra le lenzuola e mi sedetti accanto.

Le domeniche sono sempre le stesse.

Guardavo fuori dalla finestra. Le luci accese nelle case di fronte, le fronde degli alberi ondeggiavano. Rimasi lì zitto per non so quanto tempo, poi si mosse.

своё первое погружение. Он рассказывал друзьям, что я получил приз, потому что был лучшим. Когда я вернулся, он пригласил их к нам: они хотели узнать, сколько времени я провёл под водой, встретил ли акул и правда ли, что море там красное?

Я показал его на карте и объяснил им, что красные там только рыбки под названием «мероу», снующие среди кораллов: они похожи на мухоморы – красные с белыми точками. Франческо смотрел на меня и на удивлённые лица друзей, повторяя: «Видали, видали! Ну что я вам говорю?»

Еще есть риф. Описать его словами невозможно – надо взглянуть своими глазами. Незабываемые впечатления! Попадая туда, ты осматриваешься на месте, находишь какое-нибудь странное существо и следуешь за ним, чтобы увидеть, что оно делает и как живёт. Когда я думаю о рифе сейчас, передо мной все расплывается, мне кажется, что я заблудился.

* * *

Свет был выключен. Я поднялся наверх. Я знал, где её найти. Нашупав под простыней, взял ее руку.

Все воскресенья похожи одно на другое.

Я смотрел в окно. В домах напротив загорались огни, ветки деревьев качались. Не знаю, сколько часов я просидел в тишине, потому что потерял счет времени. Потом она пошевелилась.

Mi raccontò cosa aveva sognato. Il cane aveva un tumore – nel sogno avevamo un cane, era bianco – e bisognava capire a che punto era, cosa si poteva fare. C'era bisogno di esami approfonditi, ma nessun centro aveva le attrezzature adatte.

“È un cane, mi dicevano, è solo un cane, che ci vuoi fare? Io allora l'ho caricato in macchina e sono andata all'ospedale normale, quello degli uomini. Ho parlato con un'infermiera, sono andata al piano in cui facevano analisi, l'ho detto a tre medici e nessuno mi voleva aiutare. Poi all'ultimo che ho incontrato ho messo un mazzo di soldi in mano: mi ha ordinato di portarglielo chiuso in una scatola. Mugolava in ascensore, pareva che piangesse e io pregavo perché stesse in silenzio. Mi hanno fatto entrare veloce e quello lo metteva sul carrello. Il cane stava entrando in quel tubo per farsi la tac, poi mi sono svegliata.”

Le chiesi se voleva mangiare, rispose di no.

In cucina le finestre del balcone erano aperte. Le tende erano uscite tutte fuori, si gonfiavano fino a sfiorare le palme che salgono alte dal giardino, giravano a lato, ricadevano giù.

Volevo vedere immagini della barriera, aiutarmi a ricordare. Aspettai ancora un po', chiusi le finestre. Poi mi decisi a entrare nella stanza.

Andai dritto verso il computer, senza guardarmi intorno, non accesi neanche la luce. Mentre si avviava fissavo solo lo schermo. Quel bagliore nero illuminava la scrivania: un temperino, il portafoglio con la catena.

Она рассказала мне, что ей приснилось. У собаки была опухоль – во сне у нас была белая собака – и нужно было понять, далеко ли зашел процесс и что можно сделать. Требовалось серьезное обследование, но ни в одной ветеринарной клинике не было подходящего оборудования.

– Это собака, говорили они, это всего лишь собака, что мы можем сделать? Я отнесла её в машину и поехала в обычную больницу, для людей. Поговорив с медсестрой, поднялась на нужный этаж, поговорила с тремя врачами, но никто из них не хотел мне помочь. Последнему, который мне попался, я сунула деньги: он велел мне незаметно принести собаку в закрытой коробке. Она скулила в лифте – мне казалось, она плачет, и я молилась, чтобы она замолчала. Меня впустили в диагностическое отделение, и врач положил собаку на движущуюся платформу, а когда она въезжала в трубу томографа, я проснулась.

Я спросил у неё, хочет ли она есть, она ответила, что нет.

Окна кухонного балкона были открыты. Занавески вырвались наружу и, раздуваясь, почти касались высоких пальм в саду, закручивались спиралью и снова опадали вниз.

Я хотел представить, как выглядит риф, мне надо было сосредоточиться, чтобы вспомнить его. Я подождал еще немного и закрыл окна. Потом решил зайти в комнату.

Я направился к компьютеру, не глядя вокруг, не зажигая лампу. Пока он

Cercai Ras Mohammad su un motore di ricerca e arrivai su una pagina di notizie.

Ci avrebbero costruito un tunnel sottomarino di lì a un anno, realizzato da italiani. Sette metri sotto il livello del mare, lungo quaranta metri, con finestre di plexiglass per poter guardare la barriera. Ci si arriverà con un ascensore. Squillò il telefono.

Cercai intorno un orologio. Intravidi lo specchio, poi nella libreria una sveglia: le cinque.

“Non sapevo chi chiamare, scusa, scusatemi, vi ho svegliato? Domenico non è tornato, ho mandato Dario, ma non l’ha trovato.”

Dissi a Giovanni che saremmo andati con la mia, volevo guidare io. Girammo per il paese. I camionisti fermi al bar per la colazione, i lampioni ancora accesi, mancava poco che il cielo si schiarisse.

“Ilaria dormiva? Vi ho spaventati?”

Gli risposi che Ilaria ormai non fa caso a niente, quasi parlando con me solo. E Giovanni tornò a scusarsi.

“Non dovevo chiamare proprio voi. Mio cognato non c’è. Ma non avrei dovuto chiamare nessuno, perché di sicuro non è niente. Silvana non riusciva a calmarsi e ora sono agitato anch’io.”

Provammo ad andare alla casa nuova.

Gli struzzi erano svegli. Presi la torcia da sub nel cofano e chiamavamo forte Domenico.

Iniziò a pensare che fosse caduto dal primo piano perché non ci sono le recinzioni. Gli dissi che no, ché è un ragazzo intelligente. Intanto da su illu-

включался, я смотрел только на монитор. В его чёрном свечении прорисовался письменный стол – перочинный ножик, бумажник с цепочкой.

Отыскав Рас Мохаммед в поисковике, я перешёл на новостную страницу. Там сообщалось о подводном туннеле, который итальянцы должны были построить за год. Семь метров под уровнем моря, сорок метров в длину, с окнами из плексигласа, чтобы смотреть на риф. Туда можно будет добраться на лифте.

Зазвонил телефон.

Я попытался найти часы. Смутно различил зеркало, потом на книжной полке будильник – пять утра.

– Я не знал, кому позвонить, прости меня, простите оба, я вас разбудил? Доменико не вернулся, я послал Дарио, но он его не нашёл.

Я сказал Джованни, что мы поедем на моей машине, я хотел вести сам. Мы кружили по улицам. Большегрузные фуры стояли у баров – водители завтракали, уличные фонари ещё горели, оставалось совсем чуть-чуть до рассвета.

– Илария спала? Я вас напугал?

Я ответил ему, что Илария уже ни на что не реагирует и говорит почти только со мной. Джованни опять стал извиняться.

– Не нужно было вас беспокоить. Мой шурин пропал. Не думаю, что случилось что-то страшное. Не стоило поднимать из-за этого шум. Просто Сильвана никак не могла успокоиться, и я тоже встревожился.

Мы решили поехать в строящийся дом. Страусы проснулись. Я взял подводный фонарик из багажника, и мы стали громко звать Доменико.

minavamo la terra riportata ma niente. Gli animali erano agitati. Cercammo di capire dove poteva essere andato, con chi.

Lo portai alle Grotticelle. Camminavamo sulla spiaggia chiedendo ai ragazzi dei falò, nessuno lo conosceva. Finì la spiaggia, iniziarono le pietre, poi le rocce.

“Dove stiamo andando?”

Volevo arrivare fino alla grotta.

A un passo da lì, trovammo Domenico sdraiato su un telo, addormentato, abbracciato a una ragazza. Giovanni mi sorrise chiedendomi scusa, gli accarezzò il viso e Domenico aprì gli occhi spaventato. Mentre tornavamo, Giovanni se lo stringeva forte con un braccio intorno al collo.

“Con chi siete venuti?”

“Lei ha la patente.”

Giovanni lo prendeva in giro, perché ha la ragazza più grande. Dissi allora che sarei rimasto lì al mare, se li poteva accompagnare lei.

“Tutto a posto?”

Cercai di dire sì.

Il cielo era quasi chiaro. I ragazzi abbandonavano i falò. Chiesi una sigaretta a una bionda, avrà avuto quasi vent'anni anche lei.

“Tutto ok?” mi chiese mentre si allontanava.

Feci sì con la testa e mi tremavano le gambe.

Джованни предположил, что Доменико мог упасть со второго этажа, – там ведь нет ограждений. Я с ним не согласился, потому что Доменико – парень смелый и осторожный. Мы посветили сверху на выкопанную землю, но ничего не обнаружили. Животные беспокоились. Мы пытались понять, куда и с кем он мог пойти в этот час.

Я повёз Джованни к гроту. Идя по берегу, мы спросили парней у костра, не видел ли кто из них Доменико, но они его не знали. Пляж закончился, начались камни, потом скалы.

– Куда теперь?

Я собирался дойти до грота.

В одном шаге от него мы обнаружили Доменико, спящего в объятиях какой-то девушки.

Джованни виновато улыбнулся мне, как бы прося прощения, я успокоил его взглядом, и тут Доменико испуганно открыл глаза.

К машине Джованни шел с ним в обнимку.

– С кем вы приехали?

– У неё есть права!

Джованни подтрунивал над Доменико, говорил, что девушка, с которой он обнимался, старше его. Я сказал, что останусь на берегу, если она их отвезет.

– Всё в порядке?

Я попытался ответить «да».

Avrei voluto accanto Ilaria e mi sembrò di scorgerla. Era seduta su una sedia pieghevole di legno poco lontano, accarezzava il cane bianco del sogno. Si fece giorno e l'uomo del mare sembrava non aspettare altro. Francesco, da qualche parte sott'acqua, forse faceva ciao con la mano. E i mostri ci stavano a guardare, grigi, acquattati tra la vegetazione, pronti a scattare.

Уже почти рассвело. Парни потушили костер. Я попросил сигарету у одной блондинки – на вид ей тоже было около двадцати.

– Всё о-кей? – спросила она, уходя.

Я кивнул. У меня все еще тряслись колени.

Я бы хотел, чтобы рядом была Илария, мне даже почудилось, что я вижу её. Она сидела на складном деревянном стуле неподалёку от меня, глядя белую собаку из своего сна.

Начался день, и человек–скала, лежащий в море, казалось, не ждал ничего другого. Может быть, Франческо махал мне рукой откуда–нибудь из–под воды. А чудовища всё смотрели на меня – серые, притаившиеся в прибрежной зелени, готовые к прыжку.

Biografia

Andrea Paolo Massara (1985), figlio di emigranti italiani, ha vissuto l'infanzia in Svizzera e l'adolescenza in Calabria (Italia). Ha iniziato a scrivere al liceo, rispondendo con storie alle tracce dei compiti in classe. Fra i suoi racconti: *Sud* è uno dei testi vincitori di Subway 2010, stampato in 280mila copie e distribuito nelle stazioni metropolitane di Roma, Milano e Napoli; *Aeronautica* ha vinto il Premio Culture Express della Fondazione Eni Enrico Mattei per un racconto sul tema del viaggio; *Giganti* è stato pubblicato nella raccolta di autori vari *Lontano dal Cuore* (Terre di Mezzo Editore). Da tale racconto è stato tratto anche un omonimo cortometraggio vincitore del 25° Torino Film Festival e in concorso alla 58ª Berlinale Shorts. Attualmente vive a Roma, dove si è diplomato in Sceneggiatura al Centro Sperimentale di Cinematografia, e sta ultimando la sua prima raccolta di racconti.

Биография

Андреа Паоло Массара (1985), сын итальянских иммигрантов, провел свое детство в Швейцарии, а подростковые годы – в Калабрии (Италия). Начал писать в старших классах, выполняя домашние задания в виде рассказов. Победитель премии «Culture Express» Фонда Эни Энрико Маттеи. Рассказ «Гиганты» был опубликован в альманахе «Далеко от сердца», по которому снят одноименный короткометражный фильм, ставший победителем 25-го Международного кинофестиваля в г. Турине и участвовавший в конкурсе короткометражных фильмов 58-го Международного кинофестиваля «Берлинале» (Berlinale Shorts).

Андреа Паоло Массара живет в Риме, имеет диплом сценарного факультета Экспериментального центра кинематографии. В данный момент заканчивает работу над своим первым сборником рассказов.

Nota critica

L'ospedale degli uomini di Andrea Paolo Massara ci parla di un mondo in cui le cose e le creature – umane o animali che siano – appaiono per un attimo e poi scompaiono. E quando scompaiono lo fanno per riapparire subito dopo in un altro luogo. Accade per il pesce Napoleone, accade al ragazzo Domenico, così come accade ai “mostri grigi” di cemento armato che deturpano la costa: “E i mostri ci stavano a guardare, grigi, acquattati tra la vegetazione, pronti a scattare”. Forse queste apparizioni sono l’incubo di un sogno, come “l’ospedale degli uomini” dove ricoverare il cane bianco di Ilaria per una cura che lo salvi dalla sparizione... Dal racconto si levano creature leggerissime e quasi sempre sospese nello spazio. Il loro movimento porta nella narrazione rapide accensioni, lievi annodamenti, spume da liberare nel nostro sguardo. Il loro movimento ci induce a meditare sul valore della vita che occupa la scena del mondo: una vita che nel suo veloce fluire dà corpo a una danza umbratile in cui ogni creatura viene esaltata nella sua singolarità, tanto che – per la sua collocazione distaccata rispetto agli elementi circostanti – prende accentuazioni specifiche: non convive con il fondo, con il paesaggio, ma vi è sovrapposta, gode del primo piano; esattamente come il cane bianco del sogno di Ilaria.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Рассказ «Больница для людей» Андреа Паоло Массары повествует о мире, в котором вещи и существа – человеческие или животные – появляются на мгновение и потом исчезают, чтобы сразу же возникнуть в другом месте. Это происходит с рыбой, которую зовут Наполеоном и парнем по имени Доменико так же, как и с «серыми чудовищами» из железобетона, которые уродуют побережье: «А чудовища всё смотрели на меня – серые, притаившиеся в прибрежной зелени, готовые к прыжку». Возможно, эти образы – сродни кошмару из сна Иларио о «больнице для людей», где обследуют белую собаку, чтобы спасти ее от исчезновения... Смена образов, всплывающих и рассеивающихся в пространстве рассказа, вносит в него динамику внезапных озарений, всплеск памяти, придавая всему повествованию свободу и легкость. Он побуждает нас размышлять о цене жизни, развертывающейся на мировой сцене, – жизни, которая в своём быстром течении представляет собой один лишь таинственный танец, в котором каждое живое существо выделяется своей уникальностью и занимает особое место, не пересекающееся с пространством, в котором обитают другие. Автор делает особый акцент на том, что созданные им образы не вписаны в картину окружающего мира, в его пейзажи, а словно бы наложены на них, выступают на крупный план, как белая собака из сна Иларио.

Флавио Эрмини

Paolo Valentino

Traduzione in russo di Anastasia Golubtsova

Паоло Валентино

Перевод Анастасии Голубцовой

LA NOTTE DI VERA PIERGIGLI

Era stata una notte di sesso a inchiodare Vera Piergigli. Lo seppi dalla portinaia: fu una delle prime cose che mi raccontò non appena ebbe l'occasione di attaccare bottone con me – per spiegarmi il regolamento del condominio, o forse perché, colto da un feroce mal di testa tra un mozzicone di trasloco e l'altro, le chiesi dove si trovava la farmacia più vicina.

Vera Piergigli, settantanove anni, per una vita maestra di scuola elementare, era un'istituzione del quartiere. O almeno lo era stata fino a qualche anno prima, quando molti dei figli della sua generazione, magari un tempo suoi alunni, avevano lasciato la città per prenotarsi uno spazio nella provincia delle palazzine a tre piani, delle aree verdi attrezzate e dei passanti ferroviari.

Impeccabile nel suo stile – acconciatura argentata, gonna fin sotto il ginocchio e, a seconda delle stagioni, dolcevita colorato o camicia di cotone –, Vera Piergigli, ormai in pensione da anni, usciva ogni mattina per il suo solito giro: biblioteca comunale, supermarket e, tempo permettendo, passeggiata nel parco. Molti i conoscenti: per lo più ex colleghi o appassionati di lettura incontrati al club del libro del sabato pomeriggio.

La portinaia teneva addirittura con sé, sempre a portata di mano, alcuni ritagli di giornale. E i titoli parlavano chiaro: “Affittava stanza per festini a base di sesso e cocaina”, “Ex maestra in pensione, albergatrice del sesso”, e così via. Ovviamente la ragazza dell'agenzia immobiliare non mi aveva minimamente fatto cenno alla questione. Non sarebbe stato un deterrente in ogni caso: la casa mi piaceva, mi aveva convinto al primo

НОЧЬ ВЕРЫ ПЬЕРДЖИЛЬИ

Веру Пьерджильи доконала бурная ночь любви. Я узнал обо всем от болтливой консьержки, и это было едва ли не первое, что она мне рассказала, когда бросилась объяснять правила проживания в кондоминиуме, воспользовавшись тем, что я спросил у нее, где находится ближайшая аптека: при переезде, между одной ездой и другой, у меня страшно заболела голова. Значительную часть своей семидесятилетней жизни Вера Пьерджильи проработала учительницей начальной школы и была знаменитостью квартала. Или, по крайней мере, оставалась таковой до тех пор, пока многие дети ее ровесниц (возможно, бывшие ее ученики) не переехали в провинциальные городки с невысокими домами, благоустроенными парками и проходящими поездами.

Безупречно одетая и причесанная – аккуратно уложенные седые волосы, юбка до колена и, в зависимости от времени года, яркая водолазка или хлопковая блузка – Вера Пьерджильи, уже много лет как пенсионерка, каждое утро выходила пройтись по своему обычному маршруту: городская библиотека, супермаркет и, если позволит погода, прогулка в парке. В числе ее знакомых, а их у нее немало, – в основном, бывшие коллеги или любители литературы, с которыми она встречалась каждую субботу по вечерам в книжном клубе. У консьержки оказалось несколько газетных вырезок, она специально держала их под рукой. Заголовки не оставляли никаких сомнений: “Секс и кокаин. Женщина предоставляла квартиру для оргий”, “Учительница на пенсии

istante, e se la sua vecchia proprietaria era stata una sorta di imprenditrice del sesso a me poco importava. Ora era casa mia.

Aveva un ampio ingresso in cui avevo sistemato per il momento molti scatoloni ancora da svuotare, un salone con cucina a vista e un piccolo balcone che dava sui garage e il cortile interno, una toilette di ordinaria amministrazione e la mia stanza, con letto a due piazze, scrivania e un enorme armadio a muro. E poi c'era il solaio.

“Ci sarà da svuotarlo, ma non si preoccupi, lo farò al più presto” mi aveva assicurato la proprietaria – la nipote di Vera Piergigli, collegai ben presto.

Così quando mia madre pensò di radunare, e soprattutto di portarmi senza preavviso, alcune *mie* vecchie cose che *da troppo tempo* occupavano la *sua* cantina – la tenda da campeggio, due trolley, la cyclette, comprata e quasi mai pedalata, e qualche decina di collezioni di fumetti – maledissi la nipote di Vera Piergigli e mi decisi a ritagliarmi con le mie mani un po' di spazio in quel solaio. “Se ricordo bene,” pensai “non era poi così pieno.”

Ammonticchiai tutto alla meglio nell'ingresso e uscii sul pianerottolo. Meta, l'ultimo piano. Ed eccoli là, i solai: porzioni di sottotetto ognuna con la sua porta in legno, numerata e chiusa da un lucchetto mezzo arrugginito. Il caldo non si sopportava, complice uno dei mesi di luglio più caldi degli ultimi cinquant'anni, come non si stancavano di ripetere da giorni i notiziari. Aprii il mio, il numero venti, ed entrai.

Non c'era molto in effetti, e subito tirai un sospiro di sollievo. Così cominciai a sistemare qualche scatolone uno sopra l'altro: scatoloni molto pesanti, pieni di libri, pensai. E la curiosità ebbe la meglio. “Potrei trovare qualche chicca da antiquariato,” pensai “magari da rivendere su Internet.” Aprii uno scatolone a caso: Piero Chiara, Fruttero & Lucentini, Giorgio Bassani, i soliti Hesse, Steinbeck, Marquez... tutti in versione eco-

– владелица притона”, и так далее. Естественно, в агентстве недвижимости мне не сказали об этом ни слова. Но меня бы это в любом случае не остановило: квартира мне понравилась, я с первой минуты почувствовал себя в ней как дома, и даже если ее бывшая владелица действительно зарабатывала на жизнь таким неблагоприятным способом, мне на это было наплевать. Теперь это была моя квартира.

Она состояла из просторной прихожей, где я пока составил многочисленные коробки, которые еще нужно было разобрать, гостиной, кухни и балкончика, выходящего на гараж и внутренний двор, самого обычного туалета и моей комнаты с двуспальной кроватью, письменным столом и огромным встроенным шкафом. А еще там был чердак. “Его нужно будет освободить, но вы не волнуйтесь, я займусь этим в самое ближайшее время”, – заверила меня хозяйка квартиры – племянница Веры Пьерджильи, как я узнал.

Так что когда моя мама решила собрать, а главное, привезти мне без предупреждения кое-какие из **моих** старых вещей, которые **слишком долго** занимали **ее** подвал, – походную палатку, два чемодана на колесах, велотренажер, который я купил и которым почти не пользовался, и сборники комиксов в невероятном количестве, – я послал к черту племянницу Веры Пьерджильи и решил самостоятельно расчистить для себя немного места на чердаке. “Вроде бы, – подумал я, – не такой уж он и захламленный”. Я кое-как свалил «мамин подарок» в кучу в прихожей и вышел на лестничную площадку. Теперь вверх, на последний этаж. И вот он, чердак, разделенный перегородками на секции, каждая со своей деревянной дверью, пронумерованная и запертая на ржавый висячий замок. Внутри нестерпимая жара, подходящая едва ли не

nomica. Insomma, delle prime edizioni che speravo di trovare neppure l'ombra. Scelsi un altro scatolone: foto. E questo già mi diede più soddisfazione. Niente che mi avrebbe aiutato nelle spese, certo, ma almeno qualcosa di interessante, unico.

Vera Piergigli era stata una bambina molto bella, la classica "bella bambina", coi capelli chiari raccolti in una treccia, il vestito lindo e tutto il resto, e viveva in una villa a due piani con un piccolo giardino davanti e addirittura una casetta sull'albero. Erano quattro in famiglia: il padre, un uomo alto almeno un metro e ottantacinque, con la barba, i baffi e un'aria dolce negli occhi; la madre, una donna dimessa, coi capelli scuri tirati indietro in una crocchia; lei, Vera; e una bambina poco più giovane di lei con un'espressione di sfida impressa sul volto. In un altro album, Vera Piergigli era alle prese con la sua adolescenza: sempre longilinea, elegante e con uno sguardo fiero diretto verso l'obiettivo. Poi venivano tutte le foto di classe: decine, forse addirittura centinaia, con la maestra Piergigli ai lati dell'inquadratura e tre quattro file di bambini in posa, con il grembiule nero, chi sorridente chi con la testa rivolta da un'altra parte. Ancora, l'album con le foto della famiglia – le nipoti, forse –, un album parecchio scarno se confrontato con i precedenti. E infine c'era una busta visibilmente più recente. Quando la aprii, per un momento rimasi senza fiato.

Viados. Sì, Vera Piergigli nella sua casa – la mia, ora – in compagnia di un gruppetto di viados. Loro al tavolo, con davanti qualche tazza e una scatola di biscotti aperta. O ancora lei in posa sorridente con un imponente transessuale, forse brasiliano, alla sua destra e un altro, non ben definibile visti gli evidenti ritocchi chirurgici che avevano devastato il suo volto, alla sua sinistra.

Era tutto vero, allora. Vera Piergigli era una sorta di maîtresse che ospitava nel proprio appartamento prostitute coi propri clienti. Presi un altro scatolone e lo aprii, questa

самому знойному июлю за последние пятьдесят лет, как уже много дней без усталости твердили в новостях. Я открыл свою секцию, под номером двадцать, и вошел.

Вещей там действительно было не так уж много. Я с облегчением вздохнул и принялся за коробки, ставя их, одну на другую: очень тяжелые коробки, видимо, с книгами, предположил я. И тут любопытство взяло свое. “А вдруг там найдется что-нибудь антикварное, – подумалось мне. – Может, удастся продать через Интернет”. Я наугад открыл одну из коробок: Пьеро Кьяра, Фруттеро и Лучентини, Джорджо Бассани, неизменные Гессе, Стейнбек, Маркес... все в дешевом издании. В общем, ни следа раритетных томов, которые я надеялся обнаружить. Я открыл другую коробку: фотографии. И вот это было уже гораздо приятнее. Конечно, денег на них не заработаешь, но, по крайней мере, это уже что-то интересное, необычное.

Вера Пьерджильи в детстве была очень милой девочкой, классическая “хорошенькая девочка” (светлые волосы, заплетенные в косу, опрятное платьице и все прочее), она жила в двухэтажном особняке с небольшим садиком и даже с домиком на дереве. В семье их было четверо: отец, высокий мужчина, ростом не ниже метра восьмидесяти, с бородой, усами и теплым взглядом; мать, кроткая женщина с темными волосами, забранными в хвост; сама Вера и девочка чуть младше нее, с дерзким выражением лица. В другом альбоме Вера Пьерджильи вступающая в подростковый возраст: уже тогда высокая, стройная, гордо устремившая взгляд в объектив. Далее следовали десятки, если не сотни школьных фотографий: учительница Пьерджильи сбоку и три-четыре ряда детей в черных передниках – кто улыбается, кто отвернулся

volta con tutta la foga della curiosità. Ne estrassi un vestito e, per un momento, rimasi un po' deluso. Poi tirai fuori un altro capo, un top tutto ricoperto di paillettes, e quindi una voluminosa parrucca biondo platino. "Questa poi..." mi venne da sussurrare ad alta voce. Che anche Vera si dedicasse al sesso a pagamento?

"C'è un sacco di cianfrusaglia in questo solaio, vero?" Una voce mi sorprese all'improvviso. Una voce inconfondibile. Mi girai e la portinaia era lì, con i guanti bianchi, gli zoccoli, e uno spazzolone tra le mani. Un mezzo sorriso, come di chi la sa lunga, le solcava la faccia da un lato all'altro. "Quando la nipote ereditò la casa, poco dopo il fattaccio, non volle saperne niente delle cose della zia, e mi chiese di sistemare, momentaneamente, tutto dentro il solaio. Mi pagò anche bene."

"Poco dopo il fattaccio?" chiesi, ma già avevo capito.

"Sì, il cuore della signora non resse il colpo della vergogna, e morì da lì a poco" confermò la portinaia sfoderando ancora il sorrisino di prima, ora misto a un po' di commiserazione e disprezzo.

"Ma possibile che non ci sia un'altra spiegazione? Insomma, una donna di quella età, così austera..." feci io. Mi dava fastidio che si parlasse di Vera Piergigli così. Per un momento pensai a lei come a una mia vecchia nonna che mi aveva lasciato in eredità la sua casa di città.

"Mah... Si riesce a fare di tutto se si ha bisogno di un po' di soldi, secondo me." Detto questo, la portinaia riprese il suo spazzolone e, con un cenno della mano e un altro sorrisetto, scomparve alla mia vista.

Eppure quella storia dei soldi non mi convinceva del tutto. Per patetico che potesse essere, mi immaginai Vera Piergigli – abbandonata dai resti della sua famiglia, con gli amici e gli ex colleghi che, uno dopo l'altro, facevano il proprio ingresso al camposanto

в сторону. Еще альбом, с семейными фотографиями, видимо племянники, – совсем тоненький по сравнению с предыдущими. И, наконец, конверт, выглядевший гораздо новее, чем альбомы. Когда я его открыл, у меня на мгновение перехватило дух.

Трансвеститы. Да, Вера Пьерджильи в своем доме – точнее, теперь уже моем – в компании нескольких трансвеститов. Они сидят за столом, на столе чашки и несколько открытых пачек печенья. А вот в кадре снова она, улыбается, справа от нее внушительного вида транссексуал, вероятно, бразилец, слева – еще один, со следами пластических операций, обезобразивших его лицо. Значит, все это правда. Вера Пьерджильи была чем-то вроде бандерши – принимала в своей квартире проституток и их клиентов. Я выбрал другую коробку и открыл ее, на этот раз в порыве настоящего любопытства, достал оттуда какое-то платье и на мгновение ощутил укол разочарования. Затем мне попало кое-что другое – топ, усыпанный блестками, потом пышный парик платинового цвета. «Так она еще и...» – пробормотал я вслух. Неужели Вера и сама отдавалась за деньги?

– На этом чердаке полно всякого хлама, правда? – Голос застал меня врасплох. Узнаваемый голос. Я обернулся – это была консьержка, в белых перчатках, сабо и со шваброй в руках. Ее лицо пересекала загадочная, хитрая полуулыбка. – Когда племянница получила в наследство квартиру, сразу после той истории, она и слышать ничего не желала о тетушкиных вещах, вот и попросила меня немедленно убрать все на чердак. И, кстати, неплохо заплатила.

– После той истории? – спросил я, хотя уже обо всем догадался.

– scendere una sera sul tardi a buttare la spazzatura ed essere colta dall'improvvisa voglia di fare una passeggiata nel quartiere. La mia zona è famosa per i viados. Il traffico notturno di automobili, paradossalmente, è più intenso di quello degli orari di punta. E così avvenne l'incontro. È così importante, doveva aver pensato Vera, se a parlarci è la commessa di un negozio, la portinaia del palazzo o un viados in bikini e pellicciotto in una delle prime sere davvero fredde di novembre? Da lì, era nato tutto: io ti racconto la mia vita, tu mi racconti la tua, diventiamo amiche, io ho bisogno di un favore, che male ci sarà?, puoi salire in casa mia questa sera, io mi metterò zitta zitta nell'altra stanza e non mi farò sentire, poi domani e domani l'altro ancora. Non mi sembrava così assurdo dopotutto...

Ma se dovevo attenermi alla realtà dei ritagli di giornale che la portinaia mi aveva mostrato, Vera Piergigli aveva in casa una cassaforte con migliaia di euro e i dolcevita che teneva nell'armadio erano stati acquistati nelle migliori boutique del centro. Per non parlare dei gioielli: anelli, collane, orecchini. Tutti di valore. O dei tappeti tibetani abbinati alle tende del salotto. O ancora dei pezzi d'antiquariato con cui aveva rivoluzionato l'aspetto del suo bilocale. Chissà che fine aveva fatto tutto questo? Nel solaio polveroso in cui mi trovavo, ne era scomparsa ogni traccia.

Così ripresi il mio lavoro con gli scatoloni. Per un momento ancora immaginai, sperai, di scovare un baule con dentro quaderni fitti di parole scritte a penna: racconti, storie d'amore, o addirittura fantasie erotiche che Vera aveva scritto chiacchierando di uomini e pratiche sessuali insieme ai suoi amici viados, davanti a una tazza di tè e sgranocchiando qualche biscotto secco. Ma non trovai nulla di tutto ciò negli scatoloni rimasti. Alla fine ne tirai fuori uno particolarmente pesante da sotto uno scaffale. Ed ecco comparire davanti ai miei occhi quello che stavo cercando quando

– Да, ее сердце не выдержало такого позора, и вскоре она умерла – подтвердила консьержка все с той же полуулыбкой, к которой теперь примешивалось легкое сочувствие и презрение.

– Но неужели всему этому нет другого объяснения? Надо же, женщина ее возраста, такая строгая..., – произнес я. Мне было неприятно слышать подобное о Вере Пьерджильи. На мгновение я подумал о ней как о своей старой бабушке, оставившей мне в наследство свою городскую квартиру.

– Ну... По-моему, на все что угодно можно решиться, если нужны деньги.

С этими словами консьержка взяла свою швабру и, махнув рукой, с той же улыбкой ушла.

Должен сказать, что аргумент с деньгами меня совершенно не убедил. Понимая всю неуместность патетики, я, тем не менее, представил, как Вера Пьерджильи – когда все оставшиеся родственники покинули ее, а друзья и бывшие коллеги один за другим отправлялись в мир иной – однажды поздно вечером вышла выбросить мусор, и вдруг ей захотелось прогуляться. Этот район славится своими трансвеститами. Машин здесь ночью, как ни странно, больше, чем в час пик. Вот так и произошла эта встреча. Вера, должно быть, подумала: какая разница, с кем поговорить в один из первых по-настоящему холодных ноябрьских вечеров – с продавщицей в магазине, с консьержкой в подъезде или с трансвеститом в бикини и куцей шубке? С этого все и началось: я рассказала тебе о своей жизни, ты мне – о своей, мы подружились, можно попросить тебя кое о чем?, что в этом плохого?, сегодня вечером можешь придти ко мне, я буду тихонько сидеть в другой комнате, ничем не помешаю, а потом еще раз и еще. В конце концов, это не казалось мне таким уж нелепым...

avevo deciso di frugare tra le cose di Vera Piergigli. Più o meno. Erano libri di poesia, prime edizioni di autori alle prime esperienze negli anni Cinquanta e Sessanta e oggi tutti morti o con almeno un piede nella fossa. Alcuni erano addirittura firmati dagli autori, con dedica: “A Vera, amante della poesia e della bellezza”. Di certo non sarei diventato ricco con questi, pensai. Probabilmente li avrei addirittura conservati per farne sfoggio nella mia libreria nuova ma, all’occorrenza, ne avrei ricavato abbastanza per pagarci qualche bolletta. Soddisfatto, richiusi lo scatolone e me lo portai giù per le scale fino al mio appartamento, dove lo accatastai insieme a tutti gli altri a un passo dalla porta d’ingresso.

Но если верить газетным вырезкам, которые показала мне консьержка, Вера Пьерджильи держала у себя дома в сейфе несколько тысяч евро, а водолазки в ее шкафу были куплены в лучших фирменных магазинах в центре города. Не говоря уже об украшениях: кольца, цепочки, серьги, все очень дорогое. И о тибетских коврах, подобранных в тон к портьерам в гостиной. И об антиквариате, преобразившем облик ее двухкомнатной квартиры. Кто знает, куда все это делось? На пыльном чердаке, где я сидел, не было и намека на подобные сокровища.

Итак, я продолжил разбирать коробки. Еще некоторое время я с надеждой представлял себе, как нахожу сундук с тетрадями, сплошь исписанными: рассказы, романтические истории или даже эротические фантазии, которые Вера записывала, сидя со своими друзьями-трансвеститами за чашкой чая, хрустя печеньем и болтая о мужчинах и любовных играх. Но в оставшихся коробках ничего подобного не было. Наконец я вытащил из-под шкафа последнюю коробку, особенно тяжелую. И перед моими глазами предстало то, ради чего я и решил покопаться в вещах Веры Пьерджильи. Неплохо. Это были книги стихов, первые издания поэтов, которые начинали в пятидесятые-шестидесятые годы, а теперь уже либо умерли, либо стояли одной ногой в могиле. Некоторые книги были даже с автографами: «Вере, поклоннице поэзии и красоты». Конечно, на этом не разбогатеешь, подумал я. Может, оставлю их себе, и они займут достойное место в новом книжном шкафу, а в случае чего смогу выручить за них достаточно, чтобы оплатить счета за свет и за телефон. Довольный, я закрыл коробку, перенес ее вниз, теперь уже в свою квартиру, и поставил вместе с остальными рядом с входной дверью.

Biografia

Paolo Valentino è nato nel 1982 a Rho (Milano). Nel 2008 ha vinto il primo premio nella sezione poesia del concorso letterario “InediTO - Città di Chieri” con la silloge *L'orologio sul cantiere - Un passaggio per Rho-Fiera*, e l'anno successivo ha pubblicato la plaquette *Prospettive* (Cierre Grafica - Anterem) e il volume *Il ragazzo che scompare* (Le Voci della Luna). Lavora nell'editoria e vive a Milano.

Биография

Паоло Валентино родился в 1982 году в городе Ро (провинция Милана). В 2008 году получил свою первую премию, победив на конкурсе литераторов «IneditO – Città di Chieri» в номинации поэзия за антологию «L'orologio sul cantiere – Un passaggio per Rho-Fiera», а в следующем году опубликовал брошюру «Prospettive» (Cierre Grafica – Anterem) и книгу «Il ragazzo che scompare (Le Voci della Luna)». Проживает в Милане, работает в издательстве.

Nota critica

La notte di Vera Piergigli di Paolo Valentino ci segnala che niente è come appare. Alcuni indizi sembrano provare che un'anziana e stimatissima maestra in pensione, da poco deceduta, negli ultimi anni della sua vita fosse diventata una maîtresse che ospitava nel proprio appartamento prostitute con i loro clienti. Ma non può essere anche questa un'apparenza? Tutti quei libri di poesia trovati in uno scatolone nel solaio dopo la sua morte (uno con la dedica: "A Vera, amante della poesia e della bellezza") attesterebbero il contrario... *La notte di Vera Piergigli* ci mostra come della nostra vita non restino alla fine che poche testimonianze, fatte di illazioni e di scatole colme di oggetti. Ma né quelle né queste ci possono rappresentare. Nulla ci rappresenta pienamente sembra dirci Paolo Valentino. Il reale continua a vivere nelle cose che lasciamo? E in quale misura? Queste cose, questi oggetti chiamano in causa la memoria e i suoi luoghi. Vale la pena di domandarsi, come sembra chiedersi il protagonista del racconto: cosa resta di una persona quando i riferimenti nominali sono stati rimossi o indeboliti? Forse ce lo dice quella dedica: "A Vera, amante della poesia e della bellezza". Una dedica dove va posta attenzione a quel nome: Vera. Perché è forse in questa dedica la "vera" Piergigli. Insomma: l'aggancio alla persona viene meno, sì, alla sua morte, ma continua a sussistere sotto altra apparenza. Qual è quella "vera"? Il grande mantello delle cose occulta il corpo radioso dell'essere e insieme copre le paure che lo aggrediscono. Alcuni dettagli in questa storia (piccoli reperti, rimanenze dell'inservibile) registrano di tale occultamento le più lontane movenze: dai segni impalpabili dell'ironia agli oscuri percorsi del dramma, dell'ineluttabile. Spogliare dal grande mantello delle cose l'immagine primaria, quella della "vera" Piergigli, è il compito che il narratore affida, con un finale aperto, a noi lettori.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

«Ночь Веры Пьерджильи» Паоло Валентино показывает, что нет в мире ничего, что соответствует истинному образу. И как доказательство этого, персонаж пожилой и уважаемой всеми учительницы на пенсии. После ее смерти становится известно, что в последние годы своей жизни она сдавала квартиру проституткам с клиентами. Может быть, и это только видимость? Книжки, которые были найдены в сундуке у нее на чердаке, может быть, могли бы доказать обратное (одна была с дарственной надписью: «Вере, которая любит поэзию и красоту»). «Ночь Веры Пьерджильи» доказывает, что в конечном итоге из нашей жизни останутся только свидетельства, основанные на ошибках, ложных выводах, на вещах, которыми были наполнены сундуки. Но ни то, ни другое не говорит, какие мы на самом деле. И ничто не может рассказать о нас, какие мы на самом деле, пытается сказать нам Паоло Валентино. Все эти вещи вызывают у нас разные ассоциации. Нужно задавать себе вопросы, такие как задает себе герой рассказа: что остается от человека, если убрать его имя. Может быть, то посвящение: «Вере, которая любит поэзию и красоту» ответит нам лучше на этот вопрос. Надо обратить внимание на имя, которое указано в посвящении: «Вера». Может быть, в этом посвящении выражена суть истинной Веры Пьерджильи. Итак, после своей смерти человек не исчезает, а остается с нами в другой сущности. Какая «Вера» настоящая? Материальные вещи помогают укрыть нашу светлую душу и ограждают от опасностей. Некоторые детали этого рассказа (маленькие, незначительные находки) доказывают, что такое укрытие имело место: от трудно уловимой иронии до наступающей драмы. Снять покров материальных вещей с сущности человека, с истинной Веры Пьерджильи, вот какую задачу ставит перед читателем автор, и мы сами должны придумать финал этой истории.

Флавио Эрмини

Giovani traduttori russi

Daria Belokrylova è nata il 9 giugno del 1991 a Mosca. Studentessa dell'Istituto Letterario A.M. Gorky, facoltà di Traduzione letteraria dalla lingua italiana, presieduta da Evgenij Solonovič. Nel libro *Guinness letterario* della Federazione Russa di Sergej Čupurin è nominata come la più giovane poetessa, vincitrice di vari premi letterari: il 1° Concorso Nazionale di giovani poeti “Nuovi nomi della Russia”; il 7° Concorso di Mosca di creazione letteraria giovanile “Parola Magica”. A seguito dei risultati di questo concorso è stata nominata membro candidato dell'Unione dei Traduttori della Federazione Russa. Poesie e traduzioni dall'inglese, dall'italiano e dal francese sono pubblicate negli almanacchi *Nuovi nomi di Mosca*, *Nuovi nomi della Russia* e altri.

Anastasia Golubtsova è nata il 26 ottobre del 1987 nella città di Severodvinsk. Nel 2010 si laurea alla facoltà di Traduzione dell'Università Statale Linguistica di Mosca. Abita a Mosca e sta studiando presso l'Istituto Letterario A.M. Gorky, dove segue il dottorato nell'Istituto della Letteratura Mondiale presso l'Accademia Scientifica della Federazione Russa. I suoi interessi includono la letteratura italiana in generale e la traduzione di letteratura per l'infanzia, libri e articoli di tematica umanitaria.

Молодые российские переводчики

Дарья Белокрылова родилась 9 июня 1991 года в Москве. Студентка факультета художественного перевода с итальянского языка Литературного института имени А.М. Горького в семинаре Евгения Михайловича Солоновича. Названа самым юным поэтом, когда-либо побеждавшим в литературных конкурсах в книге «Русский литературный Гиннесс» (автор Сергей Чупринин). Побеждала в ряде конкурсов: – Первый Всероссийский конкурс юных поэтов «Новые Имена России»; – Седьмой Московский открытый конкурс детско-юношеского литературного творчества «Волшебное слово». По результатам этого конкурса принята кандидатом в члены Союза переводчиков России. Стихи, переводы (с английского, итальянского и французского) и статьи Дарьи Белокрыловой публиковались в сборниках «Новые имена Москвы», «Новые имена России» и других изданиях.

Анастасия Голубцова родилась 26 октября 1987 года в г. Северодвинске. В 2010 году окончила переводческий факультет Московского государственного лингвистического университета. Живет в Москве, получает второе образование в Литературном институте им. А. М. Горького, является аспирантом Института мировой литературы РАН. К числу ее интересов относятся итальянская литература в целом и переводы детской литературы, а также книг и статей гуманитарной тематики.

Marina Kozlova è nata il 15 ottobre del 1990 nella città di Baltijsk. Dal 1991 abita nella città di Korolev della regione di Mosca. Studentessa dell'Istituto Letterario A.M. Gorky, facoltà di Traduzione letteraria dalla lingua italiana. È appassionata della lingua, della cultura e della letteratura italiane.

Olga Pozdneeva, nata nel 1989 a Mosca, è studentessa del terzo anno dell'Istituto Letterario A.M. Gorky, facoltà di Traduzione letteraria dalla lingua italiana. È appassionata di letteratura russa e straniera, musica, cinema, lingue straniere e cultura europea.

Maria Sudilovskaja è nata nel 1990 a Mosca. È studentessa del terzo anno all'Istituto Letterario A.M. Gorky, facoltà di Traduzione letteraria dalla lingua italiana, presieduta da Evgenij Solonovič. Essendo affascinata dall'Italia, ha l'obiettivo di proseguire la conoscenza e la frequentazione di questo paese e delle persone che lo abitano.

Марина Козлова родилась 15 октября 1990 года в г. Балтийске. С 1991 года проживает в г. Королеве Московской области. Студентка Литературного Института им. А.М. Горького на отделении художественного перевода. Увлекается итальянским языком, культурой и литературой Италии.

Ольга Позднеева родилась в 1989 году в Москве. Студентка третьего курса Литературного института им. А.М. Горького, семинар художественного перевода (итальянский язык). Увлекается русской и зарубежной литературой, музыкой, кино, иностранными языками и европейской культурой.

Мария Судиловская родилась в 1990 году в Москве, студентка третьего курса факультета художественного перевода с итальянского языка Литературного института имени А.М. Горького в семинаре Евгения Михайловича Солоновича. Сильно увлекается Италией и ставит своей целью продолжить знакомство и общение с этой страной и людьми.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Людмила Еремеева	Liudmila Eremeeva
Сергей Кубрин	Sergej Kubrin
Анна Остроухова	Anna Ostrouhova
Анна Ремез	Anna Remez
Булгун Чимидова	Bulgun Čimidova

Людмила Еремеева

Перевод на итальянский Франчески Лаццарин

Liudmila Eremeeva

Traduzione in italiano di Francesca Lazzarin

СЛЕЗЫ ВЕРЫ

По мокрым и талым сугробам в этот южный приморский городок весна подкралась незаметно. В старой большой квартире, похожей на подвал, так пусто и холодно, что иногда Вере кажется, что все вокруг нее пахнет мертвой сырой землей.

Каждый день Вера ждет гостей. Когда она слышит на лестнице крепкий молодой шаг, она спешит к двери, переваливаясь на неуклюжих ногах, прохудившихся восемью десятками лет жизни.

Но это снова соседская девчонка, живущая сверху, с долговязым кавалером под руку.

– Вы меня заливааете! Весь потолок протек! Тазики носить не успеваю, – в слезах и отчаянии кричит Вера.

Кавалер дрожит от недоумения, тянет девчонку наверх, чтобы проверить трубы и краны, но девчонка смеется.

– Кого ты слушаешь? Она же сумасшедшая, не видишь?! Мы уже семь лет здесь живем и каждый день ее заливаем! Все ждет кого-то, дура ненормальная!

И девчонка тянет за податливое плечо парня на улицу, навстречу первому неокрепшему дурману весны. Усталая Вера захлопывает дверь, прячась от колкого сквозняка в квартире.

Помнит Вера, как в этот же дом когда-то к ней, тогда еще тоненькой осанистой Вере, приходили такие же неуклюжие долговязые кавалеры.

LE LACRIME DI VERA

Sfiorando i mucchi di neve umida e quasi sciolta, la primavera è arrivata in punta di piedi, senza dare nell'occhio, in questa piccola città costiera del Sud. Il vecchio, ampio appartamento simile a uno scantinato è così vuoto e freddo che, a volte, Vera ha l'impressione che intorno a lei aleggi un sentore di terra umida e morta. Ogni giorno Vera aspetta degli ospiti. Quando sente per le scale un rumore di passi giovani e vigorosi corre alla porta, barcollando sulle gambe incerte, smagrite da otto decenni di vita.

Ma è di nuovo la vicina, quella ragazza che vive al piano di sopra, con un giovanotto allampanato sottobraccio.

– Mi state inondando la casa! Il soffitto è tutto impregnato! Non faccio in tempo a portarci sotto le bacinelle! – grida Vera, in lacrime e fuori di sé.

Il giovanotto ha un fremito perplesso, sprona la ragazza ad andare su a controllare tubi e rubinetti, ma lei ride.

– E la stai ad ascoltare? Guarda che è pazza, non lo vedi?! Viviamo qui già da sette anni e ogni giorno le inondiamo la casa! Sta tutto il tempo ad aspettare qualcuno, quell'idiota psicopatica!

E la ragazza tira il giovane per la spalla inerte fino in strada, incontro alla prima timida ebbrezza primaverile. Vera, stanca, chiude la porta con un colpo secco, proteggendosi dagli spifferi pungenti dell'appartamento.

Vera si ricorda di quando un tempo, in quella stessa casa, arrivavano anche da lei – all'epoca una Vera ancora snella e avvenente – giovanotti goffi e allampanati. Si

Как стыдливо прятала глаза от строгих родителей в тот день, когда привела в этот дом мужчину и назвала своим мужем. Как потом, хрупко скрипя половицами, они внесли сюда дочь Вареньку, а потом, через несколько лет и маленькую Надю, любимицу отца.

Еще перед самой войной муж спутался с какой-то девицей на стороне. С какой-то глупой равнодушной покорностью Вера приняла измену мужа и сама проводила его навстречу новой жизни.

А потом, когда родители, один за другим, умерли, Вера привела в свой дом лихого чубастого Николая, весело поскрипывающего дорогим хромом сапог. Вера все любила в муже, любила его смех, этот чуб, сапоги. Знала Вера, что не одна она обожает этот чуб, но все прощала. Доставала на рынке лучшую ваксу, и по ночам, мешая ваксу со слезами, с какой-то затаенной даже ненавистью начищала родные голенища до блеска.

А потом, когда в Вере зародилась новая жизнь, Николай ушел на войну. Так и шел до самой станции – молодцевато смеялся и крикливо визжал гармошкой на всю улицу. А Вера шла следом, рыдала и смотрела, как в жирной июньской пыли тонет лихой глянец его щегольских сапог. Через три месяца Вера получила «похоронку» на мужа.

Война начисто вылизала все закрома и съестные запасы у людей. Показная ненужная роскошь квартиры, богатая старинная мебель и ковры, по которым еще ступали бальные туфли Веринной бабушки, были теперь ненавистны. Казалось, что от сверкания ваз, от перезвона дорогой люстры голод только усиливается. Вера твердо решила родить дитя Нико-

ricorda di quando, evitando imbarazzata lo sguardo severo dei genitori, un giorno aveva portato in quella casa un uomo e lo aveva chiamato “marito”. Si ricorda di quando poi, facendo scricchiolare sotto i piedi le travi traballanti, avevano portato lì sua figlia Varen’ka e in seguito, qualche anno dopo, anche la piccola Nadja, la beniamina del padre.

Già prima della guerra il marito ebbe una tresca con una qualche ragazza. Vera accolse il suo tradimento con una docilità ottusa e apatica, e lo incoraggiò lei per prima ad andare incontro a una nuova vita.

Poi, dopo che i genitori furono morti uno dietro l’altro, Vera si portò a casa Nikolaj, spavaldo, coi capelli al vento e i costosi stivali cromati che scricchiolavano allegramente. Vera del suo nuovo marito amava tutto, amava la sua risata, il suo ciuffo, i suoi stivali. Sapeva di non essere l’unica ad adorare quel ciuffo, ma perdonava tutto. Al mercato si procurava la lacca migliore, e di notte, mischiandola alle lacrime e a una sorta di odio celato, puliva gli adorati gambali fino a farli brillare.

Ma poi, quando in Vera prese a pulsare una nuova vita, Nikolaj partì per la guerra. Persino in stazione ci arrivò con la stessa andatura: rideva, tutto baldanzoso, mentre il suono stridulo e penetrante della sua fisarmonica si spandeva per la via. E Vera gli camminava dietro, singhiozzando e guardando come lo spavaldo lucichio dei suoi stivali da damerino si perdeva nella densa polvere di giugno. Tre mesi dopo a Vera arrivò dal fronte la notizia che suo marito era morto.

La guerra aveva fatto piazza pulita in tutte le dispense, senza lasciare nulla. Il lusso futile e vistoso dell’appartamento, gli sfarzosi mobili antichi e i tappeti che già le scarpe da ballo della nonna di Vera avevano calpestato adesso erano insopportabili. Sembrava che lo scintillio dei vasi e il tintinnio del prezioso lampadario

лая. Все вынесла из квартиры – выменяла на крупу и кислый по-военному скудный хлеб.

Чтобы не делить добытые крохи с жадными от голода Варей и Надей, каждый вечер, когда Вера укладывала их пораньше спать, она шла на кухню и съедала все одна – чтобы все досталось только любимому неродившемуся ребенку. Дети просыпались от пьянящего запаха хлеба и молча ждали, когда Вера доест, боясь вскрикнуть или заплакать.

Однажды Вера поймала Варю, кормившую маленькую сестру ее потайным хлебом. У Веры случилась истерика – долго и зло била дочек по худым щекам:

– Он же умрет! Он же маленький еще, ему есть надо, чтобы родиться! Дети не испугались. Только они никак не могли понять, зачем, к чему вся эта ежедневная, уже обычная грубая равнодушная жестокость. Надя с тупой покорностью ощущала боль от ударов мозолистых рук матери. А Варя просто молчала, не пытаясь даже втянуть голову и увернуться. Уже на позднем сроке Вера вдруг почувствовала грубую опустошающую боль внутри и поняла, что не будет у нее этого ребенка. Потом в больнице долго и мучительно выскабливали остатки из живого бьющегося тела матери. А когда Вера вернулась домой, Надя уже умерла от голода.

Потянулись безрадостные годы одиночества и непосильной работы. Вера и не заметила, как кончилась война, как жизнь пошла своим чередом. Варя вытянулась в статную разумную девушку, поступила в институт и ушла из дома. Когда она ушла, Вера вдруг почувствовала облег-

acuissero solo la fame. Vera portò via dall'appartamento tutto quello che c'era e lo vendette in cambio di cereali e di qualche tozzo di pane, acido come può essere solo in tempi di guerra.

Per non dover condividere con Varja e Nadja, ch'erano avidamente affamate, le briciole che si era procacciata, ogni sera, dopo averle messe a dormire in anticipo, Vera andava in cucina e si mangiava tutto da sola, in modo che quel cibo toccasse soltanto al piccolo, non ancora nato e già prediletto. Le bambine venivano svegliate dall'odore inebriante del pane e aspettavano in silenzio che Vera finisse di mangiare, timorose di gettare un grido o scoppiare a piangere.

Una volta Vera scoprì Varja a dar da mangiare alla sorellina il pane tenuto nascosto. Le venne una crisi isterica e picchiò a lungo e con astio le figlie sulle guance scavate.

– Morirà! È ancora piccolino, ha bisogno di mangiare per poter nascere!

Le bambine non si spaventarono. Solo, non riuscivano proprio a capire il motivo, lo scopo di tutta quella fredda e brutale crudeltà, quotidiana e già divenuta abituale. Nadja si prendeva gli schiaffi delle mani callose della madre con una docilità ottusa. E Varja semplicemente taceva, senza nemmeno cercare di chinare la testa e scansarli.

Era già troppo tardi quando Vera improvvisamente sentì una fitta dentro di sé, e capì che quel bambino non l'avrebbe mai avuto. In seguito, all'ospedale, l'estrazione dei suoi resti dal corpo vivo e pulsante della madre fu lunga e dolorosa. E quando Vera tornò a casa, Nadja era già morta di fame.

Si trascinarono avanti anni grigi di solitudine e di lavoro improbo. Vera non si accorse nemmeno che la guerra era finita e che la vita proseguiva il suo corso.

чение. Как будто в опустевшем без Вари доме вдруг стало даже дышать спокойнее и без страха.

Вера слышала, что дочь вышла замуж и родила дочку Наденьку. Знала, что Варя с семьей ютятся в тесной комнатухе, потом переехали в квартиру. Вера видела внучку только один раз – случайно столкнулась на улице. Из смеющегося личика маленькой Нади, переливающегося здоровым детским румянцем, на Веру вдруг глянуло суровое лицо другой Нади, хрупкой худенькой девочки в старом холодном платье. Забывшаяся Вера крепко ухватилась за испуганную внучку.

– Приведи ее ко мне! Умоляю тебя, Варя! Приведи ко мне Надю в гости, я ей все покажу! Я ей все объясню!

Варя старалась поскорее отвести в сторону взгляд:

– Хорошо, мы зайдем как-нибудь.

С тех пор Вера каждый день своей жизни ждет в гости свою внучку Надю. Она уже, наверное, выросла, стала взрослой. Может, у нее даже есть свои детки... Каждый раз, когда Вера слышит на лестнице крепкий молодой шаг, она спешит к двери, не Надя ли...

– Ну, вот, опять эта ненормальная! Я же говорила! Сейчас опять будет орать, что мы на нее воду льем, – хохочет соседская девчонка.

– Слушай, а сколько ей лет?

– Не знаю! Семь лет назад, когда мы сюда переехали, ей, вроде, было восемьдесят два. А теперь она снова говорит, что ей восемьдесят два!.. Мне кажется, она и сама уже не помнит!

Девчонка распахивает настежь старые двери парадной, и первая, еще

Varja si fece una ragazza intelligente e ben tornita, entrò all'università e se ne andò di casa. Quando partì, Vera provò un improvviso sollievo. Nella casa, che senza Varja sembrava si fosse svuotata, d'un tratto si poteva respirare con più tranquillità, senza timore.

Vera sentì dire che sua figlia Varja si era sposata e aveva avuto una bimba, Naden'ka. Venne a sapere che lei e la sua famiglia stavano assiepati in un'angusta stanzetta, ma poi si erano trasferiti in un appartamento. Vide la nipotina solo una volta, imbattendosi casualmente in lei per strada. Dal faccino sorridente della piccola Nadja, che riluceva del colorito roseo e sano dei bambini, d'un tratto fu il volto severo dell'altra Nadja – lo scricciolo smagrito e fragile nel suo vecchio vestitino leggero – che prese a fissare Vera. Fuori di sé, Vera si avvinghiò con presa salda alla nipote intemorita.

– Portala da me! Ti supplico, Varja! Porta Nadja a farmi visita, e le mostrerò tutto! Le spiegherò tutto!

Varja cercava frettolosamente di distogliere lo sguardo.

– Va bene, vedremo di passare da te in qualche modo.

Da allora Vera trascorre ogni giorno della sua vita aspettando che venga in visita sua nipote Nadja. Probabilmente è già cresciuta, è diventata grande. Può darsi che abbia persino dei bimbi suoi... Ogni volta che Vera sente per le scale un rumore di passi giovani e vigorosi, corre alla porta per vedere se è Nadja...

– Eccola di nuovo, la psicopatica! Te l'avevo detto! Adesso ci griderà un'altra volta che le rovesciamo l'acqua addosso – ridacchia la ragazza del piano di sopra.

– Senti un po', e quanti anni ha?

– Non so! Sette anni fa, quando ci siamo trasferiti qui, doveva avere qualcosa

ледяная неокрепшая весна, дышит полной грудью в сырое лицо Веры. Она испуганно закрывается от холода не латанной поношенной ша-
лью.

– Вы меня заливаете! Вы все вокруг заливаете меня! Опять вода! Кругом только вода и сырость!

По рыхлым, измятым горем щекам, катятся горькие–горькие слезы Веры.

come ottantadue anni. E adesso sta ancora a dire che ne ha ottantadue!... Mi sa che non se ne ricorda neppure lei!...

La ragazza spalanca i vecchi battenti dell'ingresso principale e il primo alito di primavera, ancor gelida e priva di forza, si riversa sul viso umido di Vera. Intimorita, Vera si avvolge per il freddo nel suo scialle stinto e rattoppato.

– Mi state inondando la casa! Tutti quanti voi mi state inondando la casa! Di nuovo acqua! Solo acqua e muffa!

Sfiorando le guance cascanti e sformate dal dolore scivolano giù, amarissime, le lacrime di Vera.

Биография

Людмила Еремеева родилась 14 июня 1986 года в городе Ростове-на-Дону.

В 1999 году переехала с семьей в маленький городок на Волге – в Чебоксары. В 2003 году закончила лицейский класс, а через год вышла замуж.

В 2007 году развелась, переехала в Москву и поступила в Институт гуманитарного образования на факультет журналистики, но вскоре ей пришлось уйти из института.

В настоящее время студентка первого курса Института современного искусства факультета тележурналистики. В будущем надеется стать хорошим писателем и известным сценаристом.

Biografia

Liudmila Eremeeva è nata il 14 ottobre del 1986 nella città di Rostov-sul-Don. Nel 1999 si è trasferita con la famiglia nella piccola città di Čeboksary sulle rive del Volga. Ha concluso gli studi liceali nel 2003. Un anno dopo si è sposata. Nel 2007 ha divorziato, si è trasferita a Mosca, dove è stata ammessa alla facoltà di Giornalismo presso l'Istituto di Scienze Umane, che tuttavia ha dovuto presto abbandonare. Attualmente è studentessa del primo anno della facoltà di Scienze multimediali per il giornalismo dell'Istituto di arte contemporanea. In futuro spera di diventare una valida scrittrice e una sceneggiatrice di successo.

Отзыв о рассказе

Сразу же после чтения рассказа Людмилы Еремеевой вспомнились тютчевские стихи:

*Слёзы людские, о слёзы людские,
Льётесь вы ранней и поздней порой...
Льётесь безвестные, льётесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, –
Льётесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.*

Затем на ум пришли строки других поэтов о молодой жизни, играющей у гробового входа, о подлой войне, калечившей судьбы людей...

Возникающие ассоциации свидетельствуют о художественной ёмкости текста, о редком для начинающего литератора умении минимальными изобразительными средствами раскрыть во внешней бытовой ситуации тяжёлую внутреннюю драму, в конце земного пути остро переживаемую, но, кажется, не до конца осознаваемую героиней. Пространство нескольких страниц вместило в себя жестокие испытания военного времени и рутинное течение современной обыденности, отношения между разными поколениями, родителями и детьми, мужчинами и женщинами, вопросы человеческих ценностей, их выбора и платы за него.

За простотой и лаконичностью повествования проступают, возможно и по-

Nota critica

Appena ho finito di leggere *Le lacrime di Vera*, mi sono ricordato di questa lirica tjutčeviana:

*Lacrime umane, oh lacrime umane,
scorrete sui volti di giovani e vecchi
scorrete non viste, senza fermarvi,
innumerevoli e inarrestabili,
scorrete, simili ai fiotti di pioggia
nell'ora notturna di un autunno remoto.*

E poi mi sono venuti in mente i versi di altri poeti, sulla giovinezza che gioca all'imbocco della tomba, sulla guerra vigliacca che falcia i destini umani...

Le associazioni di idee scaturite dalla lettura sono un chiaro indice della densità artistica del testo e della capacità, rara in uno scrittore agli esordi, di svelarci, con mezzi espressivi quanto mai essenziali e in un contesto di vita quotidiana, un gravoso dramma interiore. Un dramma vissuto con dolorosa tragicità al termine del cammino terreno, ma, ci sembra, non elaborato fino in fondo dalla protagonista. Nello spazio di poche pagine si concentrano le crude esperienze del tempo di guerra e la routine della quotidianità odierna; i rapporti tra diverse generazioni, tra genitori e figli, tra uomini e donne; e, ancora, il dibattito sui valori umani, sulla loro scelta e sul prezzo da pagare per questa scelta.

Dietro la semplicità e il laconismo della narrazione si celano, forse senza che l'autrice se ne renda conto, tematiche di grande profondità sul senso dell'esistenza.

мимо воли автора, глубокие темы смыслового наполнения людского существования. Причём «внешнее» и «внутреннее» связано воедино естественно и свободно, легко, без специальных эстетических усилий. Во многом этому способствует использование точных образных сравнений, верно угаданных деталей и выразительных штрихов, заставляющих читателя задумываться о сути человеческих характеров, взаимоотношений и складывающихся жизненных обстоятельств. И здесь всё имеет значение: своеобразная переключка слёз и смеха, дурмана весны и колкого сквозняка, превращение роскошной квартиры в похожую на подвал, с запахом мёртвой земли, крепкий молодой шаг молодости и неуклюжие ноги старости, дорогой хром щегольского глянца родных для Веры голенищ сапог второго мужа, с визгливой гармошкой уходившего на войну, равнодушие её и покорности, и жестокости и многое другое.

Само композиционное построение повествования, переплавляющего разные временные пласты, историю и предысторию, задаёт видение в действиях участников событий прежде всего их духовного существа. В сочетании с чистотой языка и ясностью стиля отмеченные особенности говорят о несомненных художественных достоинствах рассказа Людмилы Еремеевой «Слёзы Веры».

Борис Тарасов

A questo proposito, il “fuori” e il “dentro” risultano reciprocamente legati in maniera libera e spontanea, leggera, scevra da deliberate forzature estetiche. Questo è dovuto, in larga parte, all’uso di chiare analogie figurative, di dettagli ben indovinati e di tocchi espressivi che portano il lettore a riflettere sulla quintessenza dei caratteri umani, delle relazioni interpersonali e delle varie circostanze che si verificano nella vita. E a questo punto tutto ha un significato: i singolari richiami tra il riso e le lacrime, tra l’ebbrezza primaverile e gli spifferi pungenti, tra il vigoroso rumore di passi della giovinezza e le gambe barcollanti della vecchiaia; la trasformazione di un appartamento lussuoso in una specie di scantinato che sa di terra morta; il forte passo della gioventù e le gambe goffe della vecchiaia; la brillantezza dei gambali cromati, così cari a Vera, degli stivali da damerino del secondo marito, che se ne va in guerra suonando una fisarmonica stridula e squillante; l’indifferenza della protagonista verso la docilità come verso la crudeltà; e molto altro.

La stessa architettura di una narrazione che fonde insieme diversi piani temporali, abbracciando la storia e l’antefatto, ci fa entrare nella dimensione delle azioni dei personaggi e, soprattutto, ci fa comprendere il loro essere più intimo. Insieme alla purezza della lingua e alla limpidezza dello stile, le qualità che abbiamo messo in rilievo dimostrano l’indubbio valore artistico de *Le lacrime di Vera* di Liudmila Eremeeva.

Boris Tarasov

Сергей Кубрин

Перевод на итальянский Марии Изолы

Sergej Kubrin

Traduzione in italiano di Maria Isola

КРАСИВАЯ ИЮЛЬСКАЯ НОЧЬ

Вечерело. По-летнему нехотя, постепенно, урывками. Сморгался несерьезный ветерок, и мама заставила надеть куртку. Я попробовал на удачу отказаться, но не вышло. Когда тебе меньше восьми, можно даже не прекратиться. Зато сестра договорилась лишь на спортивную кофту.

– Там не холодно, мам.

– Ну идите.

И мы пошли. Я завидовал старшей сестре – мне стыдно было щеголять в куртке по июльскому двору, будто бы я и впрямь маленький.

Во дворе было спокойно, тихо. За пределы двора выходить не разрешалось. Правило номер один.

– Может, все-таки погуляем где-нибудь еще? – спросил я Катю, но та однозначно покачала головой.

– Не хватало, чтобы нас заперли на две недели. Оно тебе надо, летом-то? Я согласился и с грустью осмотрел замазливший глаза дворик. Курятник вдали, огород, сарай с разбросанными рядом лопатами. Нечего здесь было делать, хоть убейте.

Мы подошли к забору, разделявшему наш двор с соседским. На той стороне жил Сашка Смирнов – наш общий друг.

– Где он? Обещал же выйти, – с досадой спрашивала сестра, больше саму себя.

Я пожал плечами. Откуда мне было знать, куда запропастился Санек. Мы

UNA BELLA NOTTE DI LUGLIO

Si stava facendo sera. Come succede d'estate: di malavoglia, gradualmente, a singhiozzo. A tratti soffiava un leggero venticello e la mamma mi aveva costretto a indossare la giacca. Avevo tentato di rifiutarmi, ma niente da fare. Quando hai meno di otto anni, tanto vale evitare di mettersi a discutere. Mia sorella invece se l'era cavata con una felpa sportiva. «Fuori non fa freddo, Ma'».

«Su, andate!»

E noi andammo. Invidiavo mia sorella maggiore: mi vergognavo a sfoggiare una giacca in pieno luglio, nemmeno fossi un bambino piccolo. In cortile era tutto calmo e silenzioso. Uscire dal cortile non ci era permesso. Regola numero uno.

«E se andassimo lo stesso a farci un giro da qualche altra parte?» chiesi a Katja, ma lei scosse la testa inequivocabilmente.

«Manca solo che ci mettano in castigo per due settimane. Ti piacerebbe, in estate?»

Io annuii e guardai tristemente quel cortile che oramai mi usciva dagli occhi. Il pollaio in lontananza, l'orto, la baracca con le pale sparpagliate tutt'attorno. Non c'era proprio niente da fare lì dentro, neanche a morire.

Ci avvicinammo allo steccato che divideva il nostro cortile da quello del vicino. Dall'altra parte viveva Ale Smirnov, un nostro comune amico.

«Ma dov'è? Aveva pur promesso di uscire», esclamò stizzita mia sorella, più che altro a se stessa.

Io alzai le spalle. Che ne sapevo io, di dove fosse andato a cacciarsi Ale? Cominciammo a sgranocchiare dei semi di girasole. Mia sorella mi insegnava come togliere corretta-

начали грызть семечки, сестра учила, как правильно отделять кожурки. Ничего не выходило, и я украдкой проглатывал семечки целиком, выплевывая несуществующие остатки. Улыбался.

Сашка появился минут через десять. Довольный, он умело перескочил через забор и даже не извинился за опоздание. Сестра не стала загружать его вопросами. Ровесники, я думал, что они влюблены друг в друга.

– Смотрите, что у меня есть, – заверещал Санек и показал небольшую по размерам лопату.

– У нас таких полным полно, – заявила Катя, указав на сарай.

– Нет, вы не поняли.

Саша, в предвкушении, отковырял от земли горсть. Мы не подали ни грамма восхищения.

– И что?

– Блин, это же специальная лопата для поиска клада.

– Для клада? – переспросил я, – а что это?

– Потом объясню, – отрезал Смирнов, и Катя тоже не объяснила.

Я подумал, что клад – это какой-нибудь овощ, который выкапывают. В принципе, я почти не ошибся.

– Где, по-вашему, здесь может быть клад?

Сестра, долго не думая, указала на яблоню.

– Под деревьями его всегда зарывают.

Сашка согласился и вместе с Катей помчался к яблоне. Про меня они забыли, как только появилось это непонятное слово. Я тогда был еще не гордый, поплелся с интересом вслед.

mente le bucce, ma non mi riusciva, e allora ingoiavo di nascosto i semi interi, sputacchiando bucce inesistenti. Sorrisi.

Ale comparve dopo circa dieci minuti. Tutto contento, scavalcò abilmente lo steccato e non si scusò nemmeno per il ritardo. Mia sorella evitò di tempestarlo di domande. Avevano la stessa età e secondo me erano innamorati.

«Guardate cos'ho qui!» strillò Ale e mostrò una pala di media grandezza.

«Di quelle noi ne abbiamo quante ne vuoi» disse Katja indicando la baracca.

«No, non avete capito».

Pregustando la nostra reazione, Ale raccolse una manciata di terra con la pala. Noi non battemmo ciglio.

«E allora?»

«Cazzo, ma è una pala speciale per cercare un tesoro!»

«Un tesoro?» chiesi io. «E che cos'è?»

«Te lo spiego dopo», tagliò corto Smirnov, e nemmeno Katja volle spiegarmelo.

Io pensai che il tesoro doveva essere un qualche ortaggio da dissotterrare. In fin dei conti avevo sbagliato di poco.

«Secondo voi dove si potrebbe trovare un tesoro, qui dentro?»

Senza pensarci molto, mia sorella indicò il melo.

«Sotto gli alberi ne sotterrano sempre».

Ale annuì e lui e Katja si misero a correre verso il melo. Di me si erano dimenticati non appena era comparsa quella parola incomprensibile. A quel tempo non sapevo ancora cosa fosse l'orgoglio, e mi trascinai incuriosito dietro di loro.

Ale armeggiava con la pala e Katja gli dava dei consigli.

«Tienila inclinata, così se tocchi qualcosa di duro te ne accorgi subito».

Сашка орудовал лопатой, а Катя давала советы.

– Наискось ее держи, будет что-то твердое – сразу услышишь.

Или так:

– Осторожней, она у тебя не бессмертная, хрустнет щас и все.

Сашка не спорил и следовал указаниям.

Я гулял вокруг, без интереса наблюдая за происходящим. Изредка я решил что-то вякнуть, по примеру сестры, вроде – земли побольше бери, но меня не слышали.

Скучно, что говорить. Незаметно я отходил, по шагу, по два. А когда фигуры кладоискателей стали куда меньше, я переступил черту второго прайва – одному в огород нельзя.

– Почему нельзя?

– Там опасно, мало ли кто ночью выскочит, – мама говорила серьезно.

Но я не выдержал, любопытство плескало волнами.

Огород, как огород. Правда, темно и не видно ни огурцов, ни палок, которые при свете обвивались отростками помидоров. Пахло только свежестью – пронзительно и сыто. Голосили треском насекомые. Ночная жизнь природы шла своим ходом. Я не хотел нарушать мнимый порядок и на цыпочках двинулся к бочке с водой.

Смочив руки, я уставился на свое отражение. Рябью оно переливалось, а вместе с ним и сотни звезд. Красивая июльская ночь. Теплый провинциальный вечер. В воде плескались водомерки. Заметив их, я высунул руки – очень боялся длинноногих насекомых. Лишь с издевкой подул на воду, и те скрылись в гуще. Вот, трусливые.

Oppure:

«Vai più piano, guarda che non è mica indistruttibile, ora comincia a scricchiolare ed è finita».

Ale seguiva le indicazioni senza discutere.

Io gironzolavo lì attorno e osservavo quello che succedeva senza particolare interesse. Di tanto in tanto trovavo il coraggio di uscirmene con qualche osservazione come mia sorella, del tipo prendi più terra, ma a me non davano ascolto. Che dire, una noia.

Senza farmi notare, cominciai ad allontanarmi, di un passo alla volta, poi di due. E quando le sagome dei due cercatori del tesoro si rimpicciolirono del tutto, oltrepassai il limite della seconda regola: vietato andare nell'orto da solo.

«Perché?»

«Perché è pericoloso, dio solo sa chi può saltar fuori di notte». La mamma lo diceva in tono serio.

Ma io non riuscii a resistere, la curiosità era troppo forte.

Un orto come un altro. A dire il vero era buio e non si vedevano né i cetrioli né i pali su cui alla luce del giorno si avvinghiavano i germogli dei pomodori. C'era soltanto un intenso e inebriante odore di fresco. Gli insetti vociavano rumorosamente.

La vita notturna della natura seguiva il suo corso. Io non volevo turbare quell'apparente equilibrio e in punta di piedi mi diressi verso la botte dell'acqua.

Mi bagnai le mani e fissai il mio riflesso. L'increspatura lo faceva rifrangere assieme a centinaia di stelle. Era una bella notte di luglio, una calda serata di provincia. Le idrometre sguazzavano sull'acqua. Appena le notai ritrassi le mani: avevo molta paura degli insetti dalle zampe lunghe. Ma quando soffiai apposta sull'acqua, quelle si nascosero subito nei grumi di foglie. Che codarde.

Тепло было. Я расстегнул замок куртки, снял ее вообще и уселся на землю. Чувствовал себя бездомным скитальцем, решившим переночевать на дачном участке. Откуда-то шел дым, пахло костром, но огонь не улыбался приветом. Я загрустил, точнее, захмелел от спокойствия, прикрыл глаза. Дрема подкралась моментально, но я сдерживался, чтобы не окунуться в нее со всей головой. Иногда не получалось, и я засыпал. Видел отпечатки сна, но все время куда-то летел и, что обидное, часто падал. От того и просыпался – не хотелось разбиться в кишки.

Когда мою руку зализал шершавый язык, я еще не собирался пикировать. Порхал на зависть миру, расправив руки-крылья, легко и задорно. Точно так же повторялись и лизания: легко и задорно. Я очнулся, не понимая, что происходит. Раздалось жалостливое скуление, и сквозь темноту удалось разглядеть щенка. Маленький, короткошерстный, кажется, рыжеватый, он вилял хвостом и лоснился к руке. От рук пахло пирогом с мясом – мама готовила на вечер.

– Ты чего? – спросил я щенка, будто ожидал ответа.

Тот хлопнул глазами – привыкнув к темноте, я уже стал различать предметы. Осторожно я погладил пса, тот приободрился, выпрямил хвост. Счастливый, он уселся рядом, прижавшись, будто навеки. Он не хотел меня отпускать. Я взял его в руки – крохотного, беззащитного и одинокого.

– Где же твоя мама?

Щенок не ответил, даже не гавкнул. Не знал, наверное.

Сердце мое забилось, сжалось, а потом наполнилось добротой и стало та-

Faceva caldo. Slacciai la chiusura della giacca, me la tolsi del tutto e mi sedetti per terra. Mi sentivo un vagabondo senza un tetto per dormire, che aveva deciso di trascorrere la notte nel cortile di una dača.

Da qualche parte giungeva del fumo, c'era odore di fuoco, ma le fiamme non si vedevano da nessuna parte. Mi sentii improvvisamente triste: tutta quella quiete mi dava alla testa, e socchiusi gli occhi. La sonnolenza sopraggiunse in un attimo, ma io cercavo di resistere e di non sprofondarvi del tutto. A volte non mi riusciva, e allora mi appisolavo. Vidi soltanto degli spezzoni di sogno, ma ricordo che per tutto il tempo volavo da qualche parte e, cosa piuttosto seccante, spesso cadevo. Mi risvegliavo proprio per questo, perché non volevo sfracellarmi al suolo.

Quando una lingua ruvida mi leccò la mano, io non avevo ancora iniziato a precipitare. Stavo svolazzando, in barba a tutti, spiegando leggero e baldanzoso le mie ali.

Allo stesso modo, leggere e baldanzose si susseguivano anche le leccate.

Mi riscossi, senza capire cosa stava succedendo. Risuonò un guaito lamentoso, e nell'oscurità riuscii a distinguere un cagnolino. Piccolo, dal pelo corto e – a quanto sembrava – rossiccio, dimenava la coda e si strusciava contro la mia mano, che odorava del pasticcio di carne preparato dalla mamma per cena.

«E tu che vuoi?» chiesi al cucciolo, come aspettandomi una risposta.

Il cagnolino strizzò gli occhi. Mi ero ormai abituato all'oscurità e stavo cominciando a distinguere gli oggetti. Lo accarezzai cautamente, e lui rincuorato drizzò la coda. Tutto felice mi si sedette accanto, stringendosi a me come se non volesse staccarsi più. Non voleva lasciarmi andare. Lo presi in braccio: era minuscolo, indifeso e solo.

«E la tua mamma dov'è?»

Il cagnolino non rispose, né abbaiò. Evidentemente non lo sapeva.

ким огромным, что щенка я не смог оставить. Взбудораженный, помчался, не отпуская его из рук, к Саше и Кате.

Те все занимались кладом. Прибежав, я заметил глубокую яму.

– Как дела? – поинтересовался я с задором в глазах.

– Чего такой веселый, где ты лазил вообще?

У ребят не получилось найти клад, и они переживали.

– Хотите, кое-что покажу?

– Что? Клад нашел? – Санек рассмеялся.

– Лучше, – выдал я, и вынудил из-за спины щенка.

Тот облизнулся и фыркнул.

– Нравится?

– Дрянь, – ответил Санек.

Сестра не прореагировала, всматриваясь в безнадежную глубину ямки.

Саша зевнул устало, потер глаза. Щенок бегал вокруг, заглядывая внутрь кладового источника. Катя прогоняла его, но тот все равно лез.

– Вот настырный.

– А давайте его закопаем, – предложил Саша.

– Зачем?

– В смысле? – тоже не понял я.

– Как, вы что, не знали?

Мы с сестрой переглянулись. Не знали.

– Маленьких щенят нужно закапывать, обязательно, – Саша подчеркнул последнее слово.

– Зачем? – повторила Катя.

Il cuore comincio a battermi all'impazzata, mi si strinse e traboccò di bontà. Divenne talmente grande che non fui in grado di abbandonarlo. Tutto eccitato mi misi a correre verso Ale e Katja col cagnolino in braccio.

I due erano ancora alle prese con il tesoro. Avvicinandomi, notai una buca profonda.

«Come va?» chiesi io con un barlume di entusiasmo negli occhi.

«Come mai così allegro? Dove ti eri cacciato?»

I due non riuscivano a trovare il tesoro e stavano cominciando a preoccuparsi.

«Volete che vi mostri una cosa?»

«Che cosa? Hai trovato il tesoro?» chiese Ale scoppiando a ridere.

«Di meglio», dissi io, e da dietro la schiena tirai fuori il cagnolino.

Quello si leccò il muso e sbuffò.

«Vi piace?»

«Che schifezza», rispose Ale.

Mia sorella non reagì, tutta intenta com'era a fissare la profondità senza speranza della buca.

Ale sbadigliò stanco e si strofinò gli occhi. Il cagnolino correva attorno alla buca del tesoro, sbirciandoci dentro. Katja lo scacciava, ma alla fine quello riuscì a cadervi dentro.

«Ma guarda che cocciuto».

«Sotterriamolo» propose Ale.

«Perché?»

«In che senso?» neanch'io avevo capito.

«Ma come, non lo sapete?»

Io e mia sorella ci scambiammo uno sguardo. Non lo sapevamo.

«I cagnolini devono essere sotterrati, assolutamente». Ale sottolineò l'ultima parola.

– Под землей им очень хорошо, у них там своя жизнь. Там тепло и всегда есть еда.

– Какая же может быть еда под землей?

– Червяки, гусеницы, много чего, – объяснил Саша. – Уж я-то знаю.

Сестре, кажется, было все равно. Она верила каждому слову Смирнова. Но я не хотел отдавать собаку.

– Нет, мы не будем его закапывать.

– Будем.

– Нет же, – я топнул ногой, а Саша почему-то стал хохотать. – Иди вон, мамка зовет. Мама звала спать. Правило номер три – в половине десятого домой. Это, если лето.

Я обнял щенка и так же, как он, доверчиво посмотрел на сестру:

– Катя, не надо его закапывать.

– Ладно, иди, – равнодушно сказала она.

Я ушел, оставив щенка наедине с ребятами.

Мама разбирала кровать, а я умывался. Вода журчала, стекала каплями. Вытираясь, я смотрел в окно. Сашка закидывал яму землей, а Катя ему помогала – утрамбовывала ногами. До последней дрожи в коленках, я надеялся, что щенка не отправили под землю.

– Мам, а сколько собака может находиться под землей?

– Нате вам, – выдала мама, – нагулялся. Ложись и спи. Мама поцеловала меня в лоб, а я только делал предположения. Сестра разгуливала где-то в коридоре. Не торопись, размеренно и хладнокровно.

Не спалось, щекотало в пятках, горело в шее, на щеках, и глаза слезились.

«Ma perché?» chiese Katja per la seconda volta.
«Sotto terra stanno molto bene, hanno una loro vita. Laggiù fa caldo e si trova sempre del cibo».
«Ma che ci può essere da mangiare sotto terra?»
«Vermi, bruchi, un sacco di cose» spiegò Ale. «Lo so ben io».
A mia sorella, a quanto pare, non importava nulla. Credeva a qualsiasi parola di Smirnov. Ma io non volevo dar loro il cane.
«No, non lo sotterreremo».
«Invece sì».
«No» dissi pestando a terra il piede e Ale chissà perché scoppiò a ridere. «Vai via, la mamma ti sta chiamando».
La mamma ci chiamava per andare a letto. Regola numero tre: alle nove e mezza a casa. Così solo d'estate.
Io strinsi forte il cagnolino e come lui guardai fiducioso mia sorella.
«Katja, non si deve sotterrarlo».
«Va bene, vai» disse lei con tono indifferente.
Me ne andai, lasciando il cagnolino da solo coi ragazzi.
Mentre la mamma preparava il letto io andai a lavarmi. L'acqua gorgogliava e cadeva a gocce.
Asciugandomi, guardai fuori dalla finestra. Ale stava riempiendo la buca e Katja lo aiutava compattando la terra coi piedi. Con le ginocchia che mi tremavano dalla paura, sperai che non avessero seppellito il cagnolino sotto terra.
«Mamma, per quanto tempo un cane può restare sotto terra?»
«Ma guarda un po'» disse la mamma; «a quanto pare ci siamo divertiti. Ora vai a letto

Я часто дышал, надеясь, что собачонке перейдет хоть частичка дыхания. Больше ждать не вышло. Накинув на голое тело куртку, вышел во двор. Темно и страшно.

Я помчался к яблоне. Вот ведь как зарыли. Драгоценной лопатки не оказалось рядом, и я схватил здоровенную, совковую, рядом с сараем. Копал осторожно, но быстро, взволнованно и со слезами.

Щенок карабкался и скулил, а я отряхивал его от земли. Шерсть, хоть и короткая, но все равно грязнится.

Назвали Диком. Жил долго.

e dormi». Mi diede un bacio sulla fronte mentre io continuavo a fare congetture. Mia sorella gironzolava in corridoio. Sentivo i suoi passi lenti, cadenzati e imperturbabili. Non riuscivo a dormire, avevo prurito ai talloni, il collo e le guance mi bruciavano e mi lacrimavano gli occhi. Respiravo molto frequentemente, nella speranza che almeno una piccola parte del respiro giungesse al cagnolino. Non riuscii ad aspettare oltre. Mi gettai una giacca sul corpo nudo e uscii in cortile. Era tutto buio e spaventoso. Mi misi a correre verso il melo.

Lo avevano sotterrato eccome.

La preziosa paletta non era nei paraggi e io afferrai un badile bello grosso, vicino alla baracca. Spalavo con attenzione ma velocemente, tutto agitato e con le lacrime agli occhi. Il cagnolino sguscì fuori e guai, e io lo ripulii dalla terra. Il pelo, anche se è corto, si sporca ugualmente.

Lo chiamammo Dik. Visse a lungo.

Биография

Сергей Кубрин родился в 1991 году в г. Кузнецке, Пензенской обл.

С детства занимался бальными танцами, а также игрой на балалайке и рисованием. С отличием закончил школу с углубленным изучением предметов экономического профиля, но жизнь с экономикой решил не связывать, выбрав профессию юриста.

В свободное время занимается спортом, увлекается современной литературой и научной деятельностью в области права. Также подрабатывает журналистом в пензенской газете «Молодой Ленинец» и оказывает юридическую помощь населению в правовой консультации.

Biografia

Sergej Kubrin è nato nel 1991 nella città di Kuznetsk della regione di Penza. Fin dall'infanzia si è dedicato al ballo, allo studio della balalajka e al disegno. Ha concluso con il massimo dei voti una scuola superiore a indirizzo economico, ma decidendo di non legare la sua vita all'economia e scegliendo invece la professione di avvocato. Nel tempo libero pratica sport e si dedica alla letteratura contemporanea e all'attività di ricerca in ambito giuridico. Lavora inoltre come giornalista nel giornale di Penza "Molodoy Leninet" e offre assistenza e consulenza legale ai cittadini.

Отзыв о рассказе

Писать короткие и ясные рассказы зачастую сложнее нежели длинные и мутные. «Красивая июльская ночь» Сергея Кубрина относится к числу произведений, где очень внятно, достоверно, осязаемо изображен мир детства, и что очень для русской литературной традиции важно – детства не вообще, а детства конкретного. Место, время, возраст героев, поколенческие конфликты между детьми более старшими или младшими, остающаяся за кадром, но подспудно присутствующая в тексте проблема «отцов и детей» – все это считывается и составляет основу маленькой психологической драмы, разворачивающейся на нескольких страницах рассказа. Он заканчивается счастливо благодаря участию человеческого сердца, изначального стремления к любви и добру, ибо душа человека – христианка, и это во многом утраченная современными писателями нравственная ясность – несомненное достоинство рассказа. Пусть эта идея высказана несколько прямолинейно, концовка «Красивой июльской ночи» все равно художественно точна, ибо оставляет у читателя чувство радости и сопереживания: одним злом стало меньше, одним добром больше, а заодно отсылает к замечательной повести Гарина-Михайловского «Детство Темы», герой которой также спасает ночью попавшую в беду собаку. Я не знаю, имел ли в виду автор эту ассоциацию, но для нашего конкурса несомненно очень важно еще и то, что этот рассказ – единственный из вошедших в пятерку финалистов, написанный молодым мужчиной. Тут дело не в гендерной политкорректности, а в милосердии и человечности.

Алексей Варламов

Nota critica

Scrivere racconti brevi e chiari a volte è più difficile che scrivere racconti lunghi e complessi. *Una bella notte di luglio* di Sergej Kubrin si colloca tra quelle opere che ricreano in modo chiaro, fedele e percettibile il mondo dell'infanzia e, cosa molto importante per la tradizione letteraria russa, non dell'infanzia in generale, ma dell'infanzia concreta. Il luogo, il tempo e l'età dei protagonisti, i conflitti generazionali tra i bambini più grandi e quelli più piccoli, il problema del rapporto tra padri e figli, che pur restando in secondo piano è comunque nascostamente presente nel testo, tutto questo contribuisce a creare le basi del piccolo dramma psicologico che si sviluppa nelle poche pagine del racconto. Esso si conclude felicemente grazie alla partecipazione del cuore umano e della tensione primordiale all'amore e alla bontà, poiché l'anima dell'uomo è dopotutto cristiana. Questa chiarezza morale, che gran parte degli scrittori contemporanei hanno perso, è uno degli indubbi pregi del racconto. Anche se quest'idea è esternata in modo un po' troppo diretto, il finale di *Una bella notte di luglio* è comunque artisticamente esatto, dal momento che trasmette al lettore un senso di gioia e compassione: è stato evitato un male ed è stato fatto del bene. Si coglie inoltre il riferimento al meraviglioso racconto di Garin-Michajlovskij *L'infanzia di Tjoma*, il cui protagonista, una notte, salva a sua volta un cane in pericolo. Non so se l'autore avesse in mente questa associazione, ma per il nostro concorso è indubbiamente importante anche il fatto che questo racconto sia l'unico dei cinque finalisti a essere stato scritto da un giovane uomo. E qui non c'entra la parità di genere, ma la pietà e l'umanità.

Aleksej Varlamov

Анна Остроухова

Перевод на итальянский Джулии Дзанголи

Anna Ostrouhova

Traduzione in italiano di Giulia Zangoli

МИНУТА

Я осторожно вошла в комнату, которая была местом ее работы. Комната не представляла собой ничего особенного, пожалуй, таких миллионы – тесная темная комнатуха, с безвкусными дешевыми картинками, эдакие репродукции великих мастеров, которые делали ее еще безвкусней на потускневших обоях с дурацким рисунком, напоминающим какую-то грязь... Комната, в которой нет солнца, комната, ради которой она ушла.

Я села. Мне стоило огромного усилия, чтобы сосредоточиться и посмотреть на нее. Это же лицо смотрело на нее несколько лет назад, те же глаза смотрят на нее сейчас, но уже совсем по-другому. Я начала медленно изучать ее взглядом. Каждое движение моих пристальных глаз, бегающих по телу этой «незнакомки», было воспоминанием каждого мгновения, каждой минуты утраченной и потерянной когда-то жизни.

А она совсем не изменилась: тоже чуть стареющее, но еще очень красивое лицо с глубокими глазами, только теперь в них чего-то не хватало. Мне даже на секунду показалось, что она, каким-то странным и волшебным образом, отделена от всего этого натянутаго и перетянутаго мира, такая далекая и такая чужая женщина.

– Подождите, пожалуйста, – недовольно протянула она, не отрываясь от компьютера и нагроможденных на столе бумаг. – Минут пять, я сейчас освобожусь.

Я не шевелилась. В этот момент, я, очевидно, должна была ненавидеть ее, но я

UN MINUTO

Entrai cauta nella stanza, suo luogo di lavoro. La stanza non era niente di speciale, probabilmente di stanze così ce ne sono milioni. Una stanzetta angusta, buia, con alle pareti, tappezzate di una carta cupa con un assurdo disegno simile a sporco, quadri da poco e di cattivo gusto, riproduzioni di grandi artisti, che la rendevano ancora più di cattivo gusto... Una stanza in cui non c'è sole, la stanza per la quale se n'era andata.

Mi sedetti. Feci un notevole sforzo per concentrarmi e guardarla. Questo stesso volto la guardava qualche anno fa, questi stessi occhi la guardano ora, ma in tutt'altro modo. Iniziai, lentamente, a studiarla con lo sguardo. Ogni movimento dei miei occhi attenti che percorrevano rapidi il corpo di questa "sconosciuta" era il ricordo di ogni istante, di ogni minuto di una vita un tempo perduta e smarrita.

Lei però non era affatto cambiata: il volto, appena un po' invecchiato, era ancora piuttosto bello, gli occhi profondi, soltanto adesso mancava qualcosa. Per un secondo mi parve addirittura che lei, in un certo strano magico modo, fosse distaccata da questo mondo immobile e teso. Una donna così lontana, e così estranea. – Per favore, attenda – mi buttò lì di malavoglia, senza staccare lo sguardo dal computer e dai fogli ammicchiati sul tavolo. – Cinque minuti e sono da lei.

Non mi mossi. In quel momento, io, naturalmente, avrei dovuto odiarla. Ma non la odiavo. Da tempo avevo smesso di farlo. Me ne ero stancata, ecco tutto. Vivere odiando perennemente qualcuno è impossibile, è orribile. L'odio sfinisce, fa an-

не ненавидела. Я давно перестала это делать. Я просто устала от этого. Жить, постоянно ненавидя кого-то, невозможно, ужасно. Ненависть выматывает, сводит с ума, доводит до истерик. Теряешь себя, друзей, жизнь... Меня привела сюда надежда. Глупая, возможно, и все-таки окончательная и непоправимая. Мне, вдруг, отчаянно захотелось, чтобы она не поднимала своих чужих и далеких для меня глаз, захотелось броситься вон из этой мрачной комнаты, захотелось оказаться в совершенно другом месте, затеряться на огромной планете, мне захотелось бежать от нее, от себя, от всего, что нас связывает, но я не бежала. Я просто сидела на скрипучем стуле и молчала. Я жалела и винила себя за то, что пришла к ней, за то, что так и не смогла понять, что все давно закончено и что, на самом деле, нас уже ничего не связывает. Ведь я упорно не хотела это понимать, глупо верила, что настанет день, когда я верну то, что потеряла, то, что принадлежит только мне. И вот теперь это ужасное ожидание открыло мне глаза на реальность, которую я упорно отталкивала все эти годы. Но я же ни в чем не виновата, я ничего от нее не жду или хочу так думать, я просто надеюсь, удивляясь самой себе и одновременно смеясь над самой собой. А вся штука в том, что я все это время мечтала открыть для себя нормальную жизнь, непохожую на эту действительность, нормальную, насколько это возможно, и все-таки необыкновенную, по своему могуществу столь же действительную, как сама, так называемая, действительность. Вот и вся мечта. Мечта об обычной жизни. О счастье. Жизни, как у всех. Слишком долго я жила другой жизнью, не такой, как все, и эти «все» постоянно долбили меня этим. Больно для меня взрослой и невыносимо страшно для меня маленькой.

dar via di testa, porta all'isterismo. Perdi te stesso, gli amici, la vita... A condurmi lì era stata la speranza. Sciocca, forse, ma definitiva e irriducibile.

D'un tratto desiderai disperatamente che non alzasse i suoi occhi estranei e per me lontani, desiderai precipitarmi fuori da quella stanza tetra, desiderai trovarmi in tutt'altro luogo, confondermi nel vasto pianeta, desiderai fuggire da lei, da me, da tutto ciò che ci univa, ma non fuggii. Me ne stavo semplicemente seduta, sulla sedia scricchiolante, in silenzio. Compativo e rimproveravo me stessa per essere andata da lei, perché proprio non ero riuscita a capire che tutto era da tempo finito e che in realtà ormai non c'era niente a unirli. Eppure mi ostinavo a non volerlo capire, credevo scioccamente che sarebbe giunto il giorno in cui avrei recuperato ciò che avevo perduto, ciò che appartiene soltanto a me. E adesso questa tremenda attesa mi aveva aperto gli occhi sulla realtà che avevo ostinatamente respinto per tutti questi anni. Ma io non ho alcuna colpa, non mi aspetto niente da lei o così voglio pensare: io spero semplicemente, stupendomi di me stessa e nello stesso tempo ridendo di me stessa. L'intera faccenda sta nel fatto che ho sempre sognato di iniziare una vita normale, dissimile da questa realtà, normale, per quanto ciò sia possibile, e tuttavia non ordinaria, per suo potere reale, come la stessa, cosiddetta, realtà. Ecco il sogno. Il sogno di una vita normale. Di una felicità. Di una vita, come hanno tutti. Troppo a lungo ho vissuto un'altra vita, non come tutti, e questi «tutti» me lo hanno sempre fatto pesare. È penoso per me adulta e insopportabilmente orribile per me bambina.

Disprezzo la paura in cui ho vissuto a causa sua e che le ha permesso di andarsene, di lasciarmi, di gettarmi via, come una cosa inutile, di cui si può fare anche a meno e che, evidentemente, è d'intralcio. Era proprio la paura a infondermi

Я презираю страх, в котором я жила из-за нее и который позволил ей уйти, оставить меня, бросить, как ненужную вещь, без которой можно обойтись и которая, очевидно, мешает. Именно страх внушал мне глупую дикую нерешительность, каждый раз, когда я пыталась подойти к ней на улице и сказать: «Извините, я ваша дочь, которую вы бросили, но я вас люблю», именно страх будил меня кошмарами ночью, заставляя в панике искать ее дома, убеждаться, что ее нет, и снова вспоминать это далекое лицо, глаза и руки. Желание, чтобы она оказалась рядом, желание вернуть давно потерянное. Она лишила меня чего-то огромного, без чего нельзя, заставив жить лишь этой потребностью. Она просто ушла, а я пыталась понять почему, каждый раз, ловя себя на том, что я ежеминутно ищу ее глазами, среди тысячи прохожих незнакомых людей, и каждый раз мне казалось нелепым и бессмысленным, что ее нет.

Ее не было. Кажется, что полжизни ее не было. И вот, я сижу рядом с ней, таким близким и таким бесконечно чужим человеком, вспоминая все эти годы, которые я никогда не смогу оставить в прошлом. Я знала все про нее, она – ничего про меня.

Мне так безнадежно хотелось верить, что она помнит ту маленькую девочку, когда в тот заключительный день ее заплаканные, ничего не понимающие глаза, выражали то, что называется детской любовью. Любовью к матери.

Меня вдруг охватила какая-то жуткая паника, я чувствовала, что еще чуть-чуть и что-то произойдет, что-то должно было произойти, но ничего не происходило. Она все так же спокойно сидела в своем кресле, время от времени роюсь в бесконечных бумагах и записывая что-то. В диком ожидании я стара-

una sciocca, selvaggia indecisione ogni volta che tentavo di avvicinarmi a lei per strada e dirle: «Mi scusi, sono sua figlia, quella che ha abbandonato, io però le voglio bene». Era la paura a svegliarmi per gli incubi nella notte, costringendomi a cercarla in casa, a convincermi che lei non c'era, e ricordare ancora quel volto lontano, quegli occhi, quelle mani. Il desiderio di averla accanto, il desiderio di riavere ciò che da tempo avevo perduto.

Mi aveva privato di qualcosa di enorme, di cui non si può fare a meno, costringendomi a vivere soltanto per questa necessità. Se ne era semplicemente andata, e io mi sforzavo di capire perché, scoprendomi, ogni volta, a cercarla incessantemente con lo sguardo, tra migliaia di passanti sconosciuti e, ogni volta, mi pareva assurdo e insensato che lei non ci fosse.

Lei non c'era. Direi che non ci sia stata per metà della vita. Ed ecco, siedo accanto a lei, a questa persona così vicina e così infinitamente estranea, ricordando tutti questi anni che non potrò mai lasciare nel passato. Io sapevo tutto di lei, lei di me nulla.

Volevo disperatamente credere che lei ricordasse quella bambinetta quando, in quel giorno decisivo, i suoi occhi gonfi di lacrime, incapaci di comprendere, esprimevano quello che si chiama l'amore infantile. L'amore per la madre.

D'un tratto mi assalì un panico orribile, sentivo che qualcosa stava per accadere, che qualcosa sarebbe dovuto accadere, ma non accadeva niente. Lei continuava a starsene tranquilla nella sua poltrona, rovistando, di tanto in tanto, tra quei fogli infiniti e annotando qualcosa. In quella folle attesa cercavo di dominare il ritmo del mio respiro, il tremore delle dita, mi sembrava tutto assurdo e privo di un senso, questa donna, la stanza, la mia presenza in questa stanza, la mia vita... Dopotutto, che cosa ci faccio io qui? Perché sono qui? Sul serio voglio cambiare

лась овладеть ритмом своего дыхания, дрожью своих пальцев, все казалось мне нелепым и бессмысленным, эта женщина, эта комната, мое присутствие в этой комнате, моя жизнь.... А вообще, что я здесь делаю? Зачем я здесь? Неужели я хочу что-то изменить этим? Неужели я верю в это? Глупо и смешно. Я рассердилась на себя в очередной раз и нервно заерзала на скрипящем стуле. Нужно бежать отсюда. Корабль идет на дно, всем покинуть судно! Да, только вот плавать я не умею... Тону вместе с кораблем.

И в этот самый момент, как только я потянулась к двери, она, совершенно неожиданно, выйдя вдруг из своего безразличия, подняла голову и посмотрела на меня внимательно и осторожно, естественно и в то же время как-то нереально. Первый взгляд за многие годы. Вот она минута, которую я так долго ждала, ради которой я здесь. Минута счастья? Минута боли? Ненависти? Злости? Отчаянья? В эту минуту исчезло все: место, время, – осталась только эта комната, я и она.

Все во мне кричало: «Это я! Я!». Мое сердце бешено колотилось, а пальцы дрожали. Вот-вот и она, наконец, узнает меня. Я чувствовала, как из-под моих век выступали слезы усталости и смущения. Я молила кого-то о чем-то, лишь бы кончилось это мучительное ожидание. И тогда, точно вдруг отказавшись от всех вопросов, жестом, выдающим равнодушие и примиренность, она швырнула мне через стол салфетки.

– Утрите сопли. Вы отнимаете у меня время. Вы на собеседование пришли, а не на похороны, – она резко подняла брови, пригляделась и нерешительно добавила, – мы, случайно, не знакомы? Вы кто?

Жестоко. Получи то, за чем пришла. Вот эти жестокие слова. Но еще более

qualcosa con questo? Sul serio ci credo? È sciocco e ridicolo. Me la presi con me stessa per l'ennesima volta e incominciai ad agitarmi nervosa sulla sedia cigolante. Bisogna scappare da qui. La nave va a fondo, tutti devono abbandonare la nave! Sì, solamente io non so nuotare... Vado a fondo insieme alla nave.

E in quel preciso momento, mentre mi avvicinavo alla porta, lei, del tutto inaspettatamente, uscendo d'un tratto dalla sua indifferenza, alzò la testa e mi guardò cauta e attenta, in modo naturale e nello stesso tempo irreali. Il primo sguardo in molti anni. Ecco il minuto che ho a lungo atteso, per cui sono qui. Un minuto di felicità? Un minuto di dolore? Di odio? Di rabbia? Di disperazione? In quel minuto scomparve tutto: spazio, tempo, restò soltanto la stanza, io e lei.

Tutto in me gridava: «Sono io! Io!». Il cuore mi batteva a mille, le dita tremavano. Un attimo ed ecco, finalmente mi riconosce. Sentivo scendermi dalle palpebre lacrime di stanchezza e di imbarazzo. Avrei supplicato chiunque purché finisse quella straziante attesa. E allora, come d'un tratto respingendo tutte le domande, con un gesto che tradiva indifferenza e rassegnazione, mi gettò attraverso il tavolo dei fazzoletti.

– Si asciughi il naso. Mi fa perdere tempo. È qui per un colloquio, non per un funerale. – Alzò di scatto le sopracciglia, mi guardò attentamente e aggiunse incerta:

– Ci conosciamo, per caso? Lei chi è?

Spietato. Eccoti quello per cui sei venuta. Ecco, queste parole spietate. Ma ancor più spietati gli occhi di lei che mi guardano, come guardano le migliaia di persone che siedono su questa scomoda sedia, come una persona estranea, come nessuno. Esitai, ma dissi la verità, sapevo che era la verità:

– Nessuno.

жестоки ее глаза, которые смотрят на меня, как на тысячу таких же, сидящих на этом неудобном стуле, как на чужого человека, как на никого. Я заколебалась, но ответила правду – я знала, что это правда:

– Никто.

Что-то вдруг поднялось во мне, что-то не совсем понятное, но точно пугающее и одновременно пустое. Мне понадобилась еще минута, чтобы понять, что это. Минута разочарования. Я горько рассмеялась над своим же «никто», подняла сумку с пола и медленно потащилась к выходу, чтобы навсегда уйти и забыть эту незнакомку в ее мрачной комнате, эту женщину, которая никогда не была мне матерью и которая, вероятно, никогда так и не вспомнит, что у нее где-то есть взрослая дочь и что именно она сидела с ней в этой душной комнате, полной фальши.

Медленно спустившись по лестнице, я все еще чувствовала на себе ее взгляд. Прожигающий, равнодушный... Выйдя на улицу, я остановилась.

Передо мной вдруг пронеслась вся моя жизнь, и я улыбнулась, думая о том, что жизнь можно вспомнить за одну минуту, причем, самое грязное и страшное вспоминалось куда проще, чем все хорошее и приятное. В эту минуту я вернулась назад, я стала тем беспомощным ребенком, который в жутком болезненном непонимании не находил свою маму, в то время, как она просто не способна была ничего понять. Тогда и сейчас.

Когда я обернулась, передо мной стояла она. Тихо и мягко, опустив свою руку мне на плечо. Та самая далекая и чужая женщина с горьким и жалким лицом. Стояла и смотрела на меня в тупой нерешительности. Интересно, сколько времени она была у меня за спиной?

Qualcosa d'un tratto si destò in me, qualcosa di non perfettamente chiaro, ma di spaventoso e nello stesso tempo di vacuo. Mi ci volle ancora un minuto per capire che cosa fosse. Un minuto di delusione. Risi amaramente del mio "nessuno", presi la borsa da terra e mi portai lentamente fino all'uscita per andarmene per sempre e dimenticare questa sconosciuta nella sua stanza tetra, questa donna che non mi ha mai fatto da madre e che, probabilmente, non ricorderà mai di avere da qualche parte una figlia adulta e che era proprio lei a sederle accanto in quella stanza soffocante, piena di falsità.

Scendendo lentamente le scale, continuavo a sentire su di me il suo sguardo. Pungente, indifferente... Giunta in strada, mi fermai.

D'un tratto mi sfrecciò davanti tutta la vita, e sorrisi pensando che la vita può essere rievocata in un minuto, per di più quanto vi è di più turpe e orribile riaffiorava molto più facilmente dei momenti belli e piacevoli. In quel minuto tornai indietro, divenni quella bambina indifesa che in quell'orribile, dolorosa incomprendimento non trovava la propria mamma, mentre lei semplicemente non era in grado di capire niente. Allora e adesso.

Quando mi voltai, lei mi era davanti. Piano, con dolcezza, poggiandomi una mano sulla spalla. Quella stessa donna lontana ed estranea con il volto amaro e misero. Se ne stava lì in piedi e mi guardava in una torpida indecisione. Da quanto mi era alle spalle?

Non mi andava per niente di patire tutta quell'assurdità ancora una volta. Misi la borsa in spalla e senza una parola mi avviai veloce e decisa alla fermata dell'autobus.

– Aspetta! – si udì una voce, un'altra voce, dissimile da quella voce, dalla voce del passato. – Su, aspetta...

Мне так не хотелось переживать всю эту глупость еще один раз. Я набросила на плечо сумку и ничего не говоря, решительно быстро двинулась в сторону автобусной остановки.

– Подожди! – Послышался голос, какой-то другой, не похожий на тот голос, голос прошлого. – Ну, подожди же...

Я ускорила шаг, чувствуя, как слезы вновь выступают у меня на глазах, но через минуту она догнала меня и сжала мои плечи руками, пытаюсь остановить. Я посмотрела на нее, абсолютно ничего не чувствуя в этот момент.

– Х-мм, ты даже не помнишь мое имя, – я вырвалась и резко оттолкнула ее в сторону. – Извини, никак не хотела мешать твоей жизни, просто забудь, делай то, что всегда умела.

– Поверь, я сожалею, – испуганно затараторила она.

– Ну, нет, мне не нужны твои сожаления. – Я пыталась не слушать ее, мне не хотелось выслушивать ее оправдания, которые ничего для нее не значат и ничего не изменят.

– Но прошло же восемь лет... Ты изменилась, естественно, что я тебя не узнала....

Удар. Страшный удар. Ради этого я пришла?

Неожиданно я повернулась к ней лицом, я посмотрела ей прямо в глаза, впервые я не побоялась этого, и тихо поправила:

– Двенадцать лет.

Она смотрела на меня со своим сожалением, а я на нее, с каким-то презрением, от чего на душе становилось гадко и мерзко. Мне даже показалось, что ее щеки намокли от слез, но это было не так. Все было не так. Теперь я это

Accelerai il passo, sentendo le lacrime riaffiorarmi agli occhi, ma in un minuto lei mi aveva raggiunta e mi stringeva alle spalle con le mani, tentando di fermarmi. Io la guardai, in quel momento non provavo assolutamente niente.

– Dai, non ti ricordi nemmeno il mio nome. – Mi svincolai e la respinsi di scatto da una parte. – Scusami, non volevo in alcun modo intralciare la tua vita, dimenticami e basta, fai quello che hai sempre saputo fare.

– Credimi, mi dispiace – prese a dirmi con tono frettoloso e spaventato.

– No, non mi serve il tuo rammarico. – Cercavo di non ascoltarla, non volevo sentire le sue giustificazioni, che per lei non significano nulla e non cambieranno nulla.

– Ma sono passati otto anni... Sei cambiata, è normale che non ti abbia riconosciuta...

Colpo. Colpo terribile. Per questo sono venuta?

Girai di scatto il volto verso di lei, la guardai dritto negli occhi, per la prima volta non avevo paura di farlo, e corressi piano:

– Dodici anni.

Lei guardava me con il suo rammarico, e io lei, con un certo disprezzo, che mi fece provare un senso di disgusto e nausea dentro. Mi parve addirittura che le sue guance fossero umide di lacrime, ma non era così. Niente era così. Adesso lo capivo. Dentro di me desideravo follemente, sebbene facessi di tutto per respingere questo pensiero, che lei dicesse: «Perdonami», che si procurasse una normale giustificazione, che mi abbracciasse e mi sommergesse di domande, che niente fosse così com'era. Lei mi avrebbe fatto cambiare idea, si sarebbe fatta valere e questi sentimenti penosi, strazianti non mi avrebbero più avvelenato. Invece, lei mi guar-

понимала. Внутри себя я безумно хотела, хотя старательно отказывалась от этой мысли, чтобы она сказала: «Прости», чтобы нашла себе нормальное оправдание, чтобы обняла меня и засыпала вопросами, чтобы все оказалось не так, как оно есть. Она переубедила бы меня, настояла на своем и меня не отравляли бы больше эти раздирающие мучительные чувства. Но вместо этого она внимательно смотрела на меня своим изучающим виноватым взглядом, и я видела, что в ее глазах не осталось ничего родного.

Что она чувствует в эту минуту? Жалость? Наверное, и потому она здесь. Я вдруг поняла, что она никогда меня не обнимет и не расспросит о моей жизни, не поможет мне облегчить душу, никогда не восполнит все то, чего меня лишила, никогда не будет мамой, ей это и в голову не придет. Разве я виновата, что была помехой в ее жизни? Разве я виновата, что родилась? Почему за все должна отвечать только я одна? Я уже достаточно ответила. Нам с ней никогда, никогда не простить друг друга!

И вдруг, она взяла мою руку и сжала ее своими тонкими влажными пальцами. Я пыталась придать этому какой-то смысл. Это мгновение было пропастью, развернувшейся между мной и ее движениями, тяжестью и пустотой вокруг, напряженной пустотой. Этот жест – мокрые ладони, сжимающие мою руку, – был каким-то нелепым выражением жалости, будто она пыталась этим заглядывать вину. Она сожалела и сочувствовала таким странным и глупым образом. – Зачем ты пришла? – тихо спросила она, отпустив, наконец, мою руку. Сочувствие кончилось. Сожаление тоже куда-то исчезло. На ее лице был только этот вопрос.

Я выдавила из себя кислую улыбку. Что ж, почему бы и нет.

dava attentamente, con quel suo sguardo indagatore, pieno di colpa, e io vidi che nei suoi occhi non era rimasto nulla di familiare.

Che cosa prova in questo minuto? Compassione? Forse, e per questo è qui. D'un tratto compresi che non mi avrebbe mai abbracciata e non mi avrebbe fatto alcuna domanda sulla mia vita, non mi avrebbe aiutata a pacificarmi l'animo, non avrebbe mai reintegrato tutto quello di cui mi aveva privata, non sarebbe mai stata la mamma, a lei questo non passava nemmeno per la mente. È forse colpa mia se sono stata un intralcio nella sua vita? È forse colpa mia se sono nata? Perché per tutto devo pagare io sola? Ho già pagato abbastanza. Io e lei non potremo mai perdonarci l'un l'altra!

E d'un tratto, mi prese la mano e la strinse tra le sue dita, sottili, umide. Mi sforzai di dare a questo gesto un qualche senso. Quell'istante era un abisso che si spalancava tra me e i suoi movimenti, era gravità e vacuità, tesa vacuità. Quel gesto, le palme umide che stringevano la mia mano, era una goffa espressione di compassione, come se cercasse con questo di riparare il torto. Si rammaricava e provava compassione in un modo così strano e sciocco.

– Perché sei venuta? – chiese lei piano, lasciando, infine, la mia mano.

La compassione era finita. Il rammarico pure era sparito non si sa bene dove. Sul suo volto c'era soltanto questa domanda.

Sfoderai un aspro sorriso. E be', ma poi perché no?...

– Per un qualche motivo credevo che tutto sarebbe potuto cambiare, pensavo che tu alla fine avresti compreso... L'ho sempre sognato. Sono venuta per dirti questo. Ma mi sono sbagliata. – Mi fermai e la guardai attentamente, cercando di indovinare a cosa stesse pensando in quel secondo, ma nei suoi occhi vidi soltanto

– Я почему-то поверила, что все можно изменить, думала, что ты, наконец, поймешь.... Я мечтала об этом всегда. Я пришла, чтобы сказать это. Но я ошиблась. – Я остановилась и осторожно посмотрела на нее, пытаюсь угадать, о чем она думает в эту секунду, но в ее глазах я увидела только испуг. – А еще я хочу, чтобы ты ответила на вопрос, который как клеймо на тебе и как петля на моей шее... Этот вопрос мучает меня всю жизнь, тянет якорем на дно, не отпускает... – на мгновение я замолчала, сглотнула слюну и спросила, – Почему ты ушла?

И тут я заметила, что легкий испуг уступил место страху, от чего во мне шевельнулось раздражение.

– Прости, – сказала она так мягко и так неестественно, что я даже рассмеялась над такими, слегка запоздалыми словами. – Я испугалась.... Испугалась быть просто мамой. Я хотела большего.

Вот оно долгожданное «прости»! Так вот как это бывает: столько лет ты ждешь этого, а тебе кидают это в лицо вот так, коротко и просто, как салфетки, чтобы вытереть сопли и вновь оставить все как есть.

– Я давно простила тебя, а все остальное уже не имеет значения.

Я лгала. Мне хотелось сказать ей, что я лгу, что на самом деле все это имеет большое значение, что она мне необходима и что я никогда не смогу простить ее, но все вдруг становилось бессмысленным, никому не нужным, как и я сама. Для нее меня уже давно нет. Как она сказала, восемь лет. Ну, что ж, пусть будет восемь. По крайней мере, она не притворяется, что все эти годы меня любила и безумно скучала. И на этом спасибо.

Конечно, я отдала бы все на свете, чтобы она хоть раз посмотрела на меня

spavento. – E poi voglio che tu risponda alla domanda che è come un marchio su di te e un cappio al mio collo... Questa domanda mi tormenta da tutta la vita, mi tira come un'ancora verso il fondo, non mi lascia... – Per un istante rimasi in silenzio, deglutii e domandai: – Perché te ne sei andata?

E qui notai che l'ombra di spavento aveva ceduto il posto alla paura, e questo destò in me una certa irritazione.

– Perdonami – disse lei così dolce e così innaturale che risi addirittura di quelle parole leggermente tardive. – Ho avuto paura... Ho avuto paura di essere soltanto una madre. Io volevo di più.

Eccolo, «perdonami», tanto atteso! Ecco quello che capita: lo attendi per così tanti anni e te lo lanciano in faccia così, semplice e conciso, come dei fazzoletti per asciugarti il naso, per poi lasciare di nuovo tutto così com'è.

– Ti ho già perdonata da tempo, tutto il resto invece non ha ormai alcun significato.

Mentivo. Volevo dirle che stavo mentendo, che in realtà tutto questo aveva un grande significato, che lei mi è indispensabile e che non potrò mai perdonarla, ma d'un tratto tutto divenne assurdo, inutile per tutti, come me, del resto. Per lei io non c'ero più da tempo. Come aveva detto lei, da otto anni. Be', che siano pure otto. Perlomeno non ha finto di avermi voluto bene e di avere sentito terribilmente la mia mancanza in tutti questi anni. Per questo, grazie.

Naturalmente, avrei fatto qualunque cosa al mondo perché mi guardasse almeno una volta con altri occhi. Perché diventasse un'altra. Perché tutto divenisse altro. Probabilmente, questo è l'apice della sciocchezza, dopotutto sapevo da principio che questo non sarebbe mai accaduto.

совсем другими глазами. Чтобы она стала другой. Чтобы все стало другим. Наверное, это верх глупости, ведь я заранее знаю, что этого никогда не произойдет.

Я смотрела на нее потерянная. Я видела, что она верит в мою ложь. Она всегда хотела в это верить. Моя ложь означала, что я больше никогда не появлюсь в ее жизни. Мы обе это знали, и она была счастлива. Теперь ей будет легче жить с этим.

Мы стояли напротив друг друга, скованные тяжелейшим молчанием, и хотя город ревел, вокруг было как-то странно и нереально тихо, будто нечто из космоса отделило нас от общей массы и погрузило в бесконечную тишину, пытаюсь подслушать наш разговор. Эй, братья по разуму, подарите мне другую жизнь! Я ее заслужила!

Она опустила глаза, тяжело вздохнула. Ждет. Я понимала, что мне нужно уйти первой, уйти сейчас, нужно закончить все это. Я чувствовала исходящее от нее облегчение. Она здесь только за этим. Улыбнувшись ей в последний раз, я побрела вдоль сырых улиц и высоких зданий, оставив ее в одиночестве. Навсегда.

«Я больше никогда не заставлю тебя чувствовать эту вину. Никогда не помешаю тебе хотеть большего. И я никогда не забуду тебя. Я люблю тебя. Ты свободна, мама».

La guardavo smarrita. Vedevo che credeva alla mia menzogna. Aveva sempre voluto crederci. La mia menzogna significava che non sarei mai più comparsa nella sua vita. Questo lo sapevamo entrambe, e lei era felice. Ora ci avrebbe convissuto più facilmente.

Stavamo l'una di fronte all'altra, imprigionate in un gravissimo silenzio e, sebbene la città vivesse in chiassoso fermento, intorno tutto era stranamente e irrealmente quieto, come se qualcosa dal cosmo ci separasse dalla comune massa per immergerci in un silenzio infinito, nel tentativo di cogliere la nostra conversazione. Ehi voi, che mi siete fratelli nella ragione, regalatemi un'altra vita! Me la sono meritata!

Aveva abbassato lo sguardo e sospirato con gravità. Aspettava. Capivo che dovevo andarmene per prima, andarmene ora, bisognava mettere fine a tutto questo. Percepivo il sollievo che si diffondeva da lei. Era qui soltanto per quello. Sorridendole per un'ultima volta, mi incamminai lentamente per le vie umide e gli alti edifici, lasciandola sola. Per sempre. «Non ti costringerò mai più a provare questa colpa. Mai ti impedirò di volere di più. E non ti dimenticherò mai. Io ti voglio bene. Sei libera, mamma.»

Биография

Анна Остроухова родилась и живет в Калининграде. 25 лет. Окончила РГУ им. Канта, по специальности геоэкология. Журналист, занимается рекламой, публицистикой и литературой. Окончила художественную школу. Обожает Биттлз и книги Харуки Мураками. Единственное хобби – это работа. По словам Анны, единственное движение, в котором она участвует – «это движение вперед, чтобы стать лучше».

Biografia

Anna Ostrouhova è nata e vive a Kaliningrad. Ha 25 anni. Si è laureata in Geoecologia all'Università Statale Russa di Immanuel Kant. Giornalista, si occupa di pubblicità, pubblicistica e letteratura. Ha frequentato un corso di pittura. Adora i Beatles e i libri di Haruki Murakami. L'unico hobby è il suo lavoro. Anna dice che il solo movimento a cui prende parte è "il movimento in avanti per migliorare".

Отзыв о рассказе

«Минута» – тонкий психологический рассказ. Один из лучших, представленных на наш конкурс.

Текст представляет собой небольшую сценку на два голоса. В служебный кабинет, где работает одна женщина, пришла на некое собеседование другая женщина – совсем молодая. К матери пришла дочь.

Дочери в эти минуты семнадцать лет. А мать оставила ее, бросила, когда девочке было пять. Бросила ребенка, чтобы «быть больше, чем мать», – то есть, чтобы работать и работать и чего-то важного добиться.

И вот дочь, повзрослев, наконец решилась и пришла впервые посмотреть на свою мать и объясниться в долгой безответной любви. Вот, собственно, весь рассказ.

В коротком разговоре женщины и впрямь объяснились. Мать даже сказала: «Прости. Так получилось.»

Матери в эти минуты встречи, разумеется, непросто, и дочь решает, что больше она к ней не придет, – она не придет и освободит мать от тяжести забытого долга и от мучений совести.

«Я больше никогда не заставлю тебя чувствовать эту вину.

Никогда не помешаю тебе хотеть большего. Я люблю тебя. Ты свободна, мама».

Владимир Маканин

Nota critica

Un minuto è un fine racconto psicologico. Uno dei migliori presentati al nostro concorso.

Il testo è una piccola scena a due voci. In un ufficio, dove una donna è al lavoro, è giunta per un colloquio un'altra donna, piuttosto giovane. Dalla madre è giunta la figlia.

La figlia ha ora diciassette anni. La madre l'ha lasciata, abbandonata, quando ne aveva cinque. Ha abbandonato la bambina per «essere più di una madre», vale a dire, per lavorare e lavorare e ottenere qualcosa di importante.

Ma ecco che la figlia, cresciuta, si decide infine a far visita per la prima volta alla madre e confidarle un amore da tempo non corrisposto. Questo, in sostanza, il racconto.

Tra le due donne tutto si chiarisce in realtà in una breve conversazione. La madre dice persino: «Perdonami. È capitato».

A dire il vero, durante l'incontro per la madre è tutt'altro che facile e la figlia decide che non le farà più visita. Non le farà visita e libererà la madre dal peso di un dovere dimenticato e dai tormenti della coscienza.

«Non ti costringerò mai più a provare questa colpa. Mai ti impedirò di volere di più. Io ti voglio bene. Sei libera, mamma.»

Vladimir Makanin

Анна Ремез

Перевод на итальянский Чинции Бенедетти

Anna Remez

Traduzione di Cinzia Benedetti

СИЛА ВОЛИ

День первый.

Соня полулежала в удобном кресле бизнес-класса с рюмкой ликера, листая рекламный буклет. В иллюминаторах уже несколько минут висела слепящая белизна: самолет окутали облака. Соня подержала во рту терпкий напиток, смакуя сладость, проглотила и вздохнула. Она еще никогда не чувствовала себя такой счастливой.

Она вспомнила восторг той минуты, когда ей позвонил Красовский. Конечно, Соня сразу узнала подчеркнuto сексуальный, хриловатый голос телеведущего «Силы воли». Те, кто выбрал Красовского на эту роль, попали в яблочко. Именно его обаянию и стати шоу было обязано как минимум половиной успеха, да и состава аудитории: программу смотрели, в основном, девушки.

Еще неделю назад она была всего лишь одной из них. Но глоток сладкого ликера на борту самолета сделала уже не Соня Голубева, консультант по продаже офисной канцелярии (а проще говоря, продавщица канцелярского магазина), а Дива, ее Величество, без пяти минут «звезда», поймавшая удачу за хвост.

Теперь она летит в Дубай, в самую роскошную резиденцию для богатых туристов, какую только можно себе представить. Рекламный проспект обещал трехкомнатный съют с видом на море, всевозможные экзотические блюда, которые специально для нее будут готовить повара

LA FORZA DELLA VOLONTÀ

Primo giorno.

Sonia se ne stava semidistesa in una comoda poltrona in classe business con un bicchierino di liquore, sfogliando un opuscolo pubblicitario. Già da qualche minuto negli oblò dominava un candore accecante: l'aereo era avvolto dalle nuvole. Sonia tenne in bocca una bevanda aspra, assaporandone la dolcezza, inghiottì e sospirò. Non si era mai sentita così felice.

Ricordava ancora l'entusiasmo di quel momento, quando le aveva telefonato Krasovskij. Ovviamente Sonia riconobbe subito il suono della voce, ostentatamente sensuale, del presentatore televisivo di "La forza di volontà". Chi aveva scelto Krasovskij per quel ruolo aveva fatto centro. Proprio al suo fascino e alla sua prestanta lo show doveva almeno la metà del suo successo e della composizione dell'audience: il programma veniva visto soprattutto da ragazze.

Solo una settimana prima lei era solo una di quelle tante. Ma chi stava sorvegliando a bordo di quell'aereo quel dolce liquore non era Sonia Golubeva, consulente per le vendite di cancelleria da ufficio (o più semplicemente venditrice di un negozio di cancelleria), ma una diva, sua altezza, lì lì per diventare una "stella", avendo preso per la coda la fortuna.

In questo momento se ne vola a Dubai, nella più lussuosa residenza che ci si possa mai immaginare, messa a disposizione per ricchi turisti. Il depliant prometteva una suite di tre stanze, con vista sul mare, ogni tipo possibile e immaginabile di pietanze esotiche, che avrebbero preparato appositamente per lei i cuochi di

двадцати ресторанов, блаженство и негу в спа-салоне, незабываемое танцевально-цирковое шоу и отдых в лучшем аквапарке мира.

За тем, как она превратится в жемчужину, спрятанную в драгоценной раковине, будут завистливо наблюдать тысячи поклонников «Силы воли». И все они будут ждать, что она не выдержит своего счастья и сорвется.

Нет уж! Она ни жестом, ни улыбкой, ни единым звуком не выдаст свой восторг. Она отлично справится с ролью безразличной, холодной, циничной привереды. И главный приз «Силы воли» достанется именно ей. Хотя штатный психолог проекта говорил ей, что долгое воздержание от положительных эмоций чревато большими проблемами впоследствии. «В дурку, может, и не попадешь, а вот общаться с людьми будет непросто». Но она же большая девочка. Как-нибудь справится.

Объявили посадку. У Сони заколотилось сердце. Она достала из сумочки пудреницу и посмотрела в круглый зеркальный глазок. Слишком сияющая. Лицо, как у влюбленной перед первым свиданием. Соня насупилась, поджала губы. Отражение получилось неприятное. Как же остаться симпатичной девушкой, приняв вид злобной фригидной Горгоны?

Шасси шаркнуло по асфальту, самолет разогнался, затем постепенно сбавил скорость и, наконец, замер, а вместе с ним замерла Соня, которую начало подташнивать от волнения.

– Прилетели. Ты готова? – к ее креслу подошла рыжеволосая, загорелая Линда, работавшая на шоу «директором по кислякам». «Кисля-

venti ristoranti, la beatitudine e gli agi di un centro benessere, l'indimenticabile show del circo della danza, e il riposo di uno dei migliori acquapark del mondo. E mentre lei si trasformava in una perla, nascosta dentro una preziosa conchiglia, migliaia di spettatori di "La forza di volontà" l'avrebbero osservata con invidia. E tutti si sarebbero aspettati di vederla crollare, incapace di sostenere tutta quella felicità.

Ma niente affatto! Né con un gesto, un sorriso e neppure con un singolo suono avrebbe manifestato il suo entusiasmo. Se la sarebbe cavata benissimo nella parte della cinica indifferente, fredda e schizzinosa. E il premio di "La forza di volontà" sarebbe toccato proprio a lei. Benché lo psicologo ufficiale del progetto le avesse detto che una lunga astinenza dalle emozioni positive avrebbe comportato gravi problemi in seguito... "Magari non finisci in manicomio, ma relazionarti con le persone sarà difficile". Ma è una ragazza grande ormai. In qualche modo ce la farà.

Annunciarono l'imbarco. A Sonia batteva il cuore. Tolsse dalla borsetta la cipria e guardò in quello che era uno specchietto rotondo. Troppo raggianti. Aveva il viso come un'innamorata al primo appuntamento. Sonia mise il broncio e strinse le labbra. L'immagine che si rifletteva divenne sgradevole. Come fare per rimanere una ragazza simpatica pur assumendo l'aspetto di una cattiva, frigida Gorgone?

Il carrello rimbalzò sull'asfalto, l'aereo prese slancio, in seguito gradualmente ridusse la velocità, e infine era fermo, e insieme a lui si era immobilizzata Sonia, che incominciava ad avere la nausea dall'agitazione.

– Atterrati. Sei pronta? – si avvicinò al suo posto Linda, capelli rossi, abbronzata, che lavorava per lo show come "direttore delle nullità". In gergo "nullità" venivano chiamati i partecipanti allo show. "Ricordati, secondo il progetto io sono

ками» на закулисном жаргоне называли участников шоу. «Запомни, на проекте я для тебя – мать родная», – сказала она Соне при встрече на телевидении.

Соня, с презрительной, как ей казалось, миной, подняла на Линду глаза. Та расхохоталась.

После того, как они сошли с трапа и Соня в десяток камер продемонстрировала свой новый образ, ей показалось, что это проще простого – не улыбаться, не радоваться, не излучать ни капли тепла. Но, выйдя из зашторенного лимузина, она с трудом удержалась, чтобы не ахнуть: ее привезли в настоящий дворец.

«Посмотрите на это архитектурное чудо! – повел рукою Красовский, который в студии, за много километров от места событий, комментировал Сонины действия. – Над ним трудились лучшие дизайнеры мира. В этих апартаментах останавливаются президенты и звезды Голливуда. По лужайкам здесь бродят павлины и фазаны. Трудно остаться равнодушным к такой красоте». Соня уперлась глазами в ракушечник, которым была усыпана дорожка к парадному входу в отель. От окружающего великолепия у нее перехватило дыхание.

– Ваш номер, мисс Голубева, – сказал по-английски темнокожий портье и распахнул дверь.

В тот же миг заработала камера, висевшая в не приметном уголке над окном, и зрители «Силы воли» увидели Сонино лицо. Прочсть по нему что-либо было невозможно.

– Здесь ваш экс-президент был. Очень хороший мистер, – улыбнулся

per te come una vera madre” aveva detto a Sonia durante l’incontro negli studi televisivi.

Con viso sprezzante, così le sembrava, fissò Linda negli occhi. Questa scoppiò a ridere.

Non appena ebbero disceso la scaletta e Sonia ebbe mostrato a dieci telecamere il suo nuovo volto, le sembrò che tutto ciò fosse più semplice del semplice: non sorridere, non gioire, non irradiare calore. Ma, uscendo dalla limousine con le tendine, con difficoltà si trattenne dal restare a bocca aperta: l’avevano portata in un vero e proprio palazzo.

– Ammirate questo miracolo architettonico! – indicò con la mano Krasovskij, il quale in studio, a chilometri di distanza dal luogo del fatto, commentava le azioni di Sonia. Ci hanno lavorato designer tra i migliori al mondo. In questi appartamenti soggiornano i presidenti e le star di Hollywood. Lì per il praticello gironzolano pavoni e fagiani. È difficile restare indifferenti a una tale bellezza. Le si mozzò il fiato per la sontuosità che la circondava.

– La vostra stanza, signorina Golubeva – disse in inglese il portiere di colore, e spalancò la porta.

In un attimo si mise in moto la telecamera, che stava appesa in un angolo nascosto sopra la finestra, e gli spettatori di “La forza di volontà” videro la faccia di Sonia. Leggervi qualcosa era impossibile.

– Qui soggiornò il vostro ex-presidente. Un signore molto per bene – sorrise l’inserviente, e Sonia per poco non sorrise in risposta. Ma subito realizzò: è qui che i furbi pensavano che sarebbe cascata. Guarda che roba: non si sentiva influenzata dall’importanza del posto! Si è comportata in modo poco patriottico. L’ex presi-

портье, и Соня едва не улыбнулась в ответ. И сразу подумала: вот ведь хитрые, думали, небось, что она на это попадет. Ишь какая: не прониклась важностью места! Непатриотично себя повела. Экс-президент все-таки, не какой-нибудь старый рокер. Так сразу истратить одну из трех разрешенных улыбок было бы глупо. Она помнила, как провалилась одна из ее предшественниц. Когда той сказали, что из номера вчера выехал солист ее любимой группы, девчонка бросилась целовать покрывало! Нет, Соню так просто не возьмешь. И она спокойно, с достоинством опустилась в кресло, затейливо расшитое арабской вязью.

День третий.

Она стояла на террасе, глядя как над зеркальной лагуной, расчерченной надвое стрелочкой яхты, всплывает солнце. Ее немного мутило после вчерашнего. Надо же было так надраться! Соня зевнула. Должно быть, в такую рань даже самые ярые поклонники шоу еще спят. Однако «Сила воли» круглосуточно транслировалась в Интернете, и Соня знала, что у многих окно с видео все время висит на рабочем столе. Проверят почту – свою страничку – заглянут в ее королевский съют. Не улыбается ли от блаженства?

Соня не очень хорошо помнила вчерашний вечер. Если она все еще здесь, значит, улыбок не было. Она поежилась, вспомнив свой первый прокол. И тень торжества, промелькнувшую в глазах у Линды. Да, нелегко сохранить постную мину, когда тебя катают по волнам дельфины.

dente non è un vecchio roccettaro qualunque. Consumare così in fretta uno dei tre sorrisi concessi sarebbe stato stupido. Si ricordava di come aveva fallito una dei suoi predecessori. Quando le avevano detto che dalla sua stanza la sera prima era partito il solista del suo gruppo preferito, la ragazza si era lanciata a baciare il copriletto! No, non prenderai Sonia così facilmente!
E tranquillamente, con dignità, si abbandonò nella poltrona adorna di un complicato ricamo in stile arabo.

Terzo giorno.

Se ne stava sulla terrazza, ammirando come in quella laguna-specchio, divisa in due dalla prua di un panfilo, si rivelasse il sole. Sentiva ancora un po' la nausea del giorno prima. C'era bisogno di prendersi una sbornia! Sonia sbadigliò. Era fortemente probabile che, così di buon mattino, anche i più accaniti ammiratori dello show stessero ancora dormendo. Tuttavia "La forza di volontà" trasmetteva 24 ore su 24 su Internet, e Sonia sapeva che per molti la finestra del monitor se ne sta tutto il tempo sul tavolo da lavoro. Controllano la posta, la propria paginetta, danno un'occhiata alla suite reale. Sorridere oppure no per la beatitudine?

Sonia non ricordava bene la sera prima. Se era ancora lì, significa che un sorriso non c'era stato. Rabbrivì, ricordandosi della sua prima mancanza. E un'ombra di trionfo era balenata negli occhi di Linda. Sì, non è facile conservare un viso impassibile quando i delfini ti trasportano tra le onde. Queste creature hanno una capacità innata a richiamare la felicità... No! L'incontro più difficile era stato con il vestito. Avendo visto il suo riflesso, coccolato da una seta incredibilmente morbida, rilucente per le centinaia di strass, si morse le labbra per evitare di strillare.

У этих существ врожденная способность вызывать радость... Нет! Самой трудной была встреча с платьем. Увидев свое отражение, обласканное неимоверно нежным шелком, сияющим сотнями страз, она прикусила губу, чтобы не завизжать. «Нравится, мисс?» – «Сойдет» – Сойдет... Да за такое платье можно душу продать! Что она, кажется, и делает... Стоп. Откуда такие бредовые мысли?

На приеме Соню представили солисту какой-то мальчиковой группы, бельгийской что ли. Парень был совершенством до последней ресницы, точно его облизали фотошопом. Рядом с ним, даже в своем роскошном платье, Соня почувствовала себя неуютно. Но красавчик Тед умел говорить комплименты и вообще вел себя довольно раскованно, без тени превосходства. И она, после двух мартини, оттаяла. Не улыбалась, конечно, но хотя бы вежливо отвечала на его вопросы. Хоть и подозревала, что Тед – это разводка на эмоции, – согласилась и потанцевать с ним, и отужинать после шоу в ресторане отеля. Она еще помнила свое глупое хихиканье за столиком... А вот что было дальше?

Соня подняла трубку.

– Линда?

– Ты что, уже встала? Я думала, после вчерашнего...

– Линда, я ничего не помню. Что я сделала? Прокололась?

– Нет, ну... Как тебе сказать... Ты же еще на проекте.

– А что тогда?

– Малыш, зайди на сайт. Там ведь можно посмотреть все, – немного сочувствующе сказала Линда и отключилась.

“Vi piace, miss?” “Passabile.” Passabile... Ma per un tale vestito ci si può vendere l’anima! Ed è proprio questa l’impressione che ha, e lo sta per fare... Stop. Da dove vengono questi pensieri?

Al ricevimento a Sonia avevano presentato il solista di un qualche gruppo per ragazzi, dal Belgio o giù di lì. Il giovane era impeccabile fino all’ultimo ciglio, come se l’avessero “leccato” con il photoshop. Accanto a lui, perfino Sonia nel suo lussuoso abito non si sentiva a suo agio. Ma l’affascinante Ted sapeva elargire complimenti, e in generale riuscì a comportarsi con disinvoltura, senza alcuna traccia di superiorità. E lei, dopo due martini, si lasciò andare. Non sorrise certo, ma rispose con un certo garbo alle sue domande. Benché sospettasse che Ted avrebbe rappresentato un’apertura alle emozioni, accettò di ballare con lui, e finì con il cenare, dopo lo show, nel ristorante dell’hotel. Si ricordava ancora i propri stupidi risolini al tavolino... E poi? Che era successo dopo?

Sonia alzò il ricevitore.

– Linda?

– Ma dai, sei già in piedi? Pensavo che dopo la serata di ieri...

– Linda, non mi ricordo nulla. Che cosa ho fatto? Mi sono lasciata andare?

– No, ma... come posso dirti... sei ancora nel progetto.

– E allora che è successo?

– Bimba, vai a vedere il sito. Là, come tu sai, si può vedere tutto – disse Linda in tono comprensivo e poi chiuse la comunicazione.

Con le mani tremanti Sonia aprì il computer e caricò la pagina dello show. Dalla finestra al centro della pagina sul suo schermo vide il proprio viso, smarrito.

Cliccò sul link con la didascalia che diceva: “Sonia e Ted al ristorante”...

Дрожащими руками Соня включила ноутбук и загрузила страничку шоу. Из окошка в центре экрана на нее смотрела собственное растерянное лицо. Она нажала на ссылку с надписью «Соня и Тед в ресторане»... «Мама меня убьет», – подумала она. Но как ей удалось сделать ЭТО с таким непроницаемым выражением лица?

День восьмой.

Изящные коричневые руки бегали по Сониной спине вверх–вниз. В спа-салоне она была сегодня единственной клиенткой. Это ради нее зажгли ароматические свечи, включили приятную восточную музыку... От прикосновений массажистки тело становилось плоским, мягким, текучим, как воск. Соня зажмурилась, расслабилась. Забыла о камерах.

– Все хорошо, мисс? – спросил воркующий голос.

– Все прекра... Все о.к.

После массажа она пошла к себе в номер. Проскользнула, не поднимая глаз по прозрачному тоннелю, за стеклами которого переливались всеми цветами радуги чудеса морей. Пол во второй комнате ее номера тоже был в виде аквариума. Она ложилась на него и часами смотрела, как снуют под ней неугомонные рыбы. Тогда Линда звонила ей и говорила, что это не дело, зрителям нужен оживляж. Сходи, поиграй в боулинг. Поешь восточных сладостей. Покатайся в аквапарке. Но Соня только качала головой. Это был ее способ спастись от тошнотворной тоски.

Но не в прямом эфире. Тогда Соня торчала в салоне красоты, где ее упо–

“La mamma mi ammazzerà” pensò. Com’era riuscita a far questo con quell’espressione così impenetrabile?

Ottavo giorno.

Eleganti mani scure scorrevano sulla schiena di Sonia, su e giù. Oggi Sonia era la sola cliente del centro benessere. Solo per lei avevano acceso delle candele aromatiche e messo una piacevole musica orientale... Al tocco del massaggiatore il suo corpo si faceva piatto, soffice, malleabile come la cera. Sonia strizzò gli occhi, si rilassò. Si dimenticò delle telecamere.

– Tutto bene, miss? – le chiese una voce avvolgente.

– Tutto meravigl... Tutto ok.

Dopo il massaggio se ne andò per conto suo nella propria stanza. Entrò furtivamente, senza sollevare gli occhi sul tunnel di vetro trasparente, su cui rilucevano tutti i colori dell’arcobaleno del miracolo del mare. Anche il pavimento del secondo vano della sua stanza era fatto come un acquario. Se ne stava lì sdraiata a guardare per ore come guizzavano sotto di lei i pesci indiatolati. Allora Linda la chiamava e le diceva che questo non è l’accordo, gli spettatori devono essere mantenuti attenti. Esci, gioca a bowling. Mangia dolci orientali. Nuota all’acquapark. Ma Sonia scuoteva semplicemente la testa. Così era come lei evadeva dalla noia.

Ma non in diretta. Allora Sonia se ne stava al centro benessere, dove la facevano sembrare come la copertina lucida di un giornale, sprofondava nel tepore della jacuzzi, mangiava aragosta, passeggiava in giardino in mezzo alle rose. E tutto con un’espressione come se avesse un insopportabile mal di denti.

добляли обложке глянцевого журнала, сидела в теплом джакузи, ела омаров, гуляла по саду среди роз. И все с таким видом, будто у нее нестерпимо болит зуб...

Соня пришла в номер и села на стеклянный пол.

Ей очень хотелось домой.

День одиннадцатый.

– Линда, вот ты говоришь, что рейтинги растут, но я же ничего не делаю...

– Ты уже восемь дней не улыбалась. Народ за тебя болеет душой.

Соня опустила голову. Они стояли на балконе, потягивая кокосовый сок.

– Тоскливо, да? – хитро спросила Линда.

– Жуть как тоскливо, – ответила Соня, на этот раз искренне.

– Ты в любой момент можешь это прекратить. Но вот главный приз тебе тогда не достанется.

Как будто она не знает. Возможность приезжать в этот отель ежегодно, в любое время, бесплатно, и проводить время, как душа пожелает...

Терпи, казак, терпи.

День тринадцатый.

В дверь позвонили. Линда нажала кнопку на подлокотнике кресла и впустила гостя. Это был художник, на картины которого она обратила внимание в сувенирном магазине. Необычные, яркие, праздничные изображения птиц.

Sonia arrivò nella sua stanza e si sedette sul pavimento di vetro. Aveva tanta voglia di tornare a casa.

Undicesimo giorno.

– Linda, tu mi dici che la popolarità cresce, ma io non faccio nulla...

– Tu non sorridi da otto giorni. La gente fa il tifo per te.

Sonia abbassò la testa. Loro se ne stavano sul balcone a sorseggiare succo di cocco.

– Angosciante, non è vero? – le chiese furbamente Linda.

– Tremendo, quanto è angosciante – rispose Sonia, questa volta sinceramente.

– Tu puoi interrompere tutto questo in qualunque momento. Ma allora significa che il premio principale non ti toccherà in sorte.

Come se non lo sapesse... La possibilità di ritornare in questo hotel ogni anno, in ogni momento, senza pagare, e trascorrere il tempo come la tua anima desidera... Sopporta, cosacco, sopporta.

Tredicesimo giorno

Suonarono alla porta. Linda spinse il pulsante sul bracciolo della poltrona e fece entrare il suo ospite. Era un pittore, il pittore di quei quadri che lei aveva notato in un negozio di souvenir. Inusuali, vivi, pieni di rappresentazioni di uccelli.

– Salve. Sono Diego. Mi hanno detto che lei voleva vedere i miei lavori...

– Molto piacere. Io sono Sonia. Lei viene dalla Spagna?

– Dalla Catalogna. Ma vivo qua a Dubai già da tempo. Ecco, questi sono fra gli ultimi.

– Здравствуйте. Я Диего. Мне сказали, вы хотите посмотреть мои работы...

– Очень приятно. Я Соня. А вы из Испании?

– Из Каталонии. Но давно живу здесь, в Дубае. Вот, это из последнего. Он открыл перед ней большую картонную папку. И Соня ахнула. Оттуда выпорхнули красные, оранжевые, желтые лирохвосты и осветили все вокруг живительной радостью.

– Как красиво! – крикнула она и вдруг почувствовала, что из ее глаз потекли слезы.

– Вам нравится? – смущенно улыбнулся Диего.

Соня вскочила на кровать и, прыгая на ней со всей мощностью раскрученной пружины, заорала прямо в камеру:

– Да!!! Это красота!!! Это здорово! Мне нравится! Аааа!!!! Вы, там, вы меня слышите?! Слышите?!!!!! Вот вам!!!!

Художник выронил папку и по белоснежному пушистому ковру рассыпались, разметались пестрые птицы.

Aprì di fronte a lei un enorme raccoglitore di cartone. E Sonia emise un'esclamazione. Ne volarono fuori esemplari rossi, arancio, gialli che portavano tutt'attorno una vivace felicità.

– Che bello! – gridò, e all'improvviso sentì che dai suoi occhi cominciavano a sgorgare lacrime.

– Le piace? – sorrise con imbarazzo Diego.

Sonia saltò sul letto e saltandovi sopra con tutta la potenza di una molla impazzita, cacciò un urlo dritto nella telecamera:

– Sì!!! È una bellezza!!! È meraviglioso! Mi piace! Aaaa!!!! Voi, là, voi mi sentite?! Mi sentite?! To', prendete!!!!

Il pittore lasciò cadere il raccoglitore e sul candido e soffice tappeto si disseminarono e si sparpagliarono i variegati uccelli.

Биография

Анна Ремез – прозаик, журналист. Родилась 30 мая 1980 года в Ленинграде, на Васильевском острове. Живет в Санкт-Петербурге, на острове Декабристов, который от Васильевского отделяет скромная речка Смоленка.

В 2002 году окончила Санкт-Петербургский государственный университет, факультет журналистики.

Работала журналистом–внештатником, писала для различных петербургских изданий. С 2003 по 2007 год работала редактором в журнале о путешествиях «Всемирный Следопыт». В настоящее время ведет раздел книжных рецензий на сайте Spbkids.com, также пишет статьи для анимационного проекта «Микрохи».

Biografia

Anna Remez è una scrittrice di prosa e giornalista. È nata il 30 maggio del 1980 nella città di Leningrado, sull'isola Vasiljevskij. Abita a San Pietroburgo sull'isola dei Decabristi, separata dalla Vasiljevskij dal fiumicello Smolenka.

Nel 2002 si è laureata in giornalismo presso l'Università Statale della sua città.

Ha lavorato come giornalista freelance per diverse pubblicazioni di San Pietroburgo. Dal 2003 al 2007 è stata direttrice del giornale di viaggi "Pioniere di tutto il mondo". Attualmente si occupa della rubrica di recensioni librarie per il sito Spbkids.com, e scrive anche articoli per i progetti di animazione "Mikrokhi".

Отзыв о рассказе

Тринадцать дней из жизни Сони, героини рассказа Анны Ремез, обещали стать не только самыми счастливыми в ее жизни, но и сулили ей удачу, которой завидовали бы сотни тысяч ее ровесниц (и не только ровесниц) – поклонниц популярного телешоу. Тринадцать считается несчастливым числом, но по настоящему счастливым стал для Сони именно тринадцатый день. Сонин путь к нему описан с реалистической экономностью, маскирующей обилие деталей. Психологический портрет героини рассказа на фоне рекламной экзотики, за которой угадывается красноречие туристических проспектов, – большая удача автора.

Евгений Солонович

Nota critica

Tredici giorni della vita di Sonia, l'eroina del racconto di Anna Remez, promettevano di diventare non solo i più felici della sua vita, ma anche i più fortunati, tanto da fare invidia a centinaia di migliaia di coetanei (e non solo quelli della sua stessa età): gli spettatori dello show più popolare. Tredici veniva considerato un numero sfortunato, ma per davvero fortunato è stato per Sonia proprio il tredicesimo giorno. La via di Sonia verso tale giorno è descritta con realistica sinteticità che nasconde però una quantità di dettagli. Il ritratto psicologico dell'eroina del racconto, sullo sfondo di un esotismo da pubblicità, dietro cui s'indovina l'eloquenza dei prospetti turistici, è un grande risultato dell'autore.

Evgenij Solonovič

Булгун Чимидова

Перевод на итальянский Алессии Каддеду

Bulgun Ćimidova

Traduzione in italiano di Alessia G. Cadeddu

10 ШАГОВ

Ты стоишь в 10 шагах от меня – это всё, что нас сейчас разделяет. Всего 10 шагов...Но именно они самые трудные. 10 шагов прочь от привычной жизни. 10 шагов сквозь неизвестность. 10 шагов к тебе... Протяни мне руку. Видишь, я иду.

1 шаг. Сегодня впервые за долгое время ясная солнечная погода, и небо такое бездонно-синее, что так и хочется утонуть в нём. Глубокое синее небо, совсем как ты любишь. Смешно, но по иронии судьбы мы познакомились под нудным тоскливым дождём. И несмотря на всю нелюбовь к нему, ты улыбался. Улыбался так, что всё остальное померкло для меня. С тех пор я навсегда полюбила твою улыбку и серые дожди.

2 шаг. Все говорят, что самое главное – начать. Но мы оба знаем, что для нас двоих главнее закончить: продержаться до конца, не потеряв начального энтузиазма и пыла. Ведь на старте равны все, но до финиша доходит не каждый.

3 шаг. Ты учил меня объективно смотреть на вещи и на людей, чуть отстраняясь от них и оставаясь немного равнодушной. Учитывать все точки зрения и не поддаваться чужому влиянию. Знаешь, я плохая ученица. Потому что на свете есть, как минимум, 1 человек, к которому я не могу относиться объективно.

10 PASSI

Sei a 10 passi da me: è tutto quello che ora ci separa. Solo 10 passi... Ma proprio i più difficili. 10 passi via dalla solita vita. 10 passi attraverso l'ignoto. 10 passi verso di te. Tendimi la mano. Vedi, sto arrivando.

Primo passo. Oggi, per la prima volta dopo tanto tempo, è una giornata chiara e soleggiata, il cielo è di un azzurro così infinito che viene voglia di affondarci dentro. Un cielo profondo, blu, esattamente come piace a te. È buffo, per ironia della sorte ci siamo conosciuti sotto una pioggia fastidiosa e malinconica. E nonostante tutta la tua avversione per la pioggia, sorridevi. Sorridevi in un modo che tutto il resto si era offuscato per me. Da allora e per sempre mi sono innamorata del tuo sorriso e delle piogge tristi.

Secondo passo. Tutti dicono che è più importante iniziare. Ma entrambi sappiamo che per noi due l'importante è finire: tenere duro fino alla fine, senza perdere l'entusiasmo e la passione iniziali. Perché alla linea di partenza sono tutti uguali, ma al traguardo non ci arriva chiunque.

Terzo passo. Mi hai insegnato a guardare obiettivamente le cose e le persone, restando leggermente a distanza, rimanendo un po' indifferente. A tenere conto di tutti i punti di vista e a non cedere all'influenza altrui. Sai, sono una cattiva allieva. Perché al mondo c'è, come minimo, una persona verso la quale non posso essere obiettiva.

4 шаг. Однажды ты сказал, что историю пишут победители, и мы часто не знаем, как всё происходит на самом деле, ведь никто не любит читать записи побежденных. Наверное, поэтому ты стремишься быть победителем, чтобы люди читали твою историю. Но вряд ли кто-либо будет читать мою историю, потому что есть, как минимум, 1 бой, который я проиграла.

5 шаг. Жизнь – это всегда выбор. В детстве нам читали, что это выбор между добром и злом, и только повзрослев, мы поняли что это выбор между общественным мнением и собственной совестью. Протянешь ли ты руку тому, от кого отвернулось общество? И что скажет твоя совесть, если это не произойдет?

6 шаг. Бессмысленно говорить, что человек никогда никому ничего не должен. Человек всегда кому-то что-то должен. В первую очередь, своим родителям. И это самый большой долг, который мы платим всю жизнь, но нам так и не суждено выплатить его полностью. Все отношения завязываются на долгах и обязательствах. И так часто приходится выбирать между долгом и собственными чувствами. Ты знаешь, как это тяжело...

7 шаг. Мы привыкли считать, что свобода заключается в том, чтобы делать всё, что хочешь. На самом деле, она в том, чтобы НЕ делать того, чего НЕ хочешь. Спасибо, что помог мне понять это.

8 шаг. Ты так близко ко мне...Стоит только протянуть руку...Но я боюсь. Моя

Quarto passo. Una volta hai detto che la storia è scritta dai vincitori e spesso non sappiamo come stanno davvero le cose, dato che nessuno ama leggere le cronache dei vinti. Probabilmente è per questo che cerchi di essere un vincitore, perché le persone leggano la tua storia. Ma è poco probabile che qualcuno leggerà la mia storia. Perché c'è, come minimo, una battaglia che ho perso.

Quinto passo. La vita è sempre una scelta. Durante l'infanzia ci insegnavano che è una scelta tra il bene e il male. E solo da grandi abbiamo capito che è una scelta tra l'opinione pubblica e la propria coscienza. La tendi una mano a colui al quale la società ha voltato le spalle? E cosa dirà la tua coscienza, se non lo fai?

Sesto passo. Non ha senso dire che un essere umano non deve mai niente a nessuno. Un essere umano deve sempre qualcosa a qualcuno. Prima di tutto ai propri genitori. Ed è il debito più grande, che paghiamo per tutta la vita, senza essere comunque destinati a saldarlo completamente. Tutte le relazioni si basano su debiti e doveri. E così spesso occorre scegliere tra il debito e i propri sentimenti. Sai quanto è difficile...

Settimo passo. Siamo abituati a ritenere che la libertà consista nel fare tutto ciò che si vuole. In realtà la libertà sta nel NON fare quello che NON vuoi. Grazie per avermi aiutato a capirlo.

Ottavo passo. Sei così vicino a me... Basta solo che tenda la mano... ma ho paura. Ecco che il mio sogno sta per realizzarsi, ma di nuovo mollo l'acceleratore. Perché ho paura di rimanere delusa. Ho paura che il sogno a cui sono andata incontro per tanto

мечта вот-вот должна сбыться, но я вновь сбавляю обороты. потому что боюсь разочароваться. Боюсь, что мечта к которой я так долго шла, на самом деле окажется совсем не такой, какой я себе ее представляла. Мне не хватает мужества принять её. Пусть пройдены тысячи дорог, преодолены сотни горестных мук, но в шаге от мечты я могу упустить ее из-за малодушия. Но в этот раз всё не так. Я знаю, что ты ждешь меня. И я делаю следующий шаг.

9 шаг. Теперь я боюсь неизвестности. Что будет, когда я переступлю черту? Неизвестность страшит меня, сковывая своим ледяным холодом. Больше всего на свете меня пугает именно она: своей неопределенностью, своей размытостью. Когда не знаешь, что ждёт тебя впереди, когда не знаешь, как поступить: бороться с этим или смириться.

...А ты всегда смотришь в лицо своему страху. Ты говоришь, что только пройдя сквозь страх, ты можешь победить его. Что ж...Я закрываю глаза, и...

Последний шаг. Почему вокруг так тихо? Где пропасть, куда я должна была провалиться? Почему не наступил конец света? И самое главное – где Ты?

Я здесь на твоём месте. Но тебя рядом нет...

Снова зарядил унылый дождь. В каждой его капле я вижу блики твоей улыбки и чувствую пронзительный взгляд твоих глаз.

Я прошла эти 10 шагов, но даже они не помогли. Где же Ты?...

tempo, in realtà si dimostri del tutto diverso da quello che avevo immaginato. Non ho il coraggio di accoglierlo. E se anche ho percorso migliaia di strade, superato centinaia di dolorosi tormenti, a un passo dal sogno posso abbandonarlo per vigliaccheria. Ma questa volta non è così. So che tu mi stai aspettando. E faccio il passo successivo.

Nono passo. Adesso ho paura dell'ignoto. Cosa succederà, quando oltrepasserò le colonne d'Ercole? L'ignoto mi terrorizza, paralizzandomi con il suo freddo glaciale. Più di tutto al mondo è proprio l'ignoto che mi spaventa: con la sua indeterminatezza, con la sua vischiosità. Quando non sai che cosa ti aspetta, quando non sai come comportarti, se combattere o rassegnarti.

... Tu invece guardi sempre in faccia le tue paure. Dici che solo attraversando la paura, puoi vincerla. E va be'... Chiudo gli occhi e...

Ultimo passo. Perché qui intorno c'è silenzio? Dov'è l'abisso, in cui dovevo sprofondare? Perché non è arrivata la fine del mondo? E soprattutto: dove sei?

Sono qui al posto tuo. Ma tu non sei accanto a me...

Di nuovo insiste mesta la pioggia. In ogni goccia vedo i riflessi del tuo sorriso e sento lo sguardo penetrante dei tuoi occhi.

Ho percorso questi 10 passi, ma neanche questo è servito. Ma tu dove sei?...

Биография

Булгун Чимидова родилась 1 мая 1989 года в с. Ергенинский Приозерного района Калмыцкой АССР. В 1995 г. поступила в Ергенинскую среднюю школу, которую окончила в 2005 г. с золотой медалью. В этом же году поступила в Калмыцкий государственный университет на специальность «Регионоведение» с изучением китайского языка. С сентября 2008 по июль 2009 гг. проходила языковую стажировку в Чжуннаньском университете экономики и права (Китай, провинция Хубэй, г. Ухань). В 2010 г. окончила Калмыцкий государственный университет с красным дипломом. В настоящее время преподает китайский язык в Калмыцком государственном университете на кафедре иностранных языков и межкультурной коммуникации.

Biografia

Bulgun Čimidova è nata il 1° maggio 1989 nel villaggio di Ergeninskij della provincia Priozernij della Repubblica Socialista Sovietica Autonoma di Kalmykia. Ha terminato le scuole con il massimo di voti nel 2005. Nello stesso anno è entrata all'Università Statale di Kalmykia nel corso di Scienze regionali, studiando la lingua cinese. Da settembre 2008 a luglio 2009 ha fatto uno stage linguistico presso la Zhongnan University of Economics and Law a Wuhan, città della provincia di Hubei nella Repubblica Popolare Cinese. Nel 2010 si è laureata con lode presso l'Università Statale di Kalmykia. Qui, attualmente insegna lingua cinese nel corso di Lingue straniere e Comunicazione interculturale.

Отзыв о рассказе

Рассказ Булгун Чимидовой – на грани прозы и эссеистики. Слово экономно, отжато, даже чересчур. А ведь речь о любви, точнее о трудной дистанции сближения двух сердец – десять шагов как десять миллионов межпланетных путей. Ведь каждый человек – тоже планета, и найти и понять друг друга так же сложно, как увидеть и узнать в небе свою звезду.

Евгений Сидоров

Nota critica

Il racconto di Bulgun Čimidova è al confine tra prosa e saggistica. Il discorso è parsimonioso, notevolmente compresso. Si parla di amore, più precisamente del difficile avvicinamento di due cuori. Dieci passi come dieci milioni di strade interplanetarie. Perché ogni uomo è anche un pianeta e trovare e capirsi l'un l'altro è difficile quanto vedere e riconoscere in cielo la propria stella.

Evgenij Sidorov

Молодые итальянские переводчики

Чинция Бенедетти родилась 1 августа 1987 года в Гавардо, маленьком городе на севере Италии, недалеко от г. Брешии. Детство и юность провела на берегу озера Гарды. В настоящее время учится в Университете г. Вероны на факультете иностранных языков и сейчас специализируется на изучении русского и английского. Самое большое счастье для нее – путешествовать и знакомиться с людьми разных культур.

Алессия Дж. Кадедду родилась 17 ноября 1985 года в Генуе. Закончила факультет иностранных языков и литературы Университета г. Генуи, сейчас заканчивает факультет литературного перевода с английского и русского языков. Обучалась девять месяцев в г. Глазго и три месяца в МИЭП в Санкт-Петербурге по программе межуниверситетского обмена.

Мария Изола родилась в г. Джемона дель Фриули в 1982 году. В 2007 году окончила факультет современных языков и литератур Университета г. Вероны. Защитила дипломную работу, темой которой были фантастические сказки А. Д. Синявской. В настоящее время студентка третьего курса аспирантуры факультета славистики Университета г. Падуи. Основные научные интересы – это исследование лингвистики, методика преподавания русского языка и переводы. Во время учебы провела два года в России, в Москве и в Санкт-Петербурге.

Giovani traduttori italiani

Cinzia Benedetti nasce il 1° agosto del 1987 a Gavardo, paese della provincia di Brescia. Trascorre la sua adolescenza sulla sponda bresciana del Lago di Garda. Studia lingue presso l'Università di Verona e si sta specializzando in inglese e russo. Tra le cose che ama fare di più ci sono i viaggi e la conoscenza di persone provenienti dalle culture più diverse.

Alessia G. Cadeddu è nata il 17 novembre del 1985 a Genova. Si è laureata di Lingue e letterature straniere presso l'Università di Genova. È laureanda in Traduzione letteraria con inglese e russo come lingue di specializzazione. Ha studiato nove mesi a Glasgow e a San Pietroburgo per gli scambi interuniversitari.

Maria Isola è nata a Gemona del Friuli nel 1982. Nel 2007 si è laureata in Lingue e Letterature moderne presso l'Università di Verona, con una tesi sui *Racconti fantastici* di A.D. Sinjavskij. È attualmente iscritta al terzo anno del corso di dottorato in Slavistica presso l'Università di Padova. I suoi principali ambiti di ricerca sono la linguistica, la didattica della lingua russa e la traduzione. Durante il suo percorso di studi ha trascorso circa due anni in Russia fra Mosca e San Pietroburgo.

Франческа Лаццарин родилась 23 апреля 1985 года в г. Падуя. В сентябре 2009 года с отличием закончила факультет иностранных языков и литературы. В настоящее время учится в аспирантуре на кафедре славистики Университета г.Падуи.

Джулия Дзанголи родилась в 1984 году. Живет в Римини. Закончила переводческий факультет Университета г.Форли, сейчас учится в Падуе. Любит читать и гулять, восхищаясь видом гор, смотреть кино в хорошей компании и слушать музыку.

Francesca Lazzarin è nata il 23 aprile 1985 a Padova. Nel settembre 2008 si è laureata con lode in Lingue e letteratura straniere e attualmente è dottoranda di ricerca in Slavistica presso l'Università di Padova.

Giulia Zangoli è nata nel 1984. Abita a Rimini. Si è laureata in Traduzione presso l'Università di Forlì. Ora studia a Padova. Adora leggere e camminare guardando le montagne, andare al cinema con una buona compagnia e ascoltare musica.

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Associazione Conoscere Eurasia
- 7 Istituto Letterario A.M. Gorky
- 9 ALMANACCO LETTERARIO 1
- 10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia
- 13 Boris Tarasov
 Rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gorky
- 16 Raduga
- 18 Giuria italiana
- 21 Giuria russa
- 23 GIOVANI NARRATORI ITALIANI
- 25 Silvia Banterle
Traduzione in russo di Marina Kozlova
- 43 Gabriele Belletti
Traduzione in russo di Olga Pozdneeva
- 65 Massimiliano Maestrello
Traduzione in russo di Maria Sudilovskaja

- 5 Ассоциация «Познаём Евразию»
- 6 Литературный институт имени А.М. Горького

- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 1
- 11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»
- 12 Борис Тарасов
Ректор Литературного института им. А.М. Горького
- 17 Премия «Радуга»
- 19 Итальянское жюри
- 20 Российское жюри

- 23 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 25 Сильвия Бантерле
Перевод Марины Козловой
- 43 Габриэле Беллетти
Перевод Ольги Позднеевой
- 65 Массимилиано Маэстрелло
Перевод Марии Судиловской

- 89 Andrea Paolo Massara
Traduzione in russo di Daria Belokrylova
- 111 Paolo Valentino
Traduzione in russo di Anastasia Golubtsova
- 128 *Giovani traduttori russi*
- 133 GIOVANI NARRATORI RUSSI
- 135 Liudmila Eremeeva
Traduzione in italiano di Francesca Lazzarin
- 153 Sergej Kubrin
Traduzione in italiano di Maria Isola
- 173 Anna Ostrouhova
Traduzione in italiano di Giulia Zangoli
- 197 Anna Remez
Traduzione in italiano di Cinzia Benedetti
- 219 Bulgun Čimidova
Traduzione in italiano di Alessia G. Cadeddu
- 231 *Giovani traduttori italiani*

- 89 **Андреа Паоло Массара**
Перевод Дарьи Белокрыловой
- 111 **Паоло Валентино**
Перевод Анастасии Голубцовой
- 129 *Молодые российские переводчики*
- 133 **МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ**
- 135 **Людмила Еремеева**
Перевод на итальянский Франчески Лаццарин
- 153 **Сергей Кубрин**
Перевод на итальянский Марии Изолы
- 173 **Анна Остроухова**
Перевод на итальянский Джулии Дзанголи
- 197 **Анна Ремез**
Перевод на итальянский Чинции Бенедетти
- 219 **Булгун Чимидова**
Перевод на итальянский Алессии Каддеду
- 230 *Молодые итальянские переводчики*

Almanacco letterario 1

– primo volume di Conoscere Eurasia Edizioni –
è stato stampato nel mese di dicembre 2010
da Cierre Grafica, Quadrante Europa, via Ciro Ferrari 5,
37066 Caselle di Sommacampagna (Verona), Italia.

Литературный альманах – Выпуск 1

Издательство «Познаём Евразию»
напечатан в декабре 2010 года
Чиэрре Графика, Куадранте Европа, ул. Чиро Феррари, 5
37066 Казелле ди Соммакампанья (Верона), Италия

 BANCA INTESA

 **conoscere
Eurasia**

 UniCredit

Литературный институт
им. А.М.Горького

la Feltrinelli

Российское Ассоциация Переводчиков